

Марк Габорио

НЕПАЛ И ЕГО ЖИТЕЛИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Марк Габорио

НЕПАЛ И ЕГО ЖИТЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Marc Gaborieau
LE NÉPAL ET SES POPULATIONS
Bruxelles 1978

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Сокращенный перевод
с французского
Ф. Л. Мендельсона

Ответственный редактор
И. Б. Редько

Предисловие и примечания
И. Б. Редько и А. А. Ледкова

Габорио М.

Г12 Непал и его жители. Сокр. пер. с франц.
Ф. Л. Мендельсона. Предисл. и примеч. И. Б. Редь-
ко и А. А. Ледкова. М.: Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1985.

184 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Монография французского историка и этнографа Марка Габорио посвящена описанию различных племен и народов Непала, обычаям, ритуалам, обрядам, религиозным верованиям, мифам и легендам населения этой горной страны. Читатель получит представление о народах, живущих в различных районах Непала — от тераев до высокогорных областей.

Г 0508020000-121
013(02)-85 198-85

ББК 63.5

© Editions Complexe, 1978.

© Перевод, предисловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Непал, расположенный между двумя великими соседями — Индией и КНР, кажется небольшим государством. Однако он не так уж и мал: его территория занимает 147 181 кв. км, что превышает площадь Швейцарии и Австрии, вместе взятых. Ее можно сравнить с гигантской лестницей, поднимающейся от низин тераев к заоблачным высям Гималаев. На ступенях разместились аналоги, кажется, всех природных зон земли — от субтропической до полярной. Их отделяют всего 250 км.

Южную кромку страны образует часть Индо-Гангской низменности (тераи). Она находится на высоте не более 250 м над уровнем моря. Еще в начале нашего века тераи были покрыты густыми, труднопроходимыми джунглями. Сейчас это освоенная и плотно населенная часть страны.

Чуть выше к северу от тераев тянутся гряды «первой ступени» Гималаев — хребта Сивалик (700—900 м над уровнем моря). Иногда отроги хребта расступаются, образуя обширные долины. Их обычно именуют Внутренними тераями, а непальцы называют Бхабхар. Еще севернее расположены цепи хребта Махабхарат (высота до 3000 м) — «вторая ступень» Гималаев. Между хребтом Махабхарат и Главным Гималайским хребтом протянулись долины. Самая обширная из них — долина Катманду, или просто Долина (Непалькхальдо) — дала название всей стране.

Главный Гималайский хребет венчает пирамиду высочайшей в мире горной системы, его средняя высота — 6000 м. Восемь вершин достигают 8000 м и более. Среди них — Джомолунгма (Эверест или Сагарматха). Главный Гималайский хребет не только отделяет географически собственно Непал от Тибета, но и служит лингвистической и этнографической границей между ними, так же как Сивалик между Индией и Непалом.

Район, разделяющий Сивалик и Главный Гималайский хребет, в непаловедческой литературе именуется Срединной Зоной или Срединной Землей, а иногда — среднегорным районом. Сами непальцы называют его Пахар (или Парбат), что означает «горы». В этом пестром в ландшафтном и этнографическом отношении районе разворачивались основные события непальской истории.

Три горных пояса длиной 800 км протянулись с запада на восток, а главные водные артерии (основные из них — бассейны рек Махакали, Карнали, Рапти, Гандак и Коси) проходят через всю страну с севера на юг. Это затрудняло связь между отдельными географическими районами и играло на руку тем силам, которые стремились держать Непал в изоляции от внешнего мира.

...«Таинственная и неведомая земля», страна «за семью замками» — так говорили о Непале еще совсем недавно. Как известно, централизованное непальское государство с монархической формой правления появилось на политической карте мира в его нынешних границах довольно поздно — в начале прошлого века. Оно сложилось в результате объединения многочисленных (более шестидесяти) мелких и мельчайших княжеств, стоявших на различных уровнях феодального общественного развития.

Не успев окрепнуть, Непал столкнулся с британским колониализмом, территориальные владения которого на Индостане достигли южных границ гималайского королевства. Англичане очень быстро оценили всю важность стратегического положения Непала для осуществления дальнейших захватов в этом районе Азии. Чтобы подчинить страну своему диктату, они 1 ноября 1814 г. объявили Непалу войну. В 1816 г. стране был навязан неравноправный договор. Его важнейшим политическим условием являлся допуск в непальскую столицу английского резидента. Под контроль британских властей была поставлена внешняя политика Непала, которому запрещалось вступать в какие-либо отношения с иностранными государствами. Но и после войны непало-английские отношения оставались натянутыми. Чтобы укрепить свои позиции, англичане прибегли к испытанному методу «разделяй и властвуй». Воспользовавшись обострением соперничества между различными фракциями феодального класса, они содействовали приходу к власти проанглийски настроенного семейства Рана. В ночь с 14 на 15 сентября 1846 г. Джанг Бахадур Рана совместно со своими братьями организовал кровавую резню в королевском дворце, в результате которой были уничтожены представители наиболее влиятельных политических группировок, и путь семейству Рана к власти был открыт. Король был низведен до положения номинального главы государства, а вся полнота власти сосредоточилась в руках Рана. Должность премьера и другие высшие посты превратились в наследственную привилегию одного феодального семейства.

Стремясь укрепить свою власть, Рана взяли курс на сотрудничество с колониальной администрацией. В сохранении английского господства над Индией они усматривали одно из важнейших условий упрочения собственного положения. В свою очередь, английские колонизаторы безоговорочно поддерживали Рана и созданную ими систему наследования.

Чтобы доказать верность британской короне, Джанг Бахадур Рана оказал помощь английским властям в подавлении индийского народного восстания 1857—1859 гг. Англичане пришли к выводу, что Непал следует закрепить за собой в виде зависимого буферного государства, служащего важным источником людских ресурсов для подавления национально-освободительного движения в Индии и в других районах своей обширной империи. Это определило английскую политику в отношении Непала на весь последующий период.

Для того чтобы получать из Непала надежных солдат, английские власти сосредоточили усилия на том, чтобы изолировать Непал от Индии, а непальский народ — от влияния индийского национально-освободительного движения. Этому же хотели Рана, которые на примере индийского восстания 1857—1859 гг. убедились, какую опасность таит в себе выступление народа. На основе изоляции Непала от внешнего мира между англичанами и семейством Рана была заключена сделка, обеспечившая поступление пушечного мяса для английской колониальной армии и жестокую эксплуатацию народных масс горсткой непальских феодалов.

Столетнее правление Рана стало одним из самых мрачных периодов в истории Непала. Существовавшая при них государственная структура служила личным целям и интересам наследственного премьер-министра и его ближайшего окружения. Вся их деятельность была направлена на то, чтобы нажить как можно больше богатств. Свои капиталы они переводили за границу. Это обескровливало экономику Непала, лишало его средств, столь необходимых для развития производительных сил.

Решающее влияние на судьбы непальского народа оказали события, развернувшиеся в колониальном мире после второй мировой войны. Великий процесс возрождения Востока захватил и Непал. Распад колониальной системы и провозглашение независимости соседней Индии оказали большое влияние на ход событий в Непале. Коренным образом изменилось внешнеполитическое положение «страны-пленницы». Антиранистские силы, заручившись поддержкой Индии, активизировали свою борьбу.

В 1951 г. режиму наследственных премьер-министров был положен конец. Непал покончил с внешнеполитической изоляцией и вышел на международную арену как миролюбивое независимое государство. В стране была провозглашена конституционная монархия. На передний план выдвинулись неотложные задачи преодоления тяжелого наследия прошлого. Началось осуществление планов экономического развития; появились первые промышленные предприятия; значительных успехов добился Непал в дорожном строительстве; начала формироваться система образования. Однако и сейчас Непал продолжает оставаться одной из самых бедных и отсталых стран мира. Доход на душу населения составляет всего 1700 рупий (или

140 долл.) в год. За последнее десятилетие темпы прироста валового национального продукта не превышали в среднем 2,2% в год и были ниже темпов роста населения (2,7%). Свыше 40% непальцев находится ниже официального уровня бедности.

Советский Союз с пониманием относится к усилиям Непала, направленным на преодоление отсталости. Установленные в 1956 г. дипломатические отношения между СССР и Непалом положили начало плодотворному советско-непальскому сотрудничеству, которое является одним из многочисленных проявлений неизбежного курса Советского государства на дальнейшее развитие дружественных связей с освободившимися странами.

Упразднение изоляции Непала от внешнего мира, установление дипломатических отношений и культурных обменов с большим числом государств содействовали появлению многих, в том числе советских, исследований по истории, экономике, географии, а также этнографии Непала.

Большинство зарубежных работ посвящены этнографии и социологии Непала. К ним относится и предлагаемая нашему читателю книга Марка Габорио «Непал и его жители», продолжающая традицию французского непаловедения, основателем которой был историк и лингвист С. Леви, автор капитального трехтомного труда «Непал», изданного в 1905—1908 гг.

В описании населения Непала автор касается практически всех больших и малых народов страны. Его книга — результат социологических исследований, которые М. Габорио в течение нескольких лет в 70-х годах проводил в тераях и в Центральном Непале.

Конечно, в деле изучения народов Непала как советским, так и зарубежным исследователям еще придется преодолеть немало трудностей теоретического и практического характера. Работы, посвященные этой проблеме (как и данная книга), носят преимущественно описательный характер и не содержат достаточных обобщений. Хотя надо отметить, что в работе М. Габорио имеются не встречавшиеся в других публикациях сведения, касающиеся, в частности, традиционных верований и обрядов малых народов, а также социальной организации непальских мусульман. Автор старается раскрыть очень важную проблему формирования некоторых народностей Непала, которая изучена еще недостаточно.

Непал относится к категории наименее развитых стран (НРС). Его социально-экономическая отсталость обуславливает весьма замедленные темпы формирования единой непальской нации. Почти шестнадцатимиллионное население Непала состоит из многочисленных этнических групп, говорящих на шестидесяти языках и диалектах и стоящих на разных ступенях социально-экономического и общественного развития и духовной культуры.

Происходящие в стране этнические процессы всегда отличались

большой сложностью. Это и понятно: район Гималаев, включая территорию нынешнего Непала, на протяжении многих тысячелетий служил контактной зоной двух историко-этнических областей — Южной и Центральной Азии. По территории Непала проходит граница между индийской (индоарийской) группой индоевропейских языков и тибето-бирманской группой китайско-тибетской семьи языков. Здесь же находится контактная зона южной группы европеоидной расы, монголоидов и переходных австралоидно-монголоидных популяций.

Южные европеоиды в Непале представлены в основном народами, говорящими на индоарийских языках: собственно непальцы (парбатии) — их более 7 млн. человек, а также народы, основная часть которых проживает на территории Индии (бенгальцы, хиндустанцы, кумаонцы и др.). Среди живущих в Непале европеоидов можно выделить несколько локальных типов, возникших, вероятно, в результате смешения индоарийских переселенцев с аборигенами.

Исследователи считают, что в Непале существует по меньшей мере два подтипа монголоидов: тихоокеанские восточные монголоиды, типичными представителями которых можно считать бхотиев и шерпов, и восточногогималайский подтип, к которому можно отнести большинство тибето-бирманских народов Непала; этот расовый подтип близок южноазиатской группе монголоидов и по своему происхождению связан с Юго-Восточной Азией. Исследователи еще в XVIII—XIX вв. отмечали сходство монголоидов Непала с малайцами.

Ряд этнических групп юга страны (район тераев) в расовом отношении можно отнести к группе, именуемой в советской этнографической литературе «веддоидно-монголоидным расовым типом» или «восточноиндийским комплексом»; типичными представителями его являются малые народы Бихара (Северная Индия). В Непале к этой группе близок антропологический тип тхару, данувар, чепангов и ряда других мелких групп. Вероятно, этот расовый тип — древнейший на территории Непала.

В Непале границы расовых типов не совпадают с этническими границами. Например, среди неваров (они проживают в долине Катманду) имеются как монголоидные группы, так и группы южных европеоидов, а также различные переходные типы. Некоторые исследователи отмечают у неваров отдельные черты веддоидов. В Западном Непале часть непалиязычных представителей касты тхакури имеет монголоидные черты. В то же время среди южных и восточных магаров довольно много европеоидов.

Чрезвычайно пестра в Непале языковая ситуация. Вопрос о происхождении и классификации всех языков Непала еще не решен. Ряд исследователей предлагает выделить некоторые языки, традиционно относимые к тибето-бирманским, в особую гималайскую группу языков.

Много нерешенных проблем существует и в сфере традиционных социальных структур различных этносов, представленных в Непале широким спектром всех стадий этносоциального развития: от родо-племенной организации (например, бхотия и шерпы, проживающие в северных районах страны) до имеющей довольно развитую кастовую систему неварской народности, представители которой обладают самым высоким уровнем этнического самосознания, который может быть достигнут в условиях кастовой системы.

Сейчас можно говорить о существовании в Непале двух этносов, отвечающих в основном критериям народности: это неварская и парбатийская (непальская).

Невары — коренное население долины Катманду — обладают богатыми традициями материальной и духовной культуры, а также развитым этническим самосознанием. Их происхождение представляет собой весьма сложную проблему. Принято считать, и не без оснований, что в нем приняли участие древние кираты (предки многих тибето-бирманских народов Непала), населявшие уже во II и I тысячелетиях до н. э. Восточные Гималаи; мундоязычные племена; личхави — выходцы из Восточной Индии; мелкие группы индийского происхождения, переселившиеся в долину Катманду в средние века. Возможно, какое-то влияние оказали племена тибетского происхождения, например таманги, населяющие районы вблизи долины Катманду. Особо следует отметить роль древних киратов, возможно принесших в Восточный и Центральный Непал мотыжное земледелие и культуру риса из районов Северного Индокитая и Южного Китая. Мотыжное земледелие оставалось основным занятием населения Долины на протяжении веков.

К XII в. невары уже, видимо, обладали этническим самосознанием. Процесс складывания феодальной неварской народности был связан с развитием феодальных отношений, становлением неварской кастовой системы. К началу XV в., вероятно, можно говорить о неварах как о народности.

Невары были создателями уникальной цивилизации; они принесли славу Непалу как искусные зодчие и ремесленники. Расцвету их культуры в значительной степени содействовало удобное местоположение долины Катманду на транзитных путях из Индии в Тибет.

Во многом уникальна социальная организация неваров. Их кастовая система — в полном смысле слова «кастовая», в отличие от неразвитой и усеченной кастовой системы парбатиюв. Исследователи социальной организации неваров характеризуют их как кастовое общество с полным набором статусных групп, типичных для индуистских обществ, но усложненное вертикальным делением на группы индуистов и буддистов.

В долине Катманду в средние века государство неваров было

теснее связано с северными и южными соседями, чем с гималайскими княжествами и племенными территориями. Внутренние районы, по существу, оставались вне сферы его влияния. Их труднодоступность, отсутствие у неваров материальных стимулов к налаживанию с ними хозяйственных связей, особенности духовной культуры, «варварское» окружение — все эти факторы, вместе взятые, не способствовали (или препятствовали) превращению неварского государства в центр политического объединения в Гималайском ареале, значительно ограничивали территориальную мобильность неваров, накладывали отпечаток на все стороны их жизни и психологии. В результате обострения борьбы внутри правящей феодальной верхушки неварское государство в конце XV в. распалось на княжества Бхатгаон, Катманду, Патан.

Функции государственно-территориальной централизации выпали на долю парбатиев (автор книги называет их индо-непальцами). Основные предки парбатиев — кхасы. На базе кхасского этноса сложились парбатийская каста чхетри и связанные с ней группы; на кхасской основе, видимо, в основном сложилась каста тхакури. Кхасы приняли участие и в формировании каст брахманов. Происхождение кхасов пока не исследовано в полной мере. Многие этнографы считают, что они появились в Северо-Западной Индии, возможно в составе древних ариев, приблизительно в 1500—1000 гг. до н. э. Отмечается, что древнеиндийские источники представляют кхасов как воинственное племя, родственное ариям и по статусу почти равное кшатриям; говорили они на языке, близком языку ариев. Арии считали их «оскверненными» и вневарновыми из-за пренебрежения религиозными догмами, в частности правилами приема пищи.

Постепенно расселяясь на юго-восток вдоль Гималаев, кхасы к середине I тысячелетия н. э. достигли западных районов современного Непала; вероятно, они представляли собой союз родственных племен. Переселение кхасов на территорию Непала происходило с северо-запада. Об этом свидетельствуют древнеиндийские источники, а также данные этнографии парбатиев Непала, а также кхасов Гархвала и Кумаона (западногималайские районы Индии).

Древние кхасы, видимо, были первыми представителями индо-арийской языковой группы, появившимися на территории Непала. Вопрос о докхасском населении гималайского района западнее р. Бхери совершенно не изучен. Гипотеза, которой придерживаются некоторые зарубежные авторы, утверждающая, что представители группы низких каст — дом — и часть неприкасаемых являются потомками докхасского населения, весьма сомнительна.

Примерно в XIII—XIV вв. сложилась первичная кхасская народность. Консолидации кхасов в народность способствовало их объединение в рамках государства Западных Малла, которое вклю-

чало районы современного Западного Непала, часть Тибета, Кумалон и Гархвал.

Завершающий этап формирования кхасской народности совпал по времени с переселением из Индии (начиная с XII в.) отдельных групп брахманов и кшатриев (раджпутов), что было вызвано мусульманскими завоеваниями в Северной Индии. Переселенцы способствовали распространению среди кхасов элементов ортодоксального индуизма и принципов индийской кастовой системы. Под их влиянием правители мелких кхасских княжеств стали причислять себя к потомкам знатных раджпутских кланов. Общие черты культуры, близость языков способствовали смешению переселенцев-раджпутов и в какой-то мере брахманов с верхушкой кхасов.

Многие исследователи считают, что современные парбатийские брахманы почти полностью являются потомками переселенцев; из переселенцев-раджпутов в основном сложилась каста тхакури, а каста чхетри — прямые потомки кхасов. Не в полной мере ясен вопрос о происхождении низких ремесленных каст; возможно, их возникновение — результат кастового расслоения в среде кхасов, а также появления индийских переселенцев.

Индуизированные кхасские феодалы еще в период существования Западных Малла (XII—XIV вв.) стали распространять свою власть к востоку от реки Бхери, где коренное население было тибето-бирманским по языку. Процесс этот продолжался после распада государства Малла, в условиях создавшихся на его развалинах двух конфедераций — княжеств Баиси — «Двадцати двух» (в бассейне рек Карнали и Бхери) и Чоубиси — «Двадцати четырех» (в бассейне реки Гандак). Одновременно происходило расселение кхасов с запада на восток вдоль Гималаев, т. е. в тех районах, ландшафт и климат которых наиболее соответствовали их типу хозяйствования (пашенное поливное земледелие). Происходила ассимиляция кхасами части магаров, гурунгов и других племен, в первую очередь той их части, которая испытывала наибольшее влияние индуизма и идей кастовости.

Тенденция к ассимиляции кхасами различных этносов проявлялась в разной степени. Одной из важных причин этого можно считать различия в хозяйственно-культурных типах. Если кхасы и большая часть магаров занимались пашенным поливным рисоводством, то гурунги, таманги в своей массе до сих пор занимаются мотыжным земледелием и высокогорным скотоводством. Ряд небольших по численности этносов еще до недавнего времени занимались подсечно-огневым земледелием, охотой и собирательством.

Магары, будучи ближе к кхасам во многих отношениях (в частности, они принадлежали к тому же хозяйственно-культурному типу), подверглись ассимиляции сильнее всех. В литературе XIX в. встречается термин «кхасы-магары». Видимо, речь идет о группе

смешанного происхождения либо о группе, которая в процессе ассимиляции еще не до конца потеряла этнические различия.

Намного слабее процессы сближения и ассимиляции сказались на раи и лимбу (Восточные Гималаи). В наименьшей степени он затронул неваров. Это объясняется прежде всего тем, что они опередили кхасов в социально-экономическом и культурном отношении. Но уже в условиях политической децентрализации на основе парботязычных каст и групп (в первую очередь кхасов) начала складываться парбатийская народность. Ее культурное и политическое влияние в конечном счете, в длительной исторической перспективе, создавало предпосылки для возникновения единого государства на этой территории. Однако осуществлялось это влияние весьма медленно и неравномерно; в разных районах и у разных этносов процесс синтеза имел свои особенности.

Воздействие объединительных возможностей парбатиев оказалось в общем недостаточно сильным и глубоким, чтобы заложить прочный фундамент политического единства как начальной формы централизации. По-видимому, в середине XVIII в., при достигнутом гималайскими этносами уровне экономического и социального развития, заложить такой фундамент исторически было невозможно. Военная экспансия была наиболее эффективным средством создания единого государственного образования. Эта задача выпала на долю княжества Горкха. Его правитель Притхви Нараян в 1744 г. приступил к объединению гималайских княжеств и территорий, а его преемники завершили его к концу первого десятилетия XIX в. в нынешних границах Непала. Была заложена основа пестрого в этническом отношении государства, закреплявшего господство парбатийских феодалов, главным образом из каст тхакури, чхетри и брахманов. Это неизбежно должно было проявиться в более глубоких (по сравнению с предшествующим периодом) преобразованиях: хозяйственных, социальных, правовых и духовных параметров отдельных этносов и их унификации. Ускорились формирование парбатийской народности. Согласно терминологии советского этнографа Ю. Бромлея¹, ее следует считать «вторичной», т. е. сложившейся на базе уже существовавшей «первичной» кхасской народности. В среде этой народности существует сильное групповое самосознание таких групп, как касты брахманов, тхакуров и чхетри (потомки кхасов); эти группы мы можем характеризовать как «субэтноты»². Они, в свою очередь, распадаются на более мелкие группы: брахманы состоят из ряда каст, которые, как и тхакуры и чхетри, состоят из кланов (тхаров). Тхары же состоят из линиджей (линидж — группа семей, имеющая общего предка). Кроме названных выше брахманов,

¹ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 285.

² Там же, с. 288.

тхакуров и чхетри в среде парбатийской народности существуют локальные группы доти, джумля, хумля и др., обладающие сильным групповым сознанием. Существуют и социальные группы, например небольшая по численности каста кхатри (иногда она фигурирует как подкаста чхетри).

Иерархическая структура парбатийской народности порождает неоднозначность этнического самосознания ее представителей. Иными словами, каждый парбатий имеет несколько этнонимов и эндо-этнонимов (самоназваний). Чаще всего в роли эндоэтнонима у парбатиев выступает тхар.

Как уже отмечалось, в настоящее время в Непале происходит формирование единой непальской нации. В силу некоторых обстоятельств, и в первую очередь из-за общей отсталости страны, этот процесс идет крайне медленно. Ведущую роль в нем играют парбатии — политически доминирующая группа. Формированию нации на базе парбатийской народности способствует ряд факторов: численное преобладание парбатиев; доминирование парбатиев в сфере административного управления; использование непали в качестве языка общения по всей стране; единые основные элементы религии и культа у всех индуистов Непала.

Огромное значение в процессе национальной консолидации имеет язык непали — государственный язык для всей страны и родной для 50% ее населения. Многие владеют им как вторым языком. Непали — язык средств массовой информации, средства межэтнического общения, в первую очередь для народов, не имеющих своей письменности.

Процесс складывания единой нации затрудняется медленными темпами развития экономики, неравномерностью развития различных районов, отсутствием прочных связей между регионами, большой языковой и этнической пестротой, кастовой замкнутостью и рядом других факторов. Население высокогорных, северных районов в этническом и культурном плане тяготеет к Тибету, а большинство населения тераев — к Индии.

В то же время парбатии, будучи политически доминирующей группой, не являются группой экономически доминирующей. До сих пор ключевые позиции в экономике многих районов, в том числе относительно более развитых, занимают невары либо выходцы из тераев и Индии. Это порождает определенные противоречия на этнической основе.

Формы и методы национальной консолидации в будущем будут зависеть прежде всего от конкретных результатов экономической, социальной и политической эволюции страны в целом, а также преодоления неравномерности развития ее отдельных районов.

Из-за неравномерного распределения ресурсов по отдельным районам и концентрации основных государственных и администра-

тивных постов в руках чхетри и брахманов возможно возникновение острых межэтнических противоречий и конфликтов.

В книге М. Габорио читатель найдет характеристику других этносов, которых автор обозначает термином «племя». Большинство «племен» говорит на языках тибето-бирманской группы.

Переселение на территорию нынешнего Непала носителей тибето-бирманских языков осуществлялось, по-видимому, поэтапно. Самое раннее переселение произошло, очевидно, во II тысячелетии до н. э.; последнее было лишь частью большого движения древних тибето-бирманских народов из Северного Индокитая. Носители тибето-бирманских языков расселялись в Непале вдоль южных склонов Гималаев с юго-востока на северо-запад. Трудно сказать, какого района они достигли в своем движении. Можно предположить, что северо-западным рубежом их продвижения стал крайний запад Непала. Помимо исторических свидетельств в пользу этого говорят данные топонимики.

Потомками самых первых тибето-бирманских переселенцев, которые ассоциируются с киратами и нагами древнеиндийских источников, можно считать современных раи, лимбу, сунваров, большую часть неваров, часть магаров и гурунгов.

Вторая волна тибето-бирманцев шла через Тибет в VII—VIII вв. н. э. Потомками второй волны можно считать тамангов, большую часть магаров и гурунгов, возможно, тхакали, часть неваров.

Третья волна имела место в XVI—XVII вв.; ее представители — бхотии и шерпы, населяющие высокогорные районы, граничащие с Тибетом.

Значительный интерес представляет вопрос о роли народов мунда в формировании современного населения Непала. В конце II тысячелетия до н. э. на территории Индо-Гангской низменности происходило расселение предков современных народов мунда. Центром их расселения были восточные районы Гангской низменности. Однако установлено, что языки группы мунда по своему происхождению связаны с Северным Индокитаем, т. е. с тем же районом, с которым связаны и предки тибето-бирманцев. Расселение обеих групп близко и по времени (II тысячелетие до н. э.). Грамматика некоторых языков Непала (раи, лимбу, тхами, чепангов, вайю и др.) свидетельствует о влиянии на них языков мунда или об их родстве. Некоторые исследователи на этом основании относят эти так называемые прономинализованные языки к языковой группе мунда. Ряд черт сближают невари с «прономинализованными» языками. Данные лингвистики, а также некоторые другие факты дают основания исследователям предполагать существование в древности тесных контактов между предками современных мунда и древними киратами, предками большинства народов Непала,

говорящих на тибето-бирманских языках. Существует даже гипотеза, согласно которой древние мунда появились на территории Непала, в частности в долине Катманду, раньше киратов. Возможно, какие-то контакты осуществлялись между упомянутыми выше группами на их общей индокитайской прародине или на территории Восточной Индии в процессе переселения.

В настоящее время остается неясным, кто населял территорию Непала до появления индоариев и тибето-бирманцев (или мунда). В 70-х годах в Центральном Непале непальские лингвисты обнаружили небольшую группу, язык которой, как показали предварительные исследования, относится к дравидийским языкам. Не говорит ли это в пользу того, что коренными жителями Непала, как и многих районов Индии, были дравиды?

Автор данной книги предлагает свою классификацию малых народов (племен) Непала, однако его деление племен на «речных», «остаточных», «племена равнин», восточных и т. д. остается спорным.

Некоторые термины и формулировки, которыми пользуется автор, для нас непривычны и кажутся несколько расплывчатыми.

Развитие современного Непала идет, как отмечалось, довольно медленными темпами, но тем не менее продолжается процесс унификации, т. е. постепенного исчезновения этнических и региональных особенностей. Поэтому большой интерес представляют те разделы книги М. Габорио, где говорится об исчезающих архаичных и «экзотических» чертах культуры народов Непала.

И. Редько, А. Ледков

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Изучение жителей Непала выдвигает множество проблем, и одна из них — классификация многочисленных этнических групп, населяющих страну. Есть различные способы классификации, например на основе расовой принадлежности. Большинство населения относится к кавказской группе, то есть к «белой» расе, как и население большей части Северной Индии. Это — потомки древних ариев, которые, по-видимому, пришли из Центральной Азии. В Непал они проникли скорее всего из Индии; либо с юга, пройдя через равнину, либо с запада — через горные перевалы.

Вторая расовая группа определяется так же легко. Это — монголоиды, то есть «желтая» раса. К ним относится большинство горных племен, которые пришли из Тибета или восточно-гималайского района.

Остается неясным, можно ли выделить еще одну расовую группу, к которой относились бы разрозненные горные и равнинные племена, видимо восходящие к автохтонному населению Северной Индии (до прихода туда ариев); их называют веддоидами¹.

Однако классификация по расовому признаку неточна. Антропологические и физиологические исследования в Непале не накопили еще достаточно материала, чтобы установить различия племен в условиях интенсивного смешения.

Лингвистический метод позволяет более точно выделить три большие группы языков: индоарийские, восходящие к санскриту, тибето-бирманские и мунда, или аустроазиатские². Внутри этих больших групп подразделения определяются достаточно четко.

Индоарийские языки имеют несколько ответвлений. Одно из них — пахари, язык, пришедший с запада, а точнее, его разговорный диалект, на котором говорят в Центральном Непале; он стал официальным языком,

называемым непали³. Большая языковая группа **тераев** включает на западе язык авадхи, а на востоке — бходжпури (родственные хинди), кроме того, язык майтхили, близкий бенгальскому, на котором говорят и в восточных тераях. Общеупотребителен в тераях хинди и его мусульманский вариант урду. Таким образом, выявляется противопоставление горных районов и равнины.

В Непале имеются собственно тибетские диалекты недавно поселившихся у северной границы племен бхотия, а также языки гурунгов и тамангов, давно уже живущих в Центральном Непале.

Языки средних гор разделяются на две группы: восточную, на которой говорят этносы Восточного Непала, и западную — языки магаров и других разрозненных племен. Совершенно особую языковую группу, ни с кем не связанную, представляет язык невари⁴. На восточной равнине у санталов Индии и родственных им племен распространены языки группы мунда, возможно бывшей субстратом большинства тибето-бирманских языков Срединной зоны.

Общественный уклад позволяет произвести более обобщенную классификацию. С одной стороны, население Непала делится на касты. В кастовом обществе есть четкое распределение обязанностей и очень жесткая социальная структура. С другой стороны, в Непале есть племена с менее сложным, неравномерным общественным устройством.

В отношении религии население Непала можно по численности подразделить на четыре группы: большинство — индуисты, затем идут буддисты, далее — приверженцы племенных верований и, наконец, мусульмане.

Географическое положение важно, поскольку оно определяет образ жизни. Племена резко разделяются на живущих в тераях, в Среднегорном районе и высоко в горах.

Невозможно придерживаться лишь одной из названных классификаций из-за взаимопроникновения культур и смешения народов: «раса» в Непале не всегда соответствует языковой группе или определенному социальному строю. Лучше всего исходить из типа общественных отношений.

Недостаток статистических данных очень затрудняет работу. Переписи отмечали только лингвистическую и религиозную принадлежность, но не регистрировали ни кастовых, ни племенных различий. Да и составленные по

переписям сводки весьма сомнительны, так как при суммарных подсчетах игнорировались верования племен, принимались на веру сообщения заинтересованных лиц, явно завышались показатели для наиболее престижных религий и языков (индуизма и непали). Все же в восточной части Непала были добросовестно обработаны архивы администрации дистриктов, и в результате получены довольно точные сведения о распределении там этнических групп.

ПЛЕМЕНА

В Непале нет специфического термина «племя⁵» в том смысле, в каком его понимают европейцы. Основная масса населения делится на так называемые джаты. Этим термином обозначают касты, племена и даже кланы.

ПЛЕМЕНА ТЕРАЕВ

Тхару

Самое многочисленное племя Непала — это тхару. Их более 400 тысяч, и живут они на всей территории внешних и внутренних тераев, а также в Индии, где их называют иногда бокса. Происхождение тхару неизвестно, хотя антропологи находят у них монголоидные черты. Субстрат их языка и социальный строй скорее ведут к Восточной и Центральной Индии. В настоящее время они говорят в основном на диалектах индоарийских языков.

Тхару всегда жили на равнине, им никогда даже не приходило в голову перебраться через хребет Махабхарат. Они привыкли к жаре, и считается, что со временем у них появился иммунитет к малярии. Тхару занимаются расчисткой земель от леса и земледелием. Во внутренних тераях основная масса тхару — крестьяне, батраки и слуги. Почти все они живут в долг и вынуждены обрабатывать земли во владениях членов высших индуистских каст, живущих и на равнине, и в горах. Несмотря на древнее происхождение и многочисленность, тхару сколько-нибудь значительной земельной собственности никогда не имели. Крупных землевладельцев среди них почти нет, и они не очень привязаны к своим земельным участкам. Когда условия обработки

участков становятся слишком невыгодными, они с легким сердцем покидают их и уходят дальше расчищать новые земли, которые дадут лучший урожай.

Среди населения равнины тхару можно легко отличить по одежде. Мужчины носят рубашку, набедренную повязку, ноги их обнажены. Наряд женщин варьируется по областям. На юге от Катманду они носят длинные белые платья; в Деокури — длинные черные вышитые платья; в Данге — черную вышитую кофту и очень короткую юбку. Живут тхару в небольших деревнях, дома их хотя и просты, но нарядно украшены. В плане их жилища прямоугольны, стоят на земле без фундамента. Стены из деревянного каркаса оплетены бамбуком, обмазаны глиной и декорированы рельефными узорами. Крыша делается из соломы. Дверь в середине длинной фасадной стены ведет в центральное помещение. Слева часть помещения огорожена под хлев для коров, буйволов и свиней. Направо за перегородкой находятся жилые комнаты, разделенные такими же перегородками, составленными из огромных необожженных глиняных кувшинов, в которых хранятся запасы зерна. Эти дома довольно удобны и более просторны, чем жилища многих других этнических групп тераев. По ним видно, что тхару небезразличны к благам жизни. Этим народам несвойственно скряжничество ради накопления, интриги — ради власти. После тяжелой работы на полях они любят поесть и выпить. Тхару — прекрасные рыбаки. Кроме рыбы они ловят раков в пресных водах, охотятся на полевых мышей и готовят из них лакомые блюда. На праздниках и свадьбах мужчины пьют пиво и рисовую водку, а женщины в это время танцуют и бьют в барабаны — у всех хорошее настроение. Тхару любят повеселиться после тяжелых трудовых будней. Они очень дружны между собой, однако неспособны защитить свои интересы в борьбе за землю, против членов кастового общества, живущих в тераях и в горах.

Тхару рассеяны по всем тераям, в разных местах у них разные обычаи, они совершенно разрозненны, и никому из них даже не приходит в голову, что надо объединиться. В каждой деревне и ее окрестностях свое общественное устройство. При заключении браков соблюдается правило экзогамии (запрещаются браки внутри родственной группы), насколько это возможно при их не слишком глубоких генеалогических познаниях. Культ памяти предков у тхару развит не сильно. За

невестами далеко не ездят, нередко обменные браки, когда мужчина одного рода отдает свою сестру в жены члену другого рода, где находят жену в обмен для него самого. Такой обычай позволяет сократить расходы на свадебные церемонии.

Деревня у тхару — единственно признанная территориальная единица с двойной организацией: политической и религиозной. Прежде она управлялась старостой, махато, власть которого распространялась только на тхару, ибо он занимался лишь внутренними делами деревни. Правительство не имело дела непосредственно с махато. Он подчинялся заминдару, обычно представителю высшей касты, получившему от правительства полномочия на управление административно-территориальной единицей, где проживали представители разных каст. Фактически заминдар и назначал махато, хотя в принципе его должны были избирать равные ему односельчане. Махато отвечал за порядок и в случае конфликтов созывал на помощь совет, состоявший из представителей всех семей, и имел право наказать виновного. В качестве платы махато пользовался трудом своих соплеменников. Член каждой семьи должен был в течение года бесплатно отработать у него четыре дня⁶.

Деревня является и религиозной единицей, территориальные границы которой отмечены деревянными столбами и столбами с четырех сторон света с изображениями богов. Главное святилище посвящено божествам-покровителям земли, которые обеспечивают обильные урожаи и охраняют здоровье жителей и скота. Им поклоняются сообща дважды в году, летом и зимой. Тхару отмечают и основные праздники индуистского календаря, но по своему собственному ритуалу. Ответственный за проведение всех этих праздников — махато. В каждой деревне есть свой наследственный религиозный глава, гурува, жрец-колдун, которому за его труд платят несколькими мерами зерна от каждого двора.

Основная ячейка религиозной и общественной жизни — это нераздельная семья, которая часто живет в большом доме: родители, женатые сыновья со своими женами и детьми, неженатые сыновья и незамужние дочери. Выходя замуж, девушки покидают отчий дом. Вся власть в доме принадлежит хозяину; как правило, это самый старший мужчина в семье. Он распоряжается всеми, в том числе и своей женой — хозяйкой дома, а та, в свою очередь, командует дочерьми и невестками.

Семья — основная экономическая единица с единым бюджетом. Работа по дому и в поле распределяется между всеми членами семьи. Семья — основная религиозная ячейка. Хозяин дома несет ответственность за организацию и финансирование всех церемоний, которые проводятся в присутствии другого (не общедеревенского) служителя культа, гара гурувы, жреца-колдуна для данного дома, в чью пользу все члены семьи должны отработать бесплатно по одному дню.

В каждом доме есть алтарь, посвященный родовым богам. Обычно он находится в комнате, занимающей восточный угол дома, в которой спит глава семьи. Последний ежегодно устраивает праздник в честь родовых богов, во время которого в жертву приносятся козлята и свиньи; мясо съедается во время торжественной трапезы.

Большинство семейных церемоний связано с жизненным циклом человека. Рождение большим торжеством не отмечают. Важным делом считается свадьба, совершаемая по особому сценарию, столь же сложному, как у членов высоких каст, но с некоторыми особенностями.

Жених, поклонившись родовым богам и символически пожертвовав им свой кинжал, отправляется за невестой, сопровождаемый кортежем из пятидесяти или более человек. Впереди шествует оркестр из профессиональных музыкантов. По пути он поклоняется деревенскому святилищу, а когда приходит в дом невесты, его ведут к алтарю, посвященному ее родовым богам, где ему подают еду и пиво. А жених вонзает в землю свой кинжал. Так церемония бракосочетания и заканчивается. На следующий день молодой супруг отправляется к себе домой в сопровождении той же свиты, а за ними вскоре следует новобрачная, тоже со свитой из пятидесяти мужчин и нескольких женщин. Когда оба кортежа подходят к дому мужа, женщины из его семьи встречают новобрачную на пороге дома. Молодой погружает свой кинжал в сурик, а затем этим красным порошком посыпает голову новобрачной. После этого оба предстают перед алтарем родовых богов семьи мужа, который вновь вонзает в землю свой кинжал. Поклонением богам церемония бракосочетания завершается.

Похороны и поминки проходят просто: западные тхару хоронят своих покойников на общем деревенском кладбище по старому племенному обычаю. Восточные же сжигают мертвецов, как и ортодоксальные индуисты.

После траура, который длится от трех до одиннадцати дней, семья умершего приглашает своего жреца-колдуна, и он совершает обряд почитания родовых богов и отправляет к ним душу умершего для вечной жизни. Затем все родственники и соседи приглашаются на трапезу, отмечающую окончание траура.

Тхару, как видим, сохранили в основном свои обычаи, к которым прибавились за века, прожитые в соседстве и под влиянием индуистов, черты индуизма, что дало в результате своеобразный, только тхару свойственный синкретизм. В настоящее время восточные тхару все больше равняются на высокие индийские касты. Образованная молодежь борется за отказ от некоторых старых обычаев вроде неупотребления свинины и алкоголя. Тхару, желающие поднять свой уровень жизни, неизбежно должны будут далее приспосабливаться к обычаям своих соседей — ценой утраты еще свойственного им умения радоваться жизни.

Племена восточных тераев

В тераях живут и другие племена, но только в междуречье Коси и Мечи да в восточных дистриктах. Это немногочисленные остатки племен веддоидов, говорящих на языках мунда, основная масса которых живет в Индии, в штатах Бихар и Бенгалия ⁷. В восточных тераях Непала живут раджбанси (куч), меч (бодо), санталы (сатары, или хоры), джангары и дхималы. Их немногим более сотни тысяч, но это число колеблется, так как эти народы не живут на одном месте, а кочуют, легко переходя через границу, в Индию и обратно.

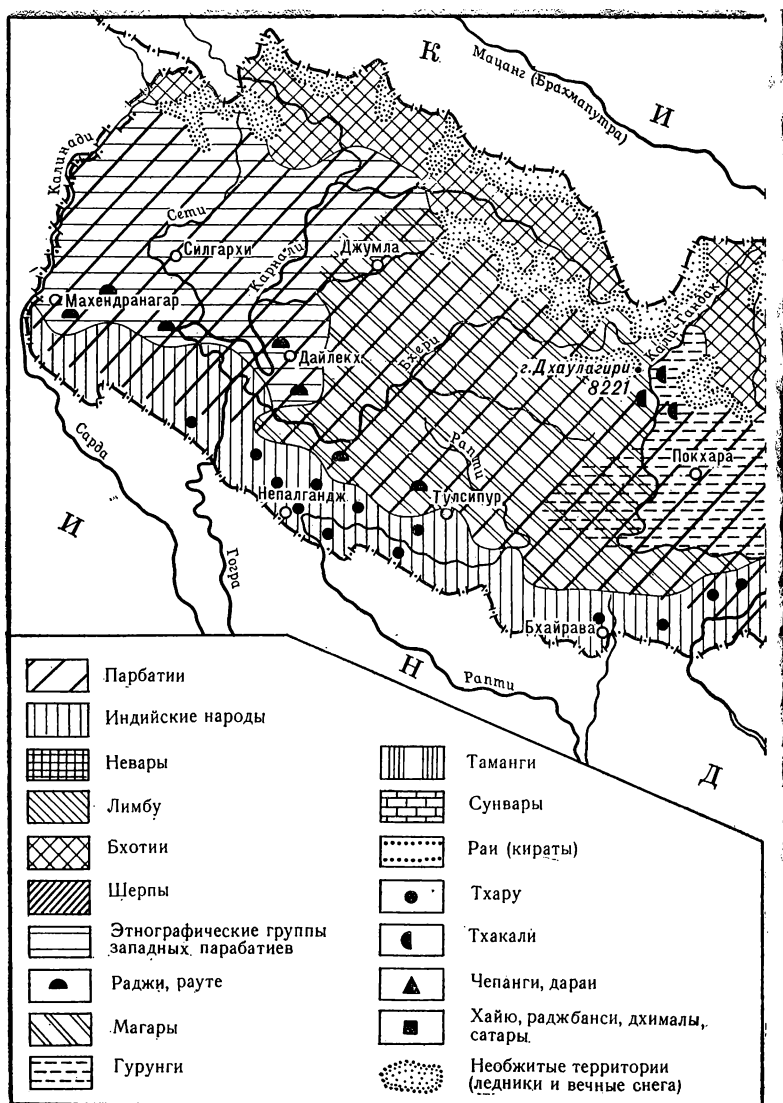
Самое многочисленное из этих племен (более 55 тысяч) — раджбанси, ведущие оседлый образ жизни и сравнительно состоятельные. В XVII и XVIII веках они образовали в Индии сильное княжество Куч-Бихар. Естественно, раджбанси — и наиболее культурное племя. Брахманы, находившиеся на службе у знатных членов этого племени, называли их кшатриями. В наши дни их потомки остаются ревностными индуистами. Часть раджбанси — менее удачливая — примкнула к исламу. И только самые незадачливые находились вне этих исторических течений и сохранили свой язык и религию ⁸.

Другие племена земель практически не владеют. Среди них на первом месте по численности стоят санта-

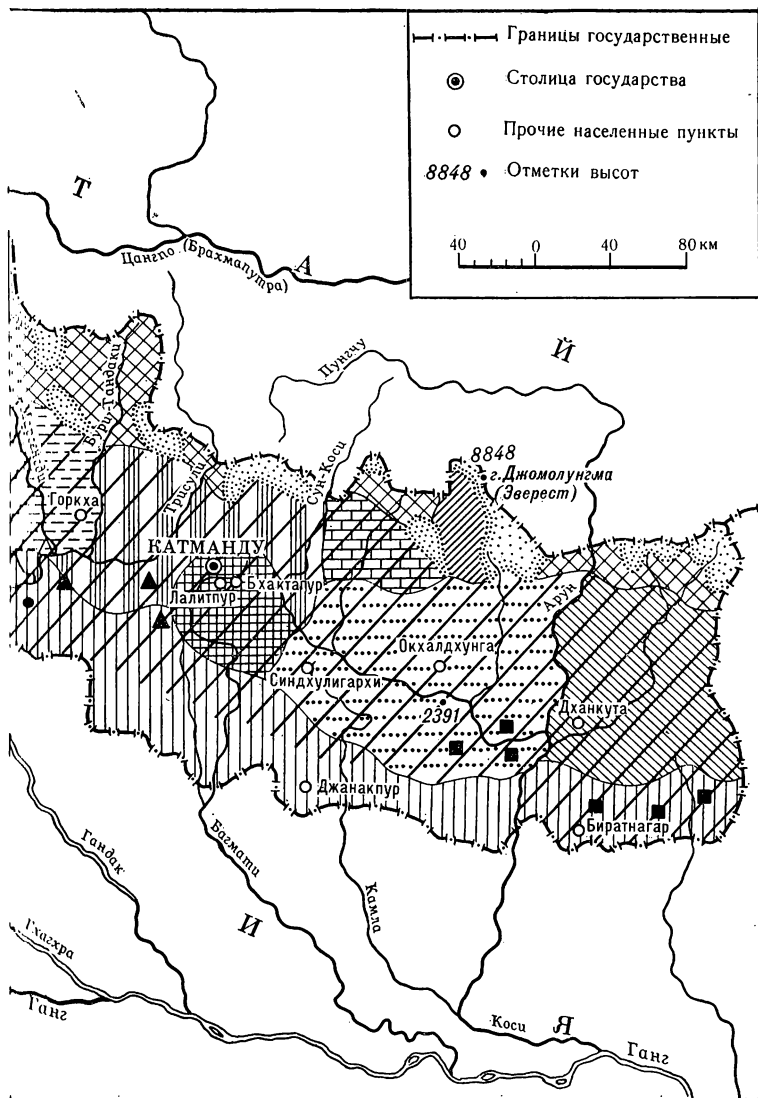
лы (в переписях их называют также сатарами) — их около 30 тысяч человек. Это лишь малая часть племени, основная масса которого живет в Индии. Некоторые из них приняли христианство. Джангаров в Непале всего 9 тысяч, а бодо — около тысячи. Дхималов не более 8 тысяч, они живут у восточной границы по берегам реки Мечи. Не имея своей земли, эти племена до самого последнего времени часто меняли местожительство, обрабатывая землю на опушках, вырубая и выжигая участки леса, и, сняв там один-два урожая, бросали их на долгие годы. Среди них есть также рыбаки, которые сами плетут сети и верши. Рыбная ловля для них — дополнительный приработок. Но в связи с ростом населения и сокращением площади лесов уменьшается возможность подсечного земледелия, и этим племенам приходится задерживаться на расчищенных местах и обрабатывать землю общепринятым образом, причем они часто попадают в зависимость от землевладельцев из высоких каст и становятся издольщиками и батраками.

Кроме раджбанси, обращенных частью в ислам, частью в индуизм, и санталов, принявших христианство, все другие племена, хотя и стали почитать некоторых индуистских богов, сохранили основные обычаи своих племен, что отличает их от людей, принадлежащих к кастам. Их деревни, состоящие из 10—30 домов, управляются советом старейшин. У них есть свои родовые праздники и свои ритуалы для важнейших событий, не такие, как у индуистов. Подобно тхару, они считают, что за невесту нужно платить выкуп. Главные свадебные церемонии — после хождения из дома в дом — совершаются в жилище супруги одним из их жрецов, деоши.

Как и многие тхару, они хоронят, а не кремируют покойников, но кладбищ у них нет. Погребение производится в лесу сразу же после смерти. По прошествии трех дней траура устраивается трапеза. Родственники и друзья покойного приходят на могилу и приносят ему последнюю пищу, прощаясь с ним со словами: «Мы больше не придем к тебе, не приходи и ты к нам!» После этого все совершают очистительное омовение в реке и идут в дом покойного на заупокойную трапезу.

Этническая карта

Эта группа, состоящая из четырех небольших племен, вероятно, пришла с тераев. Особенностью ее является то, что она живет и на равнине, и в горах: поселившись сначала возле рек, поднялась по долинам через внутренние тераи и хребет Махабхарат в Срединную зону⁹.

Численность их невелика — около 21 тысячи человек. Они рассеяны по деревням, расположенным далеко друг от друга. Из этих племен два специализировались на определенных занятиях. Маджхи (иначе боты, или кушары), живущие и на равнине, и в горах (их менее 6 тысяч), работают перевозчиками. Они обеспечивают переправу через реки, там, где нет мостов, в лодках-долбленках. В такой лодке помещается от пяти до десяти человек. Управляет ею веслом один перевозчик. Сначала он резко выводит лодку вверх по течению и на веслах добирается до середины реки, где ее тотчас подхватывает течение и несет вниз, пока она не достигает противоположного берега. Пассажиры перед переправой заручаются покровительством богини вод, бросив в реку несколько монет, ибо, если лодка перевернется, спастись сможет только умеющий плавать перевозчик.

Правительство предоставило маджхи возможность жить в небольших деревнях, возле важных переправ. В вознаграждение за свой труд маджхи получили в пользование освобожденные от налогов земли. За это они должны обеспечивать постоянную переправу на протяжении всего года, изготовлять и содержать в порядке лодки, бесплатно переправлять солдат и чиновников, находящихся на службе, и за умеренную плату — всех прочих.

Основное занятие кумхале (или бараму), которых всего 2 тысячи человек и которые проживают на всей территории тераев к западу от Катманду, — это производство горшков, что уже видно из названия племени¹⁰. На западе от Катманду им составляют конкуренцию непалиязычные горшечники из касты неприкасаемых, а в тераях — невары, захватившие в свои руки гончарное производство почти во всем Непале.

Кумхале живут в небольших деревушках по берегам рек. Свои глиняные горшки и кувшины они распродают в отдаленных местах, расположенных в нескольких днях пути. У них есть и земельные участки, дающие средства к жизни. Там, где нет маджхи, кумхале работают пере-

возчиками, а те из них, кто живет во внутренних тераях,— плотниками и резчиками по дереву.

Остальные два племени (данувар и дараи) специализации не имеют и живут более оседло. Данувары широко распространились по всей территории тераев и по средним горам до самой долины Катманду и даже до Трисули. Их около 12 тысяч человек. Это самое большое из речных племен. Они занимаются земледелием и рыбной ловлей. Племя дараи малочисленно (2 тысячи человек), они населяют дистрикты Читван, Танахун и Палпа в Центральном Непале и образуют своеобразные резерваты в бассейнах рек Кали-Гандак и Нараяни. Дараи занимаются земледелием и рыболовством и лишь изредка выходят за пределы своего местожительства, чтобы отвезти рыбу на продажу. Они очень привязаны к своим селениям и малоизвестны соседям, которые считают их колдунами и побаиваются их.

Эти четыре племени еще мало изучены. Они сохранили свой язык, который, по-видимому, принадлежит к тибето-бирманской группе, но со следами влияния языков мунда. Эти племена, как правило, эндогамны. Допускаются браки с представителями другого речного племени и с тхару, но никак не с членами каст, с которыми допущены лишь деловые отношения.

В их деревнях сохранилось самоуправление. Празднества и ритуалы осуществляются с помощью собственных жрецов. Однако эти племена испытывают влияние высоких каст, особенно в тераях, и стараются хоть в чем-то им подражать. Например, они сжигают своих покойников. Желательно было бы изучить их диалекты и обычаи, прежде чем они будут ассимилированы кастовым обществом.

Посетив селения этих племен в тераях и в горных долинах, мы обнаружили, как они далеки друг от друга и сколько между ними различий, хотя есть и общие черты. Так, они живут в низинах, но умеют бороться с малярией. Они эндогамны, однако при случае допускаются и межплеменные браки. Наконец, они не вошли в кастовое общество; религиозные церемонии у них совершают собственные жрецы. Но не надо забывать, что положение их безнадежно, так как по численности речные племена, вместе взятые, составляют не более 12 процентов населения тераев, а в экономическом отношении — слабеющее меньшинство, все более теснимое кастовым большинством.

В той части Непала, которая лежит севернее хребта Махабхарат, по всему непальскому плато вплоть до первых отрогов высоких гималайских хребтов живут племена горного Непала. Их можно разделить на две группы по времени их появления там. Более древняя представлена лишь пятью маленькими племенами. Их называют «разрозненными» — термин, использовавшийся Ходжсоном в прошлом веке. Другая группа, менее древняя, распадается на два потока. С одной стороны, ранее пришедшие магары на западе и кираты на востоке, с другой — племена гурунгов и тамангов тибетского происхождения, поселившиеся сравнительно недавно в Центральном Непале.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ПЛЕМЕНА

Кочевники

Непал в течение двух тысячелетий находился под влиянием индийской цивилизации¹¹. Северная его часть испытывала воздействие культуры Тибета, так что, казалось бы, там трудно найти племена, живущие натуральным хозяйством, однако они существуют¹². Слухи о кочевых племенах охотников и собирателей воспринимались иностранными наблюдателями скептически, пока этнографы не нашли два таких племени.

В Центральном Непале от долины реки Бхери, восточного притока Карнали, в бассейне семи рек Гандак обитает кочевое племя кусунда. Оно живет в основном охотой и собирательством. Обменивая дичь на зерно, промышленные товары и одежду или попрошайничая, кусунда входят в контакты с оседлым населением. То, что осталось от их языка (насколько он известен), говорит о влиянии языков мунда, во всяком случае в отношении грамматического строя, лексический же состав его совершенно загадочен. Не исключено, что кусунда представляют остаток древнейшего населения Непала.

Добывание пищи у кусунда — дело мужчин, которые охотятся с помощью бамбукового лука и стрел из камыша с железными наконечниками за всевозможными животными, но сами потребляют лишь тех, что обитают на деревьях, — птиц или белок. Все остальное предназна-

ется для обмена. Кусунда собирают плоды, выкапывают мотыгой корни диких растений, бортничают. Женщины готовят пищу и выменивают дичь на другие продукты у оседлых соседей, а при неудачной охоте занимаются попрошайничеством.

Кусунда кочуют группами, перенося свои орудия, утварь и домашнюю птицу в корзинах и сетках. На стойбищах мужчины строят хижины из ветвей и листьев. Все племя делится на четыре экзогамных патрилинейных клана, которые носят ныне громкие имена, заимствованные у касты тхакуров. Из этих кланов два обитают теперь в дистрикте Горкха, два других кочуют в районе Покхары. Браки заключаются теперь только между представителями двух кланов, причем жених предпочитает союз с дочерью брата своей матери. Житейские обряды сведены до минимума. Свадьба проходит очень просто: жених должен отдать за невесту умеренный выкуп.

Покойников хоронят в лесу под большим деревом. В могилу мужчины кладут его лук и стрелы на уровне головы, а рядом его мотыгу и сумку. На могилу женщины приносят личные вещи и кухонную посуду, наполненную рисом. После тринадцати дней траура вся группа покидает стойбище навсегда. Мертвые имеют все необходимое для потусторонней жизни, чтобы они могли воссоединиться со своими предками у высшего божества.

Кусунда веруют в высшее божество Каоли, которому поклоняются, как и своим предкам, два раза в год: в сентябре — октябре и в марте — апреле. Эти два праздника отмечаются сообща; все члены клана, рассеянные по разным кочевьям, собираются вместе; каждая семья строит свой собственный жертвенник и приглашает Каоли и предков. Богу предлагают кровь и мясо цыпленка, предкам — рис. Таким образом кусунда надеются обеспечить себе добычу и здоровье. Кроме этих церемоний, повторяющихся каждые полгода, не было обнаружено никаких связей, объединяющих племя.

Второе кочевое племя, рауте, широко рассеяно в бассейнах как Карнали, так и Махакали. Рауте встречаются даже за границей, в Кумаоне, где их называют раджи. Они кочуют группами, свои кочевья, состоящие из нескольких хижин, устраивают на некотором расстоянии от деревень и остаются на одном месте всего несколько дней, самое большее несколько недель, затем надолго уходят в другое место. На прежние места воз-

вращаются примерно раз в двенадцать лет. Нетрудно догадаться, что их связи с оседлым населением сводятся к простейшему обмену. Они делают на заказ деревянные чаши и сундуки, а в обмен получают железные орудия, металлическую посуду, одежду и зерно. Рауте подходят к деревням лишь на время — для обмена, покончив с которым удаляются. Они никогда не проводят ночь вне своего кочевья.

В кочевье посторонние не допускаются. Потому-то так трудно понять их жизнь. Языки их никто не смог изучить, так как с посторонними они общаются на непали. Никто не смог также проследить за их передвижением. Ни одному этнографу не удалось пожить среди них. Численность их точно неизвестна, переписями они не охвачены, поскольку у них нет ни домов, ни земельных участков. Видимо, их не более нескольких сотен. Сообщество из 100—150 человек, совместно кочующих и устраивающих становища, может считаться типичной для них социальной единицей, управляемой выборным вождем, который ведет переговоры с оседлым населением относительно устройства кочевья и обмена.

Вопросы внутренней жизни группы решаются демократично. Важные решения принимаются с согласия всех глав семей.

В становищах, расположенных вблизи рек или других водоемов, каждая семья строит себе отдельную хижину, располагая их беспорядочно, как позволяют природные условия. Мужчины занимаются изготовлением деревянных вещей для обмена, чтобы заработать на рис — основной продукт питания. Кроме того, племя употребляет в пищу мясо обезьян, за которыми мужчины охотятся следующим образом: между двумя деревьями натягивают сеть, в нее загоняют обезьян и затем их там же дубинками и топорами забивают. Женщины занимаются приготовлением пищи. К зерну и обезьяньему мясу они добавляют зелень и корни диких растений, которые собирают в лесу.

Можно полагать, что это племя делится на экзогамные кланы, не допускаются лишь браки между близкими родственниками. Житейские обряды очень просты. Свадьба отмечается совместной трапезой обеих семей. Жених и невеста наносят себе на лоб цветные знаки. Родители жениха преподносят родителям невесты специально испеченный хлеб.

Умерших, как мужчин, так и женщин, хоронят завер-

путыми в сеть вместе с их личными вещами. После этого все немедленно уходят из становища без дальнейших обрядов. Что касается годовых празднеств, то скупые сведения, которые мы имеем, свидетельствуют о том, что они у рауте ничем не отличаются от индуистских, но, может быть, рауте не хотят выдавать тайн своего культа предков и охотничьих обрядов.

Образ жизни этих двух кочевых племен весьма примитивен. Демографический взрыв в настоящее время и уничтожение лесов делают все более невозможным существование, основанное на охоте и собирательстве.

Перед ними все неотвратимее встает дилемма: вымирание или переход к оседлому образу жизни. Кусунда выбор уже сделали. Многие кочевые группы угасли, а некоторые осели в области Горкха и дальше на запад в дистрикте Сальяна. В долине реки Карнали еще остались кочевые рауте, а племена, бродившие в долине Махакали и в Кумаоне, переходят к оседлости. Их новый образ жизни незавиден: те, кто прежде были гордыми королями леса, превращаются теперь в бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Если им нужно найти жену вне своего племени, они ищут ее лишь среди самых бедных племен. Перешедших на оседлость считают «чистыми», то есть они стоят выше каст нечистых и неприкасаемых. Судьба этих племен может служить примером того, как происходит включение племен в кастовое общество.

Оседлые племена

Раджи

Процесс перехода к оседлому образу жизни племен кусунда и рауте происходит на наших глазах. Три других реликтовых племен запада и востока — раджи, чепанги и хайу (называем их в порядке размещения с запада на восток) — перешли к оседлости в XIX веке.

Если прав единственный этнограф, который работал с этим племенем, то раджи, уже давно перешедшие к оседлости, относятся к тому же разряду номадов, что и последние его остатки — кочевые пока рауте. Некогда они все вместе составляли один этнос, который называли

раджи, рауте, раутия либо рават — все эти названия обозначают, что они считали себя королями леса. Все они говорят на языке, относящемся к тибето-бирманской группе и не имеющем сходства ни с каким другим языком Непала. Сейчас их всего около тысячи и живут они в Западном Непале, в бассейне нижнего течения реки Карнали, в дистриктах Даилекх, Суркхет, Банке и Кай-лали.

О том, каковы были социальный строй и верования раджи до их перехода к оседлому образу жизни, сегодня можно только догадываться. То, что мы наблюдаем теперь, в значительной степени заимствовано ими от соседей, главным образом от тхару. Старосты их деревень называются агвани (идушие во главе), а жрецы-колдуны, умеющие впадать в транс, — гурау (видоизмененное гурува, заимствованное у тхару). Некоторые из этих жрецов совершают, как и у тхару, общие ритуальные церемонии для защиты деревни от разных бед: прославление божеств земли, празднование первого урожая и приплода скота, церемонии изгнания из деревни злых духов и недопущение их туда, защиты от тигров. В качестве вознаграждения жрецы-колдуны получают часть урожая. Другие жрецы совершают только житейские обряды в семьях, но в основном они заняты лечением больных. Эти жрецы-колдуны должны также обезвреживать злых духов в дополнение к тому, что делают пуджари (их помощники), регулярно совершающие ритуал поклонения богам.

Чепанги

О чепангах писал Ходжсон, считавший, что еще в первой половине XIX века это племя было кочевым. Однако из сообщений, найденных в его бумагах, видно, что в то время чепанги уже начали переходить к оседлости. Теперь переход завершен. Чепанги — относительно благополучное племя, насчитывающее около 15 тысяч человек. Живут они в местности, признававшейся правительством их племенной территорией — кипатом (в части хребта Махабхарат), в районе Кхандранг Гархи, на стыке дистриктов Танхун, Читван и Макванпур. Оно соседствует с тамангами, неварами и парбатиями, разделяя теперь их образ жизни, заимствуя их сельскохозяйственные приемы, переходя от подсечно-огневого земледелия

к обработке постоянных полей на террасированных склонах. Но чепангам нелегко соперничать с соседями, которые владеют лучшими землями и от которых они находятся в долговой зависимости. Многие вынуждены уходить в поисках заработка на строительство плотин и дорог. Часть из них (на востоке их территории) занимается только земледелием, тогда как те, кто живет близ больших лесов, существуют за счет охоты, рыбной ловли и собирательства.

Эта разница в образе жизни сказывается также и на общественном укладе. Восточные чепанги, подражая кастам, различают у себя экзогамные кланы, играют пышные свадьбы на индуистский манер и вообще отмечают те же годовые праздники и житейские обряды, что и индуисты, но с двумя различиями: праздничные церемонии совершают не брахманы, а клановые жрецы-колдуны, панде; продукты для праздничной трапезы (козлятину и пиво) приносят в дом сестры и замужние дочери хозяина, тогда как индуисты в Непале сами одаривают своих сестер и дочерей.

Все это говорит о том, что исконный общественный и религиозный уклад чепангов сильно отличался от кастового. К сожалению, мы о нем мало знаем. По скудным сведениям о западных чепангах можно полагать, что он был весьма простым: общественная и религиозная жизнь сосредоточивались в линиджах, патрилинейных группах, причем женщины, перешедшие в результате замужества в другие линиджи, сохраняли связь с родным линиджем, принося ему дары и участвуя в его праздниках и важнейших обрядах. Один из членов линиджа был служителем культа, панде, и одновременно жрецом и целителем. Брак признавался действительным, когда жених преподносил родителям невесты выкуп — бутылку ракси¹³ и деньги (обычно 22 рупии).

Наиболее торжественно проводится церемония похороп. Раньше покойников погребали, теперь чаще всего сжигают. После окончания траура все родственники усопшего, члены линиджа и женщины, перешедшие в другие линиджи, приглашаются на поминальную трапезу. Панде призывает дух покойного, предлагает ему рис и пиво, а затем просит его навсегда уйти к предкам.

Календарные праздники связаны с линиджами, их в году два: день поклонения родовым богам (у каждого линиджа свой) и осенний праздник, когда предкам преподносят первинки урожая.

Племя вайю (байю, хайю) разбросано на расстоянии приблизительно 40 километров вдоль нижнего течения реки Коси, к востоку от долины Катманду, на стыке дистриктов Кабхре (Паланчок), Рамечхап и Синдхули, часть племени недавно переселилась в горы Махабхарат и во внутренние тераи. В прошлом веке племя получило кратковременную известность, так как Ходжсон специально занялся им, видя в них типичный пример «реликтовых» племен. С тех пор никто им не интересовался, в официальные переписи оно не вошло, и лишь в самое последнее время этнографы и лингвисты вновь обратились к нему и установили, что вайю находятся в процессе ассимиляции: их осталось несколько тысяч, причем большинство уже забыло свой язык. Оттесняемые высокими кастами со своих земель, они начали переселяться в тераи и в Индию. Классифицировать это племя трудно: язык их кажется родственным языку племени раи, которое и само мало изучено; на этом основании можно думать о сближении их с киратами. Но по своему общественному строю — точнее, по тому, что от него осталось, — они скорее сходны с племенами, живущими далее к западу: у них есть четыре экзогамных клана (или четыре группы кланов и существует кросскузенный брак. От их обрядов мало что осталось. Покойников они хоронят в сидячем положении, на следующий после погребения день приносят в жертву свинью и устраивают поминальную трапезу для части клана, к которому принадлежал умерший. Как у магаров, главную роль в похоронных обрядах играют замужние дочери и их супруги, то есть зятья покойника, они принимают дары, приносимые во славу духа умершего. Календарных праздников у вайю только два: поклонение богам линиджа, совершаемое на десятый день праздника дасайн, и совместное поклонение богине, которое имеет место между январем и мартом. Все обряды вайю совершают сами, никогда не обращаясь к брахманам. Есть у них свои шаманы, которые исполняют в особых случаях специальные обряды для отдельных семей.

Одержимость и ритуалы

Транс — явление довольно распространенное в Непале. Это временное психологическое состояние, в котором медиум (мужчина

или женщина), отрешается от себя, от своей личности и как бы отождествляется с божеством. Бывают трансы контролируемые, их включают в ритуальные церемонии. Из внезапных трансов некоторые абсолютно неуправляемы. Это случаи, когда женщиной овладевает дух живой зловредной колдуньи (боксы). Например, однажды вечером после праздника хозяйка дома заканчивала прибирать обеденную посуду; вдруг миска выпала у нее из рук, она дрожжала, распустила волосы. Стали спрашивать, что с ней. Оказалось, в нее вселился дух старой тетки-колдуньи, которую забыли пригласить на праздник. Эта тетка вещала устами хозяйки дома. Чтобы изгнать из тела одержимой дух колдуньи, пришлось пригласить заклинателя и обещать колдунье загладить нанесенную ей обиду.

Другие неконтролируемые трансы возникают по воле богов либо духов людей, погибших не своей смертью, и означают, что человек, их испытавший, может стать профессионально одержимым — медиумом или шаманом. Если такой избранник духов подвергнется специальной подготовке под руководством наставника, он сможет успешно контролировать трансы, а после посвящения может прогонять их или прекращать по своему желанию во время церемонии.

Пример: медиум дангре из касты портных-музыкантов даман приглашен для совета в одну семью. Он размещает на латунном блюде дары своим богам-покровителям: рис, деньги, сосуд с чистой водой, благовоения, затем садится, скрестив ноги и сложив руки, сосредоточивается, призывая своих повелителей, духов, охраняющих его тело, и духов, которые должны овладеть им. Он начинает дрожать, сначала потихоньку, затем все сильнее и сильнее. Один из богов, в данном случае Кало Бир, входит в него. Со скрещенными ногами он подпрыгивает на метр в высоту и падает; затем бог начинает говорить его устами, отвечая на вопросы присутствующих: сначала хозяина дома — относительно болезни его сына, потом соседей, пришедших тоже для получения совета либо же просто из любопытства (при отсутствии кино транс представляет не менее увлекательное зрелище). Сеанс окончен, медиум осыпает себя рисом, тем самым как бы откупаясь от богов, и возвращается в свое обычное состояние. Хозяин дома угощает его, дает ему мерку риса и несколько рупий. Днем медиум работал, как и все. А эти несколько часов дают ему дополнительный заработок.

БОЛЬШИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДИННОЙ ЗЕМЛИ

Теперь речь пойдет о больших племенах, достаточно многочисленных, чтобы играть роль в экономической и политической жизни страны, и получивших известность благодаря службе в гуркхских полках. Многие из этих племен насчитывают не менее 100 тысяч человек, иные — лишь по несколько тысяч. К ним можно присоединить и ряд мелких племен, живущих рядом и близкородственных первым. Разделим эти племена на две группы. В первую войдут чисто непальские — по социальному строю и религии. Это западные магары и живу-

щие на востоке кираты. Во вторую — два племени (гурунги и таманги), испытавшие влияние тибетской культуры.

Каждое из них имеет свою исконную территорию, на которой сосредоточена его основная масса. Но уже несколько столетий здесь живут и другие племена, и представители каст, говорящие на непали. И наоборот, многие члены этих племен покинули свои родные места и обосновались в Восточном Непале и даже за его пределами (в Сиккиме, Бутане, Ассаме), следуя по традиционному пути миграции, либо же совсем недавно двинулись на восток и на юг, в горы Махабхарат и в тераи. Племенные территории расположены по всей Срединной земле, они тянутся непрерывно с востока до бассейна Карнали на западе. Начиная с долины реки Бхери, восточного притока реки Карнали, до западной границы страны горных племен нет; там живут парбатии (основное население Непала), говорящие на непали. И только высоко в горах сюда вклиниваются тибетские племена.

Магары

Если от западной границы Непала направиться на восток, пересечь бассейн реки Карнали, который в средние века назывался Кхасрат (страна кхасов), то попадешь в Бара Манграт — страну магаров. Начиная от реки Бхери, она занимает средние горы во всю их ширину от хребта Махабхарат до главного Гималайского хребта и вплоть до реки Кали Гандак. Отсюда и до долины реки Бури Гандак она захватывает лишь южную часть средних гор, ибо северная принадлежит гурунгам, а на востоке магары упираются в плотные поселения тамангов.

По переписи 1961 года, насчитывалось более 250 тысяч человек, говоривших на языке магари, что явно меньше числа непальцев, называющих себя магарами. Дело в том, что судьба магаров теснее, чем судьбы других племен, была связана с династией Горкхи. Многие из магаров служили в армии, и их семьи расселились повсюду. Немало их работало на государственных рудниках, добывая железоз или медь. Таким образом, по всему Непалу встречаются общины магаров, сто, а то и двести лет назад ушедших из родных мест и уже не говоривших на родном языке.

Магары, несомненно, монголоиды. В грамматическом строе их языка обнаруживаются элементы мунда, что сближает магаров с чепангами и с другими древними восточными племенами. Можно предположить, что они пришли в Непал раньше своих ближайших соседей — гурунгов и тамангов. По самым ранним источникам они всегда назывались тем же именем — магар, — но у нас нет уверенности, что речь идет о единой этнической группе. На основании того, что мы теперь знаем, их можно грубо разделить на две подгруппы: на западе кхам-магары, среди которых численно преобладают кланы бурха, рукха, гхарты и пун, говорящие на различных диалектах, именуемых иногда языком кхам; на востоке группа, говорящая на языке магари¹⁴. Несмотря на общее происхождение, люди одной языковой группы не понимают людей другой.

Помимо языка эти группы отличаются друг от друга еще и разной восприимчивостью к влияниям извне. Западные магары, к которым, по-видимому, можно отнести и маленькое племя чантел, живущее на южном склоне горного массива Дхаулагири, в значительной степени сохранили свою культуру и религию, лишь в малой части (на окраинах) поддавшись влиянию индуизма и кастового общества, представители которого все больше заполняют их территорию. Даже северные окраины незначительно поддались влиянию тибетцев: в районе Дхаулагири буддизм приняло меньшинство.

Нам недостает подробных сведений о социальной структуре кхам-магаров. Земледелию они предпочитают перегонное скотоводство¹⁵, живут в деревнях, на своей земле, во главе со старостами, мукхиями, признаваемыми центральной администрацией. У них целая система экзогамных линиджей. Браки заключаются преимущественно с кузинами по материнской линии (сын брата женится на дочери его сестры). Такие союзы повторяются в каждом поколении, что создало тесную сеть родства между местными группами линиджей. Родственные семьи играют важную роль в обрядах, о которых нам мало известно. Мы знаем только, что кхам-магары редко обращаются к священнослужителям официально признаваемых религий (брахманам-индуистам или буддийским ламам), а обряды у них совершают главы семей и свои жрецы (знахари или шаманы).

Из основных вех жизни особо выделяются похороны.

Кхам-магары по-прежнему покойников хоронят в

земле. Впереди процессии, несущей усопшего на деревенское кладбище, разворачивают полосу белой ткани метров 15—20 длиной, указывающую путь покойному. Хоронят его завернутым в циновку, куда насыпают зерно, чтобы он был сыт на том свете. Через несколько месяцев устраивают повторные похороны — хоронят душу. Семья умершего собирается на тризну, на которой присутствует «гость», представляющий его душу. Обычно это баран или овца (в соответствии с полом покойного). Плачущие родственники подают животному лучшие кусочки, а затем зять или сын сестры усопшего (то есть родственники) отводит его на берег реки и там забивает, а мясо его отдают неприкасаемым. Семейный жрец записывает имя покойника на специальной каменной плитке, которую он закапывает в землю, приговаривая: «Иди к своим предкам. Будь счастлив и благополучен. Будь доволен там и не возвращайся к нам призраком». Считается, что с этого момента умерший покинул мир, ушел в царство мертвых. Обращаться к нему будут, как и к родовым божествам, лишь раз в год при обряде жертвоприношения предкам, который совершается опять-таки зятем или сыном сестры.

Если смерть была естественной, обряды выполнены как полагается — все хорошо. Если же нет, душа покойника будет преследовать живых. Тогда придется позвать жреца другого типа, с которым мы встречаемся впервые, но которого найдем под другим именем почти у всех племен горного Непала. Этот шаман называется «рама»¹⁶, что значит «птица». От других священнослужителей он отличается своими приемами ритуала. Он воздействует на психику окружающих. Когда рама впадает в экстаз, считается, что душа его витает то в этом мире, то на небесах, то в аду в поисках неуспокоившихся душ из его паствы, пытаясь изловить или прогнать духов. Шаманы делятся на тех, кто совершает обряды (житейские и общественные — поклонение родовым богам и предкам), и тех, кто действует в необычных обстоятельствах (болезни, неестественной смерти). У многих племен, как мы далее увидим, есть шаманы обоих типов. У кхам-магаров обычные обряды совершают родственники (зять или сын сестры) и знахарь. Шаман же исполняет функции второго типа. Его призывают, чтобы определить и излечить болезнь. Болезни, как правило, приписывают сверхъестественным причинам. Считают, что душа или, вернее, одна из трех душ больного

покинула тело, а шаману предстоит вернуть ее. Для этого он должен поставить двойной диагноз: какая из душ покинула тело и по какой причине? Быть может, ее украл злой дух или колдунья, либо вытеснили проступки больного, либо она ушла по своей воле. В первых двух случаях шаман нейтрализует злой дух или нечистые проступки. Во вторых трех случаях необходимо найти душу и вернуть ее больному. Трудность задачи зависит от того, о какой из трех душ идет речь. Первая, «одежда плоти», материализуется в кусочках кожи, обрезках ногтей и волос, завернутых в край одежды. Ее нетрудно забрать от злых духов или ведьм, через нее представляющих страдать больного. Вторая душа — это «сознание», материализованное в насекомом; ее непросто поймать и принести больному, чтобы она вернулась на место и он пришел в себя. Если же потеряна третья душа — «личность», — больной находится под угрозой смерти: отыскать эту душу и захватить ее очень трудно. Шаман впадает в транс, и считается, что его душа отправилась на поиски «личности» больного. Сначала она ищет в этом мире, потом в потусторонних мирах, где, хорошенько поторговавшись, выкупает ее наконец у духов. Если это удалось, шаман возвращает душу больному, заставив его выпить ракии или пива. В этом случае больной спасен. Если же шаману не удастся найти и вернуть душу, больного ждет скорая смерть.

Обычно шаман ставит диагноз и проводит лечение ночью в доме больного. При этом украшают центральный столб, стоящий возле очага, который символизирует древо мира, мировую ось, ведущую к небесам и в ад, нижний (подземный) мир. Шаман облачается в специальный наряд: длинный белый балахон, головной убор из фазаньих перьев, на шее — бусы, на руках — браслеты и т. п. Все это должно охранять тело от злых духов. Он садится у огня, бьет палочкой в свой магический барабан, дхьянгро, и этот звук вводит его в транс, задает ритм экстаза, помогая его душе путешествовать. Покровительствующие духи говорят его устами. Помощник шамана вопрошает его от имени больного. Духи называют себя и представляют доказательства своей силы и силы шамана предсказаниями и чудесами, допуская, например, шамана прикасаться к раскаленным углям и даже глотать их. После этого шаман ставит диагноз и начинает лечение. Душа шамана, исступленно бьющего барабан, отправляется в путь и мчится сначала на

этом свете верхом на кабане или леопарде, потом, если нужно, в подземный мир, точно соблюдая «ритуал путешествия», закрепленный традицией. Не переставая шаман бьет в барабан и поет стихи, описывающие все этапы и перипетии его путешествия, поимку пропавшей души и обратный путь вплоть до момента, когда он возвращает душу больному. Если оказывается необходимым очищение, шаман должен предпринять второе ритуальное путешествие в конце той же ночи. Его душа едет тогда верхом на козе или баране, которые будут принесены в жертву в конце действия. Жертвенное животное уносит с собой все нечистоты, все нечистое, все дурные предвещения, накопившиеся во время первого путешествия, чтобы утопить их в великой реке Кали Гандак. Возвратившись, шаман убивает жертву и пирует со своими помощниками.

Шаман, приносящий на пользу людям свои знания потустороннего мира и свою власть над ним, существо избранное, прошедшее посвящение. Избрал его предок-шаман, а через того — первый мифический шаман, чью историю он нередко рассказывает после исцелений, как ему «пропели» ее, когда произошло посвящение.

Этого первого шамана звали Пуран Тсан. Он родился чудесным образом из елового ствола. Неподдалеку жил король Голкхада, чей дворец стоял в Рани Гаоне. Однажды королева заболела. Призванный на помощь волшебник Маитья не захотел ее лечить. В отчаянии король призвал Пурана Тсана, который прошептал магическое заклинание над чашей с водой, дал королеве испить той воды, и она тотчас выздоровела. Однако девять колдуний, племянниц волшебника Маитьи (или, в другом варианте легенды, сестер Пурана Тсана), из зависти к могуществу первого шамана вновь наслали на королеву болезнь. Они говорили повсюду, что Пуран Тсан губит королеву и его изгнали из дворца.

Тогда он решил спуститься в нижние миры и наказал своим двум женам никому не говорить, где он, пока им не поднесут горшок, полный серебра, и еще один горшок, полный золота. Когда Пуран Тсан прибыл в нижний мир, там шел совет девяти князей подземного царства. Он представился его владыкам как кузнец Тика и предложил им свои услуги. И те поставили его работать в кузнице девятого круга нижнего мира.

Вскоре король раскаялся, что изгнал Пурана Тсана, и послал за ним своих воинов. Жены шамана, верные

своему обещанию, сначала ничего не хотели говорить. Воины в ярости всячески угрожали им, но только получив серебро и золото, они указали воинам дорогу в подземное царство. Спустились туда воины, нашли Тику в его кузнице, но он не сказал им, кто он такой на самом деле, посылая их то в восточные, то в западные страны, пока воины сами не догадались, что Тика и есть шаман Пуран Тсан. Тогда они подложили в горн его кузницы связанные травы, от дыма он впал в транс, и ему пришлось последовать за воинами во дворец. Он исцелил королеву и дал понять королю, что недуг на нее наслали злые колдуньи. За разговором король и Пуран Тсан вдруг узнали, что они свояки. Тогда король всецело доверился великому шаману и разрешил ему истребить злых колдуний, будь они даже из его рода. Пуран Тсан объяснил, что это девять племянниц волшебника Маитьи (или его сестер), и пообещал их убить. Он облачился в свои шаманские одежды и произнес магическое заклинание, силой которого заставил девять сестер-колдуний явиться к нему на перекресток дорог.

— Я вырву у вас сердца, я вырву у вас печень,— сказал им Пуран Тсан.

— Нет, не убивай нас, дядюшка (или брат) Пуран Тсан. Ты с нами заодно, и мы с тобой заодно. Мы нападаем на людей, крадем у них души и насылаем на них болезни, а ты можешь потом шаманить и получать в награду зерно или серебро! А взамен ты даешь нам пропитание, кровь и мясо жертвенных животных.

Однако шаман взял с них обещание, что они будут его слушаться и исчезать, как только он прикажет. С той поры шаманы, с одной стороны, а также колдуньи и иные духи — с другой, взаимно обеспечивают друг другу заработок и пропитание.

Шаманы магаров следуют традиции своего мифического предка. Когда шаман умирает, его дух, священный дух его предков, стремится к возрождению и избирает преемника среди мужчин того же линиджа: сына, внука, брата или племянника. Через три года после смерти он оповещает о себе: избранный им наследник становится одержимым. Он должен пройти тяжелый период неконтролируемых трансов, затем следуют священные церемонии, сначала на могиле покойного шамана, а затем в его доме, под руководством старого, признанного шамана наставника, и лишь после этого избранника признают преемником умершего шамана.

Вторая церемония, происходящая примерно через полгода после первой, является истинным посвящением: дух покойного шамана, а затем и духи всех его предков вселяются под руководством наставника в нового шамана. Он садится верхом на жертвенного барана, который символически возносит его на небо. Затем он приносит барана в жертву. С головой барана в зубах наставник взбирается на поставленный рядом специально для этой церемонии ствол ели, которая символизирует мировое древо. Когда он спускается, ученик проделывает то же самое и усаживается на платформе, укрепленной на половине высоты ствола. Там он проводит часть ночи, пока его семья не выкупит его у наставника. Так покойный шаман «возрождается» в облике нового шамана, «вышедшего из елового ствола», подобно первому мифическому шаману. Такова вкратце «теория» и практика племенной религии¹⁷.

В наши дни целиком она сохранилась только у западных магаров. Восточные магары, обитающие за долиной Кали Гандак,— их мы знаем гораздо лучше — утратили первоначальную сущность своей религии, от которой остался жалкий пережиток в виде причудливого шаманского ритуала. Шаманов там называют общенепальским термином «джханкри», и им приходится конкурировать с одержимыми из других каст, дангре, или дхами, о которых речь пойдет ниже.

Магары, тесно связанные с кастовым населением еще со времен конфедерации «Двадцати четырех» (Чоубиси), уже тогда соприкоснулись с индуизмом. Теперь они не только пользуются услугами индуистских каст неприкасаемых, но и приглашают брахманов для исполнения обычных обрядов. Казалось бы, они полностью приняли индуизм. Однако при более внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что только богатое меньшинство перенявшее обычаи высоких каст, приглашает брахманов для совершения церемоний всех годовых общих праздников и всех житейских семейных обрядов. Другие же хотя и содержат брахманов, но призывают их как можно реже, когда их помощь абсолютно необходима для ритуального очищения после рождения или смерти. По индуистским верованиям, которые магары полностью переняли, эти два события делают нечистыми не только ближайшую родню, но и весь линидж, и лишь вмешательство брахмана может вернуть им утраченную чистоту. Однако, когда это совершено и их статус в глазах

высших каст восстановлен, магары ограничиваются тем, что не принимают пищу из чьих попало рук, а о соблюдении подобных предписаний индуистского ритуала забываются мало.

Большинство магаров пользуются услугами брахманов лишь в дни рождения и смерти¹⁸. Инициации магары не знают. Свадьбы происходят практически без всяких религиозных обрядов: жених официально просит руки своей избранницы, принося ее семье дары в виде пищи, в частности простоквашу. Если родители невесты и все члены ее линиджа согласны, сватовство считается завершенным. Если девушка разрывает свадебный договор, она должна выплатить компенсацию. Сама свадьба совершается некоторое время спустя простейшим образом. Жених приходит за невестой и уводит ее к своим родителям; здесь родственник отца жениха при входе во двор приносит в жертву цыпленка, чтобы отогнать злых духов. Молодоженов встречают на пороге родители жениха и члены его линиджа, рисуют у него на лбу знака. Молодые входят в дом, жених преподносит невесте стеклянные браслеты и красный порошок, которым она должна отныне посыпать свой пробор. Вот и все свадебные символы: отныне молодая пара считается мужем и женой.

Похоронный обряд тоже сведен до минимума. Трупы редко сжигают; чаще всего их приносят к реке и бросают в воду или же закапывают. Брахман появится только после окончания тринадцатидневного траура, чтобы совершить очищение всего линиджа, к которому принадлежал усопший, и получить дары. До и после этого домочадцы покойного, и особенно его сын, главный из «скорбящих», сами, без жрецов совершают обряды и приносят жертвы, чтобы душа умершего благополучно достигла страны предков. При этом требуется, однако, помощь замужних дочерей покойного и их мужей, чтобы было кому стряпать и совершать обряды во время траура.

Два раза в год каждый глава семьи лично поминает всех своих предков в совокупности; это делается либо у водоема, либо в доме. Он подносит им на девяти блюдах зелень, рис, чечевицу, шафран, ячмень и кунжут, к которым иногда добавляет рыбу и цыпленка; кроме этого он подает им чашу с водой, светильник и благовония, вежливо просит предков прийти и отведать всего, а потом прощается с ними. Церемония заканчива-

ется тем, что глава семьи отдает часть жертвенных приношений своим незамужним дочерям.

Таким образом, как видим, индуизм восточных магаров остается весьма относительным. Они сохраняют свой общественный уклад, тип брачных связей предпочтительно с дочерьми дядьев по материнской линии и привычку к участию в обрядах родственников из других линиджей — замужних дочерей и зятьев. Эти магары вовсе не стремятся к полной ассимиляции с индуистами¹⁹, к отказу от всех своих обычаев; например, они спокойно употребляют в пищу свинину, что вызывает ужас у представителей высоких каст.

Сверхъестественное в жизни непальцев

Ощущение сверхъестественных сил пронизывает всю жизнь обитателей Непала, независимо от того, относятся ли они к племенам или кастам. Кажется, нет действий, не сопряженных с обрядностью, чисто мирских в европейском смысле этого слова, разве только развлечения... Да и то танцы нередко приобретают религиозное значение и могут легко перейти в шаманское «кружение».

Уже приготовление пищи и ее прием зачастую являются обрядом: только боги и предки имеют право на первый глоток и кусок. Сельскохозяйственные работы требуют помощи и участия богов на всех стадиях: при пахоте, севе, уборке урожая и приношения в жертву его первинков. Свои божества есть у ремесленников, посвящающих им орудия производства. Там, где живут люди, всё во власти богов. Дом осознается как храм, в котором очаг — главный алтарь. Поля, дороги, ветер, воды имеют своих божеств. Каждый шаг жизни отмечается обрядами — от зачатия и до переселения в загробный мир.

Многочисленные и вездесущие священные силы имеют как бы два полюса. Один — положительный: великие боги заботятся о порядке в мире и в обществе. Это источник чистоты и надежды, уверенности в спасении. Другой полюс — негативный, отрицательный, где сосредоточены взаимно связанные нечистота и опасность; сексуальность, рождение, смерть — источники нечистоты — отдалают человека от великих богов и отдают во власть младших злобных божеств, бродящих по земле призраков и колдунов...

КИРАТЫ ВОСТОЧНОГО НЕПАЛА

Из долины Катманду отправимся дальше на восток. Оставив позади землю тамангов, к которым мы еще вернемся, попадаем на довольно компактную территорию, где обитают пять племен, объединенных одним названием — кираты. Наименование древнее и прославленное, ибо оно означает в индуистской мифологии або-

ригенов Восточных Гималаев. Следуя с запада на восток, мы встречаем сначала два маленьких племени: одно — тхами, их осталось всего 10—12 тысяч, и они, видимо, будут вскоре поглощены тамангами; второе подразделяется на сунваров и джирел, их всего около 16 тысяч, и они лучше сохранили свою самобытность. Затем следует территория двух больших племен: раи — примерно 240 тысяч и лимбу — не более 135 тысяч. Упомянем еще племя лепча; основная его часть обитает в Сиккиме, однако около тысячи человек живет на территории Непала. Итак, всего более 400 тысяч, согласно переписи 1961 года.

Что эти племена родственные, нет никакого сомнения. Все они принадлежат к одному и тому же антропологическому типу, резко отличающемуся от монголоидных соседей, таких, как таманги и тибетцы²⁰. Их языки также принадлежат к одной группе, видимо происходящей от тибето-бирманской ветви восточногогималайской секции бодического подотряда²¹.

Вряд ли мы узнаем, когда именно кираты появились в Восточном Непале, однако нам известно, что они были там уже в глубокой древности. Поскольку у нас нет никаких исторических документов, приходится ограничиваться анализом цикла мифов о первоначальном переселении, которые у всех этих племен имеют общее происхождение. Жрецы и шаманы киратов до сих пор рассказывают эти мифы во время религиозных обрядов.

Этот цикл мифов можно разделить на две части. В первой мифы переплетаются с легендами: чисто племенной вариант завершается легендами о сотворении мира, в которых рассказывается о едином происхождении всех киратов и о легендарных странствиях их общих предков: здесь явственно чувствуется влияние великих религий. Судите сами. Если верить этим легендам, первые кираты кочевали по Индии, родине индуизма, и какое-то время жили в Каши, то есть в Бенаресе. Некоторые из них якобы побывали в Лхасе, столице Тибета, родине буддизма. Другие прошли на обратном пути через долину Катманду, где одна из легендарных династий носила их имя.

Вторая часть мифов имеет более реальную основу. Братья-прародители поделили между собой земли Восточного Непала, разошлись и образовали три племени: сунвар, раи и лимбу. Эти племена разделились на кланы, между которыми были распределены племенные

владения. Последняя часть легенд, точно привязанная к местности, подводит нас уже к началу истории и объясняет современное размещение племен.

Для киратов заря истории взошла только в XVI столетии при князьях династии Сен, которые укрепились в восточных тераях в трех своих столицах: Макванпуре, Биджаяпуре и Чауданди²². Территория киратов номинально входила в их княжества, но они ее фактически не контролировали: установилось своего рода соглашение, по которому жители гор не трогали земледельцев равнины. За это одному из вождей горного племени раи, которого считали главой киратов, предложили занять пост министра. Кроме того, кираты составляли большинство в армии, и командовали ими военачальники (сардары) из их же родов. Большая часть налогов с горных районов шла на содержание этих войск. Людей, принадлежавших к кастам, особенно рисоводов, в горах было сравнительно немного. Кираты оставались хозяевами своей территории, где занимались подсечно-огневым земледелием. Вплоть до середины XVIII века кираты так и не вошли в индуистские княжества, в отличие от других горных племен, живших дальше к западу. Результаты этого отклонения от общего пути чувствуются до сих пор: влияние великих религий практически не коснулось киратов.

Если верить авторам прошлого века, таким, например, как Гамильтон, раи еще до объединения Непала приняли учение тибетских лам, но сейчас у них от ламаизма не осталось и следа. Буддистов среди киратов немного. Это незначительная часть племени сунваров, называемая «джирел». И в индуизм обратились тоже немногие из сунваров, которые регулярно прибегают к услугам брахманов; это «Двенадцать кланов». Остальные сунвары, лимбу и раи, за исключением отдельных лиц, продолжают исповедовать племенную религию, удивительно хорошо сохранившуюся.

После объединения Непала племена киратов, привыкшие за многие века к относительной независимости, с большим трудом смогли войти в единое государство. Они с недовольством восприняли массовое переселение представителей из каст на их земли, начавшееся с конца XVIII века, и встретили его сопротивлением, большей частью пассивным, а иногда и активным, особенно когда речь зашла об отмене их племенных привилегий на землю, об отнятии у них так называемых кипатов. Кипат-

ное владение означало, что взамен подчинению центральному правительству и уплаты небольшого поземельного налога разные кланы кипатских племен, представленные их наследственными вождями (называемыми миджхар у сунваров, раи у раи и субба у лимбу), сохраняли неотъемлемые права на свою территорию и довольно широкую административную и юридическую автономию. Однако во время правления Рана власти и иммигранты-индуисты, пользуясь раздорами между вождями племен, сумели постепенно урезать эти привилегии; иммигранты упорно вторгались в племенные территории, скупая поля у задолжавших крестьян, и в конце концов кипат у сунваров и раи был отменен. Только лимбу, более воинственное и лучше организованное племя, сумело сохранить свои права. Однако лимбу, как и остальные племена, подверглось более незаметному влиянию индуистов. Теперь кираты на своих землях оказались в меньшинстве. Они переняли сельскохозяйственные приемы иммигрантов и отказались от подсечно-огневого земледелия; расчищают леса, террасируют поля и врастают в экономическую систему иммигрантов. Последние завладели большей частью земель в низинах, наиболее подходящих для выращивания риса, и кираты оказались по сравнению с ними в невыгодном положении. Большинство их составляет теперь прослойку средних и бедных крестьян.

Врастание в чуждую аграрную экономику было необратимым, что не помешало все же киратам сохранить свои этнические особенности в социальной и религиозной жизни. Языки их и теперь остаются живыми. Они не утратили основ своего общественного устройства, которое резко отличается от строя и каст индуистов и соседних племен, например тамангов, а также народов тибетского происхождения, таких, как шерпы. До сих пор у них сохраняются кланы, состоящие из потомков древних киратов, когда-то разделивших территорию между собой. У других народов Непала такие кланы имеют строго экзогамный характер, то есть в них запрещены не только браки, но и вообще сексуальные отношения между членами одного клана, каким бы отдаленным ни было их родство. У киратов же, наоборот, этот запрет распространяется только на семь поколений. Последующих он уже не касается, и, если среди них обнаруживается связь или надо облегчить заключение брака, старейшины заинтересованных родов прибегают к фор-

мальной церемонии раздела, предусмотренной обычаем.

Составлявшие прежде единый сегмент экзогамного клана с единой территорией разделяются на несколько сегментов, браки между которыми отныне разрешаются, а выделенные им части прежде общей территории отмечаются межевыми камнями. Таким образом, родовые группы, между которыми разрешены браки, становятся менее крупными, зато число их с каждым поколением возрастает. Это компенсируется запретом кузенных браков: мужчина не может взять себе жену ни из семьи, откуда происходит его мать, ни из той, куда вышла замуж сестра его отца. Каждое поколение ищет жен в новых кланах, с которыми прежде брачных связей не было. Этим кираты отличаются от магаров, гурунгов и тамангов, компенсирующих бесконечную экзогамию клана повторными брачными связями с одними и теми же кланами, разрешая кросскузенные браки.

Другая особенность общественного устройства киратов отличает их уже от кастовых индуистов — это отношения между породнившимися семьями. Если у индуистов особым уважением пользуются и считаются вышестоящими мужья дочерей и мужья сестер, то у киратов, наоборот, зять должен заплатить за невесту выкуп ее отцу, и он будет всегда занимать подчиненное положение по отношению к тестю и братьям своей жены. Если выкуп не был выплачен, дети от такого брака раньше считались незаконными; в семье своей матери они и отец их занимали почти рабское положение. Возможно, как считают некоторые этнографы, это была особая форма рабства, свойственная киратам.

Итак, расчленение кланов на линиджи с неглубоко уходящими родственными связями и преимущество семьи, отдающей своих девушек в жены, по сравнению с той, которая их берет, — вот две специфические черты общественного устройства киратов. В остальном, как и у большинства племен, общество их было сравнительно равноправным: все кланы имели одинаковый статус; жрецы и вожди линиджей не возвышались над своими собратьями по линиджу.

Религия их ни по существу, ни по истокам не отличается от религии магаров или гурунгов, поскольку основана она на шаманских верованиях. Единственное ее отличие в том, что она осталась практически не затронутой чуждыми влияниями.

У всех киратов существует два вида жрецов-шама-

нов. Первый — жрец или шаман, в зависимости от племени, совершает обычные житейские обряды, которыми отмечают этапы жизни от рождения до смерти и обеспечивают защиту данного линиджа и его территории. Второй — только шаман — приглашается в исключительных случаях: при бедствиях, несчастьях, болезнях, нападениях зловредных духов или духов тех, кто умер не своей смертью. По наличию этих двух типов жрецов-шаманов можно легко судить о степени сохранности исконной племенной религии; если она угасает, первые уступают свое место священнослужителям великих религий, брахманам или ламам, и остаются только вторые, низведенные до положения колдунов, сохранивших в памяти лишь жалкие обрывки из преданий и мифов. И наоборот, если она сильна, то весьма сильны оба вида, как у киратов. Они помнят наизусть весь свод мифов и пересказывают его частями при различных церемониях. В совокупности эти мифы дают представление о вселенной и о месте в ней племени и его различных кланов. Помимо мифов о мироздании и легенд о предках — о них уже говорилось — есть и сведения по географии племенных территорий, наряду с описанием небесного и подземного миров и страны мертвых — всех сфер, которые проходит душа шамана во время камлания, отыскивая душу больного или провожая душу покойника на тот свет. Есть там и легенды о божествах, к которым зывают во время ритуальных церемоний, — о божествах-покровителях дома, клана, полей, лесов, рек и т. п. Имеются легенды и о зловредных духах, которых следует отгонять.

Зная об этих общих для всех киратов чертах, попробуем разобраться в различных путях эволюции их племен. Оставим в стороне тхамы, которые практически исчезают, и лепча, достаточно известных по литературе о племенах Сиккима.

Сунвары

Это самое малочисленное племя: их всего около 16 тысяч. Проживают сунвары в западной части киратской территории, в дистриктах Долакха и Рамечхап, где они соседствуют с тамангами, и дистрикте Окхалдунга, рядом с племенем рай. Около 3 тысяч из них, обычно называемых джирел по местности Джери, исповедуют

буддизм и прибегают к услугам лам из своего племени или племени шерпов для совершения житейских обрядов и коллективных церемоний, которые происходят в гомпа — буддийском святилище их деревни.

Сунвары традиционно делятся на две группы: «Двенадцать кланов» и «Десять кланов», живущие вперемежку на общей территории. Первые, более индуизированные, охотно прибегают к услугам брахманов; вторые обходятся своими собственными священнослужителями. Не очень понятно, на чем было основано это упоминаемое в старых работах деление, как оно сказывалось в территориальном отношении. По всей видимости, «Двенадцать кланов» обитали в долине Кхимти Кхола, ближе к долине Катманду, и, похоже, уступили правителям Рана свои привилегированные кипаты за право пользоваться услугами брахманов. Во всяком случае, сейчас они наиболее индуизированные из сунваров²³.

У других сунваров, обитающих восточнее, племенные традиции сохранились лучше. У них есть служители культов обоих традиционных типов: это жрец-насо, который знает мифы, тексты (пидар) и все обряды, совершает жертвоприношения и поклонения богам, но, поскольку он не может впасть в транс, чтобы установить прямой контакт с богами, ему приходится призывать шамана. Помимо житейских обрядов есть еще обряды сбора первинки урожая, моления о защите деревни и ее жителей. Главное, самое торжественное празднество — великое чествование предков и богов-покровителей клана — происходит раз в 20 или 25 лет, и участвуют в нем все члены каждого линиджа экзогамного клана.

Для совершения экстраординарных обрядов призываются шаман-пхомбо (это название, несомненно, происходит от тибетского бонпо) или шаманка-нгами, которые совершают церемонии в одиночку. Там, где жреца-насо вытеснили брахманы или ламы, шаман остается единственным хранителем племенной религии.

Вплоть до первой половины XX века сунвары пользовались на своей территории привилегированными земельными держаниями, кипатами. Каждый линидж сохранял автономию под управлением своего вождя, который у джирел назывался миджхар, а у прочих сунваров — мукхия. Однако сунвары были очень малочисленны, чтобы отстаивать свои интересы, а их территория находилась слишком близко от столицы и, естественно, со

блзняла алчную аристократию. В результате их земли подпали под общий режим «королевского права», раикара. Теперь сунвары в большинстве своем бедные крестьяне, только на самой восточной окраине их бывлой территории некоторые из них, по слухам, живут в относительно достатке.

Раи

Несмотря на многочисленность (около 240 тысяч), раи наименее изученное племя Непала. Среди них работали этнографы, однако результаты их исследований были опубликованы лишь частично. Кроме того, это племя очень раздроблено.

Общественное устройство раи такое же, как у других киратов: через семь поколений кланы подразделяются. Однако в отличие от других киратов, здесь каждый из первичных кланов, поделивших между собой первоначальную территорию племени, выработал свой собственный диалект, непонятный для остальных: когда встречаются двое раи из различных кланов, им приходится объясняться на непали. Различают более двадцати диалектов, по числу первичных кланов, а внутри их — особые говоры, развивающиеся в разных направлениях.

Раи занимают центр населенной киратами территории: дистрикты Окхалдунга, Солокхумбу, Кхотанг и Бходжпур — до реки Арун. За последние полтора столетия многие из них переселились на восток, на территорию племени лимбу, и в Сикким.

Стало кое-что известно об их верованиях, сходных с верованиями других киратов. Они постепенно угасают и отступают перед индуизмом, однако основы мифологии и главные ритуалы все еще сохраняются.

Обычные обряды совершает жрец, которого называют дэва нокчо. Он может обладать шаманской способностью впадать в транс, но это не обязательно. Как и у сунваров, главное в ритуале — сам обряд и текст, а транс — это уже, так сказать, роскошь. Жрец исполняет житейские обряды, в частности похоронные церемонии, которые у раи, как и у всех племен Непала, очень усложнены, жрец совершает также поклонение памяти предков, умерших естественной смертью, и родовым богам; он приносит молитвы богам-хранителям возделанных земель и людей, на них живущих, прежде всего бо-

жеству плодоносящей земли Бхуме. Краткое описание похоронных церемоний может дать достаточно ясное представление о способе действий жреца.

После естественной смерти покойника тотчас погребают. Это первые похороны. Через несколько недель или месяцев жрец приходит для совершения вторых похорон, чтобы окончательно удалить душу усопшего от земли, где он жил, и отправить его в страну предков, расположенную в высших пределах, на вершине горы, где некогда была прародина клана. Сначала жрец приносит в жертву петуха, поросенка и буйвола, чьи души должны сопровождать умершего на последнем пути, мясо же съедают члены его семьи. Жрец подает сигнал к отправлению в путь, затягивая длинное песнопение, в котором описываются все этапы загробного путешествия; душа покойного преодолевает их по мере описания; достигнув вершины, жрец оставляет там душу покойника и сопровождающие его души жертвенных животных, а затем описывает обратную дорогу, по которой возвращается не только сам жрец, но и душа усопшего, которая будет приходить в свой дом каждый год, чтобы ей воздавали почести, как и душам других предков. Эта церемония бывает более театрализованной: путь души наверх символизирует шест, на верхушке которого прикреплен хвост поросенка, принесенного в жертву умершему, и привязаны лоскутья одежды. Шест ставят на платформе за околлицей деревни; жрец ходит вокруг него в направлении против часовой стрелки и поет-рассказывает о дороге мертвецов, затем возвращается к дому покойного, укаывая обратный путь до алтаря предков.

Особые, экстраординарные ритуалы совершает только шаман. На языке раи его называют, видимо, «селеме», но чаще пользуются термином «биджува», взятым из языка непали (употребимый также и у лимбу), что значит «одержимый». Колебания терминологии легко объяснимы: большинство раи утратило в значительной степени свои племенные традиции, вытесняемые заимствованиями от соседей.

До 1946 года раи пользовались привилегированными земельными владениями, кипатами; следы этого сохраняются в административном устройстве их территории. При каждом разделении клана территория его также подвергалась разделу. Минимальные общественные единицы, последние линиджи (уходящие в глубину лишь на семь поколений) владеют каждый своей землей и распо-

ряжаются ею самостоятельно. Участки под застройку и возделываемые поля распределяются между отдельными владельцами; невозделанные земли, леса и пастбища остаются в общем неразделенном пользовании под наблюдением старейшины данного линиджа (старшего члена старшей ветви линиджа). Его власть признается правительством, сохраняющим за ним титул раи, то есть «вождь» или «король», — откуда идет название племени, или «мукхия». Он обеспечивает всем членам своего сообщества право пользования их землями. Если чужаки — раи из другого линиджа или люди другого племени (не раи) — захотят обосноваться на землях данного линиджа или использовать его леса и пастбища, только он может им это разрешить — разумеется, не даром — или не разрешить.

Таким образом, племенные обычаи, касающиеся раздела земель, остаются в полной силе, о чем приходится сожалеть, ибо продолжающееся дробление земельных владений быстро порождает соперничество и вражду, ослабляет единство и солидарность этого племени, в отличие от крепко спаянных лимбу. Перед лицом центральной администрации и представителей высоких каст, которые все больше захватывают их земли, раи предстают разобщенными, а следовательно, бессильными.

Лимбу

Это одно из наиболее изученных непальских племен. Этнографы, которые работали среди лимбу, широко публиковали плоды своих исследований²⁴. Кроме того, в течение двух с половиной веков лимбу были притчей во языцех: они гораздо меньше, чем раи, были связаны с династией Сен, а в период экспансии гуркхов только они оказывали им достойное сопротивление. Аннексия их территории в конечном счете была представлена в юридических документах не как победоносное завоевание, а как согласие лимбу признать свою вассальную зависимость. И наконец, несмотря на территориальную раздробленность, лимбу всегда умели создавать единый фронт, когда дело касалось интересов всего племени: их знатнейшие вожди выступали совместно, когда надо было противостоять поползновениям центрального правительства. Так, они сохраняли кипаты и привилегии старейшин разных линиджей, так называемых субба.

И все это при том, что лимбу не слишком многочисленны: всего их около 135 тысяч на обширной территории между рекой Арун и восточной границей Непала, где находится шесть дистриктов: Санкхува Сабха, Тапледжунг, Дханкута, Терхатхум, Панчтхар, Илам. Два столетия назад лимбу были практически единственными обитателями этого региона, а теперь они оказались в меньшинстве по сравнению с переселившимися туда кастовыми группами и другими племенами. Тем не менее лимбу сохраняют минимальный контроль над большей частью земель в горах, тогда как земли в долинах в основном заняты пришельцами.

Так называемый мундхум, свод легенд, передаваемых изустно из поколения в поколение жрецами-шаманами, позволяет восстановить историю расселения лимбу на их территории. В самом начале десять предков основали десять протокланов, которые разделили между собой все земли. По ритуальной легенде, у клана есть свой мифический замок, куда шаман во время волшебных полетов доставляет жертвоприношения. Каждый протоклан создал в рамках общей культуры лимбу свои варианты легенд и обрядов.

По прошествии поколений протокланы разделились на собственно кланы с новым разделом территории. Клан лимбу, по-видимому, остаются экзогамными, в отличие от остальных киратов, у которых экзогамия соблюдается лишь в пределах более мелких единиц — линиджей. Такова была организация племени лимбу до нашествия гуркхов. В пределах разных клановых территорий политическую власть осуществляли вожди, ханги, считавшиеся номинально вассалами королей династии Сен.

Если верить сообщениям авторов начала XIX века, лимбу жили практически одни на своей территории. Занимались они полуоседлым подсечно-огневым земледелием: вырубали в лесу участок, сжигали срубленные деревья и кустарник, удобренную золой землю обрабатывали в течение четырех-пяти лет, не террасируя поля. Затем, когда земля истощалась, переходили на другое место и все начинали сначала. Через двадцать-тридцать лет деревня переносилась на новое место. Жили лимбу в свайных хижинах из дерева и бамбука.

Завоевания гуркхов постепенно изменяли политическую организацию племен лимбу. В конце концов они покорились; королевское правительство Катманду лиши-

ло полномочий глав кланов (хангов) и передало административную власть субба, управляющим более мелкими территориальными и социальными единицами, линиджами, не превышающими семь поколений в глубину. Эти субба не только собирали налоги для центрального правительства и поддерживали порядок, но и сохранили права на собственное судопроизводство, более широкие, чем у всех других глав племен в Непале. Но эти уступки центрального правительства с лихвой компенсировались непрекращающимся дроблением территорий и связанных с ними прав, которое искусно поощрялось из центра: привилегии распылялись и теряли свою силу. Не осталось уже никакого организационного объединения лимбу. И все же память о периодических собраниях всех субба в центре их территории сохранилась: до сих пор в случае необходимости наиболее деятельные из них объединяются и выбирают делегацию, которая представляет свои требования в королевский дворец от имени всех лимбу.

Сельский пейзаж здесь претерпел значительные изменения. Иммигранты высоких каст с самого начала получали значительную поддержку от правительства Катманду, заинтересованного в том, чтобы они селились на землях лимбу и повысили их ценность, вводя интенсивную агротехнику. Пришельцы разводили в глубине долин рис и террасировали горные склоны. Со временем лимбу начали им подражать, отказавшись от подсечно-го земледелия, которое почти исчезло, оставшись лишь на самых окраинах. Лимбу полностью освоили технику переселенцев: выращивают рис, террасируют все склоны и на них посреди полей строят себе постоянные каменные дома. Они широко пользуются услугами неприкасаемых каст — кузнецов, токарей, кожевников-сапожников, портных, музыкантов и других, без которых невозможна новая технология хозяйства.

Так что же, лимбу потеряли свой облик, перестали быть самими собой? Разумеется, почти все они стали мелкими и средними крестьянами, как и большинство представителей непальских каст, но, если приглядеться поближе к организации линиджей, к домашнему быту и к домашним обрядам, нетрудно заметить, что эти подчиненные крестьяне, покорные и зачастую не могущие выбиться из долгов, с ожесточенным упорством защищают свою культуру, сохраняют не только свой язык, но и мифологию со сводом своих легенд, а также обряды.

всегда мужчина. Шаманить он приходит с мешком, полным разных колдовских орудий (колокольчики, барабаны, ритуальный нож, магические кристаллы, «громовой камень»). На голове у шамана тюрбан. Присутствие этого специалиста по обычным обрядам абсолютно необходимо при трех важнейших актах житейского цикла.

Через три-четыре дня после рождения ребенка пхедангму призывают для исполнения обряда «положения в колыбель». Он совершает очищение дома и всех его обитателей, начиная с нижней части, где находится роженица, и кончая верхней, где пребывает хозяин дома; после этого нормальная жизнь возобновляется, и женщина снова получает доступ к верхней части жилья и к очагу.

Во время свадьбы тот же шаман-пхедангма в доме молодого супруга приносит в жертву петуха и курицу божествам-покровителям дома и всего рода, чтобы скрепить новый брачный союз. Затем он предсказывает молодоженам будущее и объясняет им их взаимные обязанности.

Погребальный ритуал гораздо сложнее. Во время первых похорон пхедангма выбирает место для могилы и выкупает его у духов земли, делает все необходимое, чтобы умиловить душу покойного, а по истечении нечистого траурного периода совершает очистительный обряд над всеми членами линиджа. Во время же вторых похорон пхедангма демонстрирует все свои шаманские способности. Ведь только он может проводить в страну предков душу покойного, которая после смерти и погребения бродит еще по деревне! Устроившись в глубине верхней половины дома, он улавливает душу усопшего и направляет ее по пути мертвецов, который начинается уже не от центрального столба, а от очага; душа возносится вместе с дымом к коньковой балке кровли и только там вступает на обычный путь в мир иной, приводящий ее к мифическому перекрестку восьми дорог, центру потустороннего мира. Решительно повернувшись спиной к миру живых, который находится на востоке, душа пхедангмы увлекает за собой душу покойного на запад, к озеру, за которым находится селение мертвых, где предки уже ждут ее на другом берегу. Здесь пхедангма ее оставляет и возвращается к очагу.

Помимо этого пхедангма совершает также периодические обряды, призванные обеспечить благоденствие семьи и всей деревни, а также плодородие полей. Два

раза в год, в ноябре — декабре и в марте — апреле, глава дома призывает его пошаманить за процветание хозяйства. Пхедангма устраивается в верхней половине дома. Сначала он прославляет предков из глубины обиталища мертвецов, затем перемещается вперед и переходит к делам живых, призывая благословение богов на всю семью, и в особенности на хозяина дома. Эта церемония разработана особенно тщательно: именно во время нее пхедангма рассказывает все мифы о происхождении лимбу и их ритуалов (о сотворении мира, о десяти протокланах, в одном из которых он помещает предков хозяина дома, о появлении жрецов, божеств и т. д.). По этому случаю он уводит душу хозяина дома в потусторонний мир с перекрестка восьми дорог, направляет ее по дороге живых на восток и следует за ней до перекрестка трех дорог; здесь он избирает средний путь непосвященных людей и находит на равнине цветок, символизирующий жизнь хозяина дома, который после путешествия в потусторонний мир возвращается к живым с новыми силами. По замеченным им в пути предметам пхедангма предсказывает будущее всему семейству.

Раз в год он же совершает общественную церемонию мольбы о благоденствии для всего рода. И наконец, пхедангма совершает все обряды, связанные с земледелием: задабривает бога земли, благословляет начало сева, уборку урожая и приносит в жертву первые плоды.

Шаман-биджува (или яба) выглядит гораздо экзотичнее. Костюм биджувы состоит из своего рода короны из перьев и колючек дикобраза, белой рубахи и белой длинной юбки, ниспадающей до земли и перехваченной красным хлопчатобумажным кушаком; поверх него биджува носит второй, кожаный пояс со множеством колокольчиков, а на шее — различные бусы и ожерелья. Его главный музыкальный инструмент — плоский латунный или медный гонг, в который он бьет палкой. Его экстаз гораздо театральнее, чем у пхедангмы. Специальность биджувы — обряды по поводу всего, что приходит извне и нарушает семейную жизнь или вредит посевам. Иными словами, его призывают в случаях всяких бедствий или болезней, чтобы он отвел от дома потенциально опасные и зловредные души умерших не своей смертью. В этой роли могут выступать и мужчины, и женщины.

После кровосмесительных сношений он совершает очистительные церемонии, чтобы избавить грешников от небесных кар. Биджува также отгоняет чуждые силы,

то есть духов лесов, диких зверей, колдунов и колдуний. Таким образом, он имеет дело со всеми опасными, темными силами зла. Пхедангма обеспечивает миропорядок, заранее предотвращая его нарушения, биджува борется с уже возникшим беспорядком. Место его — в нижней половине жилья, а чаще всего он камлает на террасе перед домом. Пхедангма связан с миром мужчин, биджува, который к тому же может быть и женщиной, общается главным образом с женщинами.

Такова в общих чертах религия лимбу. Она сохранилась в исконном виде. Два взаимодополняющих типа шаманов обеспечивают выполнение всех обрядов, необходимых главам семей и старейшинам деревни. Заимствования из индуизма или буддизма минимальны: ни ламы, ни брахманы не смогли утвердиться здесь в качестве жрецов. Лимбу вполне удовлетворяет их собственная традиционная культура.

Несмотря на все давление, оказываемое пришельцами, которых теперь на их территории большинство, лимбу продолжают сохранять минимум своего общественного уклада. Мы говорили до сих пор о деревне и жизни семьи; эти основные социальные ячейки поддерживают, так сказать, внешние сношения с другими кланами и другими деревнями лимбу. Основные места, где встречаются и знакомятся молодые люди, — это ярмарки и общие танцы, когда целыми ночами юноши ухаживают за девушками, когда те и другие попеременно поют любовные песни и тут и там завязываются знакомства, которые иногда заканчиваются свадьбой. Но после нее всяким любовным приключениям приходит конец: за этим следят не только родители обеих сторон, но и линиджи мужа и жены и специально старейшины, субба. Если свадьба проходит по всем правилам и обычаям, то есть если родители сами заключают формальный брачный союз своих детей, никаких проблем не возникает. Однако надо помнить, что церемония, когда пхедангма освящает брак, соединяя новую супружескую пару, — это только первый этап. По-настоящему брак считается совершенным, когда муж выплачивает родителям жены и ее линиджу выкуп (деньгами, мясом и пивом) за то, что они отдали ему девушку. Только это окончательно и бесповоротно скрепляет союз, и между двумя линиджами формально устанавливается родство. Иначе родители жены сохраняют все права на нее, а также на ее мужа и их детей, остающихся в семье на положении слуг.

Другой вид конфликтов, все еще довольно распространенных, возникает при браках с умыканием, когда юноша, не спрашивая согласия родителей девушки, похищает ее с ярмарки или с вечера танцев; тогда ее принуждают дать согласие на брак, свадьбу празднуют в доме жениха, а родители молодой оказываются перед лицом свершившегося факта. В таких случаях субба обоих заинтересованных линиджей вступают в переговоры, чтобы помирить обе семьи и добиться уплаты выкупа.

Независимо от того, как совершилось бракосочетание, по доброму согласию или умыканием, в любом случае возможен развод. Тогда субба договариваются, чтобы новый, второй муж выплатил первому мужу компенсацию. Если же, на беду, обнаруживается связь юноши с девушкой из того же клана, субба этого клана обязан разлучить кровосмесителей или изгнать их и пригласить биджуву для искупительных и очистительных церемоний.

Так формируются родственные связи и обмены между кланами и линиджами. Гармоничные брачные союзы перемежаются с конфликтными ситуациями.

ПЛЕМЕНА ТИБЕТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Мы говорили о племенах горного Непала, оставив все же белые пятна вокруг долины Катманду и на западе. Так получилось, потому что, продвигаясь на север, мы предпочли, не доходя до тибетцев, временно обойти стороной два племени, связанные с ними самым близким родством, — тамангов и гурунгов.

Когда и при каких обстоятельствах появились они на непальской территории, до сих пор было и наверняка останется тайной. Их языки, очень близкие друг к другу, гораздо ближе к тибетскому, чем языки других горных племен. Поэтому можно предположить, что речь идет об этнических группах, которые целиком переселились из Тибета в не столь давние времена, или же, по новейшей теории, о древнейших автохтонных племенах, в которые влились пришельцы из Тибета.

Гурунги вошли в историю относительно недавно: первый раз о них упоминается в летописях нынешней династии, то есть не так уж давно. Это было в середине XVI века; конфедерация «Двадцати четырех» только что сформировалась; на ее восточном крыле семейство

Кхан уже утвердилось в княжествах Бхиркот (между Покхарой и Палпой) и Каски (в современной долине Покхары). На службе у них состояли магары. Младший сын князя Каски обосновался восточнее в Ламджунге; гурунги признали его королем, и он принял новый титул — Шах. Во второй половине XVI века один из его младших сыновей, Драбья Шах, продвинулся еще дальше на восток, завоевал территорию Горкхи и подчинил себе вождей гхале (одного из кланов гурунгов). С тех пор гурунги упоминаются как слуги и солдаты династии Шах.

Таманги обитали на территориях, подвластных неварским королям из долины Катманду, но бесспорные упоминания их имеются только после объединения Непала. Позднее их часто путали с тибетцами, и только в 1802—1803 годах английский путешественник Френсис Гамильтон отличил их от бхотия и выделил в отдельную группу под названием мурми, видимо более древним, чем таманги.

У этих двух племен помимо языка много общих черт. Их общественное устройство основано на разделении племен на патрилинейные, строго экзогамные кланы, подразделяемые на линиджи со столь же строгим соблюдением экзогамии. Мужчины и женщины одноименного клана не имеют права вступать в брак и вообще находиться в сексуальных сношениях. Преступающих этот запрет заставляют выплатить крупный штраф, а затем изгоняют с территории клана. Однако у них, как и у магаров, приняты повторные брачные связи между кланами и линиджами, причем на уровне близкого родства в обоих направлениях, то есть параллельно кузенные по отцовской линии и кросскузенные по материнской. Магары, как мы видели, допускают только кросскузенные браки: юноша может жениться на дочери брата своей матери, но не на дочери сестры своего отца, благодаря чему избегаются слишком узкородственные брачные связи. Таманги и гурунги, в отличие от магаров, допускают браки и второго типа, так что сеть родственных связей замыкается. Действительно, если мой отец выдал свою сестру за члена другого клана, а я женюсь на дочери этого человека, наш клан получает женщину взамен отданной в предыдущем поколении, посредствующих поколений нет. В конце концов обменные браки на местном уровне приводят к тесному родственному сближению и приходится избегать возникновения между родст-

пенниками асимметричных и неравноправных связей. Таким образом, современное общественное устройство этих племен имеет более эгалитарный характер, чем у магаров.

У гурунгов и тамангов есть еще одна общая черта: сохраняя прямой контакт с Тибетом, оба эти племена подпали, правда в различной степени, под влияние ламанского буддизма, в то время как другие горные племена больше склоняются к индуизму. Когда у тамангов и гурунгов возникает нужда в услугах авторитетного жреца, они обращаются к тибетским ламам. Брахманов принимают лишь в очень редких случаях, да и то лишь те, кто оторвался от своей родной среды, а ламы присутствуют постоянно. Однако влияние буддизма сильнее у тамангов, более тесно связанных с тибетцами, чем у гурунгов, которые четыре с лишним века служили индуистским династиям.

Гурунги

Гурунгов меньше, чем тамангов: примерно 160 тысяч человек. Их первоначальная, исконная территория находится в северной части бассейна семиречья Гандак и четко ограничена на западе рекой Кали Гандак, а на востоке — рекой Бури Гандак; на севере, на склонах вершин Главного Гималайского хребта, они постепенно уступают место тибетским племенам; на западе и на южных склонах хребта соседствуют с магарами, а на востоке соприкасаются с тамангами. Их территория включает, таким образом, полностью четыре дистрикта: Парбат, Сьянгджа, Каски и Ламджунг, а также северную часть дистриктов Танахун и Горкха²⁵. Однако, подобно магарам, многие гурунги расселились по всей стране, но главным образом на востоке, вплоть до Сиккима и Ассама.

В начале XIX века Френсис Гамильтон писал, что гурунги — это многочисленное племя, главное богатство которых составляют овцы. Они ведут пастушеский образ жизни, проводят лето на альпийских пастбищах, а зимой возвращаются в долины. Мужчины делают кошмы и увлекаются воинскими забавами. Гурунгов очень много на землях древних княжеств Каски и Покхара, они по-прежнему верят ламам. Все они предпочитают холодный климат и живут попеременно с бхотиями по обе стороны

снежных вершин Гималаев и в узких долинах между ними. Гурунги обрабатывают землю мотыгами; свои товары они перевозят во вьюках на баранах, которых у них бесчисленное множество.

Тот, кто посетил недавно эти же края и прочитал труды этнографов, работавших среди гурунгов, может представить, какой огромный путь прошли они за полтора столетия. Мотыга и подсечное земледелие в течение XIX века сменились позаимствованной у парбатиев новой агротехникой с террасированием полей и вспашкой с помощью сохи. Большая часть гурунгов спустилась с гор и обосновалась южнее, ближе к долинам, где можно выращивать рис. По мере роста населения и исчезновения лесов значительно уменьшились стада овец и коз. Трансгималайская торговля с перевозками вьюков на спинах баранов и коз отошла в область преданий. Все же гурунги продолжают продавать южным соседям свои ковры, войлоки, шерстяные покрывала и одежду либо выменивать на эти вещи нужные им товары. Большим спросом также пользуются изготовленные ими корзины и прочие плетеные изделия из растущего в горах молодого бамбука. Но все это играет несущественную роль в экономике гурунгов; основа же ее — земледелие. Единственный сколько-нибудь значительный источник дополнительных доходов — это зарплата и пенсии мужчин, которые уезжают за границу, особенно тех, кто нанимается в британскую или индийскую армию.

Гурунги обосновались на землях, которые сами расчистили и обработали, получив от правительства разрешение пользоваться этой территорией, зарегистрированной как земли раикар. Сбор налогов, поддержание порядка и отправление правосудия осуществляются в каждой деревне старейшиной из линиджа-основателя, которого центральная администрация признает наследственным главой линиджа и обозначает непальским термином «мукхия». Сами гурунги предпочитают называть его на своем языке — «крох»²⁶. — Он управляет подчиненным ему линиджем и теми, кому он или его предки позволили поселиться на территории линиджа.

Среди последних часть принадлежит высоким кастам: одни имеют собственные владения, где над ними никто не властен, другие живут на землях племени и подчиняются вождям гурунгов. Но больше всего неприкасаемых — они встречаются повсюду. Дело в том, что, когда гурунги, как и другие племена, переняли у кхасов их

приемы земледелия, пришлось вместе с тем допустить неприкасаемых, без которых было не обойтись при новом способе производства. Пришли кузнецы, плотники и ювелиры, кожевенники-сапожники и портные-музыканты. Эти неприкасаемые предоставили к услугам новым хозяевам свои услуги специалистов в традиционных ремеслах, а кроме того, рабочие руки, столь необходимые в периоды важнейших сельскохозяйственных работ, ибо собственных рук уже не хватало: все острее чувствовалось отсутствие мужчин, которые на долгие годы завербовывались в чужие армии или уходили на заработки в города.

Гурунги, хотя и исповедуют буддизм, считают неприкасаемых неизменно ниже себя: они не принимают от них ни пищу, ни воду, не допускают физического соприкосновения, а уж о браках с ними не может быть и речи. С людьми высоких каст у гурунгов отношения более ровные и в то же время более отдаленные: гурунги должны признавать их превосходство, принимать пищу из их рук, иногда даже отдавать им в жены своих дочерей; только водой они обмениваются на равных. Но между ними остается непреодолимый религиозный барьер. Гурунгов вполне удовлетворяет соединение буддизма с их племенной религией. Индуизм их совершенно не интересует, если не считать кастовых проблем. Лишь отдельные тщеславные выскочки приглашают брахманов по случаю рождения или свадьбы, но это редкие исключения. Похороны же всегда совершаются по всем обычаям и традициям племени.

В отличие от магаров, гурунги очень мало общаются с парбатиями; индуизм вовсе не является для них образцом, и они сохраняют необходимый минимум своих собственных традиций²⁷.

Прежде всего это их собственное представление о социальной иерархии, во всяком случае в первом приближении. Для всех племен характерно равноправие, все кланы имеют один и тот же статус. И тем не менее гурунги повсюду различают две группы кланов, стоящих на разных ступенях иерархии: «Четыре клана», составляющие меньшинство более высокого положения, которому противопоставляются «Шестнадцать кланов», находящихся ступенькой ниже. По этому поводу было пролито немало чернил: члены «Четырех кланов» пытались заставить центральное правительство признать это иерархическое различие, но безуспешно. Они пробовали

обосновать свои требования, сочиняя легенды по индуистским образцам: якобы предками «Четырех кланов» были король и жрец (раджпут и брахман), которые, спасаясь от бедствий в Долине, нашли убежище в горах; там они осквернили себя и утратили кастовую принадлежность. «Шестнадцать кланов» же якобы происходят от потомков раба, которого король и жрец увели с собой и дали ему вольную. Бернар Пиньед, первый этнограф, изучавший гурунгов, принял эти легенды всерьез и пытался отыскать в иерархическом делении кланов следы индуистских влияний. Однако более тщательный анализ фактов привел к совершенно иному объяснению: «Четыре клана» — это те, кто монополизировал политическую и религиозную власть. Раньше из их родов выходили властители княжеств, теперь — большинство деревенских старост (особенно из клана Гхале). Их священнослужители (ламы) принадлежат именно к клану Гхале. Все вместе они образуют высший слой общества. Остальная же масса гурунгов из «Шестнадцати кланов» образует низший слой простых людей.

Различие между ними помимо монополии на политическое руководство проявляется еще в двух аспектах: в отношении к бракам, а также к обмену пищей и питьем. Члены «Четырех кланов» могут в крайнем случае жениться на девушке из «Шестнадцати кланов», но обратный вариант строжайше запрещен. Членам «Шестнадцати кланов» дозволяется доедать остатки пищи членов «Четырех кланов» или использовать, не вымыв, посуду, из которой те ели или пили, но никак не наоборот.

Эти правила, особенно последнее, не имеют ничего общего с представлениями индуистов о социальной иерархии: индуисты думают не только о том, кто поел первым и кто использовал посуду, их прежде всего заботит, кто готовил еду, а как раз на это гурунги не обращают никакого внимания. Первые непальские законодатели в XIX веке правильно это поняли и потому отказались рассматривать эти группы кланов как две различные касты, стоящие на разных ступенях иерархии.

Несомненно, перед нами тут влияние тибетского представления об иерархии: противопоставление двух верхних слоев — политических руководителей и священнослужителей — простым людям, по всей видимости потомкам второй группы иммигрантов. В этой иерархии не хватает низших прослоек — ремесленников (кузнецов, гончаров, нищих; среди тибетцев специальная функция

пищею, жреца и шамана делает их такими же специалистами, как и ремесленники); прежде их у гурунгов не было, а теперь они берутся из низших непальских каст, переселившихся на территорию гурунгов.

На местах общественная организация гурунгов крайне усложнена: в отличие от других племен, у них нет раздела территорий по кланам: все земли разбросаны как попало и принадлежат разным линиджам с различными родовыми наименованиями. В одной и той же местности можно встретить представителей доминирующего линиджа или линиджей из «Четырех кланов», которые владеют большей частью земель, а среди их владений имеется множество мелких хозяйств представителей «Шестнадцати кланов». Гурунги окончательно обосновались на своей нынешней территории сравнительно недавно, и система землевладения у них, по-видимому, не успела еще установиться.

Своеобразие культуры гурунгов проявляется прежде всего в их религии и в развлечениях. Они слывут буддистами и регистрируются как буддисты при официальных переписях населения. Однако, если присмотреться поближе, дело обстоит не так просто. Главные вехи жизни они никак практически не отмечают: у них есть только похоронные обряды и обычные моления за благополучие семьи и деревни, а также экстраординарные обряды. Таким образом, влияние индуизма, которое, казалось бы, должно быть значительным, на самом деле ничтожно: лишь меньшинство богачей приглашают брахманов по случаю рождения или свадьбы, поскольку это престижно, но никогда — на похороны. Гурунги отмечают некоторые календарные праздники индуистов, но не чаще, чем другие племена. Так что же, считать их буддистами? Да, до определенной степени: у них повсюду есть свои ламы, воспитанные в тибетской традиции, но обращаются к ним нечасто. Все гурунги призывают лам только в экстраординарных случаях или для того, чтобы предотвратить градобитие. Лишь члены «Четырех кланов» регулярно прибегают к услугам лам для похоронных церемоний.

Гурунги попросту закапывают своих покойников; погребение происходит без всяких церемоний на деревенском кладбище, затем следует период траура для всего линиджа продолжительностью около 10 дней.

Спустя 13—49 дней (а то и более) совершаются вторые похороны, цель которых — увести душу покойного в

страну предков; в этой церемонии должны обязательно участвовать священнослужители. У гурунгов они трех типов: лама, воспитанный в традициях тибетского буддизма, и шаманы, сохраняющие религиозные традиции племени,— клеври и поджу. Присутствие поджу необходимо; наряду с ним у членов «Четырех кланов» действует лама, а у людей из «Шестнадцати кланов» — шаман-клеври. Лишь незначительное меньшинство гурунгов призывают жреца-буддиста, обязательно гурунга, из своей среды. Только это меньшинство и можно считать буддистами. Остальная часть населения довольствуется своей племенной религией и шаманами, происходящими всегда из среды «Шестнадцати кланов».

Клеври и поджу — шаманы, чья душа способна путешествовать в поисках злых духов и заблудших человеческих душ. Они усвоили от своих наставников различные ритуальные действия, сопровождаемые соответствующими мифологическими текстами (пе), в которых говорится о происхождении обрядов и восхваляется их эффективность. Оба шамана одеты ярко, почти театрально — колпак или тюрбан, длинные белые одеяния, ожерелья, пояс — и носят с собой барабан и цимбалы. Но далее начинаются различия и в костюмах, и в поведении: поджу втыкает в свой тюрбан перья, клеври укрепляет на нем пять изображений богов, они отправляют различные ритуалы. Может быть, речь идет о двух разных верованиях, как полагал Бернар Пиньед? Однако при сравнении с обычаями других племен напрашивается более простое объяснение: клеври — это жрец обычного житейского обряда. Он руководит похоронными церемониями, возносит моления о благополучии семьи и деревни. Наступление официальных религий приводит к тому, что сначала его место занимает лама либо брахман. Поджу, наоборот, продолжает успешно действовать, ибо его специальность — экстраординарный ритуал, и ему безразлично, с кем сотрудничать — с клеври или с ламой.

Гурунги, помимо всего прочего, славятся своими обычаями взаимопомощи и празднествами. В этом отношении они в Непале не одиноки: мы уже встречали подобное у лимбу, однако пример гурунгов наиболее известен в Непале. У гурунгов существуют молодежные группы (ногар), которые совместно проводят наиболее важные сельскохозяйственные работы на полях всех участников по очереди.

У подростков-гурунгов есть свои дома молодежи

(роди гхар), где они собираются на вечеринки с песнями и танцами.

ПИЩЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ПРАВИЛА ПРИЕМА ПИЩИ

Все, что относится к еде, в Непале имеет первостепенное значение: в зависимости от того, кто что ест и как он это делает, непальцы отличают чужаков и узнают своих. Дело не только в том, кому что можно или нельзя употреблять в пищу, не менее важно, кто готовит еду, кто ее подает и в какой посуде.

Что дозволено есть и пить человеку, определяется тем, к какой касте или какому племени (иногда даже к какому клану внутри племени) он принадлежит, а также его религией. Зерновые культуры, овощи и фрукты дозволяются всем. Употребление же мяса ограничено определенными сортами. Поскольку речь идет о племенах, отметим: гурунги едят буйволиное мясо, но не едят свинину; магары — наоборот; мусульмане же отвергают свинину и мясо других животных, не принимаемых для жертвоприношения.

Помимо этнических различий существует своего рода иерархия в пище, соответствующая общественной иерархии: есть благородные сорта мяса — козлятина, баранина, а также рыба, которые могут употреблять все, даже брахманы. Кшатрии добавляют к этому дичь. Если речь заходит о буйволятине или домашней птице, значит, мы опустились до уровня племен и низких каст. Свинину едят только некоторые племена и неприкасаемые. Алкогольные напитки тоже в ходу лишь у разных племен и у неприкасаемых. Только невары смотрят на это более снисходительно: у них буйволиное мясо и алкоголь не воспрещены даже представителям высоких каст.

Еще важнее знать, кто готовил пищу. По законам кастового общества, которые переняли почти все племена, можно есть только пищу, изготовленную равным или высшим по положению, ни в коем случае — низестоящим. Среди высоких каст правила еще более строгие: место, где готовится пища, должно быть чистым (в религиозном смысле); тот, кто ее готовит, должен предварительно совершить омовение, а у брахманов, кроме того, облачиться в одесные без швов. Женщины в период менструаций не имеют права готовить. Эти предписания относятся к тому, что варят в воде, особенно к рису и чечевице. То, что жарится или варится на молоке, принимается не так строго членами высоких каст и многих племен, но только не из рук неприкасаемых.

Если все эти правила соблюдены, следует обратить внимание на то, как приготовленная пища доставляется от очага к столу. Ни один представитель нечистой касты не должен приближаться к очагу или прикасаться к блюдам с едой. Принимающий пищу должен совершить омовение, только после этого он может приступить к еде, сидя на земле или на корточках в предварительно ритуально очищенном месте. Перед ним стоит латунное блюдо с рисом, вокруг которого располагаются чаши или горшочки с чечевичным соусом, мясом, овощами и молоком. Первую щепотку он преподносит богам и предкам, затем начинает есть пальцами правой руки, ибо к пище можно прикасаться лишь правой рукой.левой же только подносят ко рту чашу с водой. Правой рукой он разминает рис, бросает комок в чечевичный соус и отправляет все вместе в рот, затем добавляет мясо и овощи.

Окончив трапезу, надо прополоскать рот и вымыть руки. Остатки еды чаще всего выбрасывают. Доедать их могут только те, кто стоит ниже по касте или по родственному положению: жена доедает за мужем, маленькие дети — за родителями, а самые низшие из неприкасаемых доедают остатки со стола высоких каст.

Таманги

По своему происхождению и языку таманги весьма близки к гурунгам, но последние в течение нескольких столетий связаны с индуистскими монархиями Непала, тогда как таманги не отрывались от своих тибетских корней и держались в стороне от княжеств Долины и Западного Непала. Тамангов долго путали с тибетцами. До начала XIX века и в административных перечнях вплоть до 1950 года их называли «бхотии», по имени совсем другого народа. Иностранные наблюдатели прошлого века отличали их под именем мурми, что на языке тамангов означает «деревенский староста». Кроме того, их часто называют «лама». Термин «таманги», который они сами предпочитают, появился сравнительно недавно; по-видимому, это почетный титул, означающий на тибетском языке «всадники», который им присвоил премьер-министр Джанг Бахадур Рана за их заслуги в войне против Тибета. Это название, вероятно, прижилось только в нашем веке²⁸.

Таманги — самое многочисленное племя Непала; их около 520 тысяч человек. Когда перечитываешь специальную литературу о тамангах, часто создается впечатление, что они живут главным образом на севере от Катманду. И действительно, они уже давно обосновались к северу и к северо-западу от столицы, по соседству с гурунгами; с конца же прошлого века они заняли подходы к Долине и ее южную часть и в большом числе расселились на территории вплоть до горной цепи Махабхарат. Таким образом, земли неваров оказались плотно окружены землями тамангов, которые занимают дистрикты Кабхре (Паланчок), Рамечхап, Долакха, Макванпур, Синдхупалчок, Нувакот, Расува, Дхадинг и Синдхули Гархи. Но они уже давно выплеснулись за пределы своих традиционных земель, особенно на восток.

Нет уверенности, что это многочисленное племя является однородным целым. Так, например, западные таманги, более близкие по языку к гурунгам, с трудом

понимают восточных тамангов. Старые авторы противопоставляли высшую группу «Двенадцати кланов» низшей группе «Восемнадцать кланов», но теперь это различие не принимается во внимание. У нас не хватает данных, чтобы уточнить и перечислить различные внутренние подразделения этого племени, поэтому здесь мы не будем с ними считаться.

Социальная организация тамангов опирается на разделение экзогамных кланов. Всего их насчитывается около трех десятков. Каждый клан имеет название и определяется по месту происхождения в Тибете и по своему божеству. Пищевые запреты варьируются в зависимости от клана. По-видимому, у тамангов первоначально не было раздела территории между кланами; во всяком случае, нынешняя ситуация довольно запутанна. На местном уровне всюду встречаются многочисленные линиджи с простыми внутренними связями, образующие небольшие деревушки. Большие селения тамангов представляют собой полную противоположность таким деревушкам, каждая из которых принадлежит определенному линиджу, со своей территорией и своим старостой, который когда-то распоряжался землями на условиях кипата, но эти привилегии давно уже отменены. В настоящее время земли тамангов считаются принадлежащими королю, то есть государственными.

У тамангов, как и у гурунгов, распространен кросскузенный брак, причем как по отцовской, так и по материнской линиям.

Основы их племенной религии, долгое время скрытые от глаз иностранных наблюдателей под маской ламаизма, еще сохраняются. У тамангов тоже есть два типа священнослужителей. Специалист по обычным обрядам ламбу, почти не владеет шаманскими приемами, зато знает наизусть историю всех божеств, а также кланов, живших в данной деревне, и историю их странствий от прародины в Тибете до нынешних территорий. Поскольку совершение обычных обрядов главных вех жизни перешло в руки лам, ламбу теперь исполняет только ритуал поклонения местным божествам: дважды в год, весной и летом, он испрашивает у них благополучия и здоровья.

Специалист по экстраординарным ритуалам — настоящий шаман, носящий тибетское имя «бонпо». Его избирают после болезненного припадка, и он поступает в обучение к шаману-наставнику, порывая все связи со

своей семьей и вступая в духовный линидж Тунсур Бона, мифического предка всех тибетских шаманов. В минуты экстаза бонпо может следовать по путям богов, доходить до Южного Тибета, прародины тамангов, и мистически объединяться со своими предками-шаманами. От них он получает власть и силы, дающие ему возможность справиться в чрезвычайных обстоятельствах, побороть злых духов, которые угрожают отдельным людям, целым семьям либо деревням. Кроме того, он способен посещать все миры в поисках заблудшей души своего пациента. Шаман-бонпо совершает действия в домах по ночам, облаченный в длинное белое одеяние, украшенный ожерельями, он бьет в бубен и поет. Он не только знахарь-целитель, но и артист, который зачаровывает своим действием зрителей на протяжении целой ночи.

Племенная религия, не имеющая постоянных святилищ и больших храмов, часто ускользает от сторонних наблюдателей либо остается у них на втором плане. Таманги гордятся своим тибетским происхождением. Главное сооружение в их деревне — гомба (буквально «монастырь», а на самом деле простая часовня). Ее веранда и стены украшены изнутри фресками, написанными деревенским ламой, — неумелыми повторениями замечательной тибетской живописи. Внутри часовни находится несколько тибетских книг и статуй Будды.

Такая часовня строится на добровольные даяния верующих; служит в ней деревенский лама. Не следует представлять его монахом-аскетом, соблюдающим обет безбрачия; напротив, он — глава семьи и дома, получивший начатки религиозного образования в Тибете или в Непале под руководством наставника-таманга. Прямая наследственность для ламы обязательна, но на практике лам почти всегда выбирают из одних и тех же семей, и очень часто отец передает свои функции сыну. Деревенский лама умеет читать и писать по-тибетски и отправлять необходимые ритуалы. Он регулярно служит в своей гомбе во время праздников, но главным образом исполняет обряды в частных домах. Лама отмечает церемонии основных вех жизни: через 7—10 дней после рождения ребенка он приходит, чтобы совершить очищение дома и дать новорожденному имя; он обучает детей основам религии, однако на свадьбах его присутствие не обязательно, потому что заключение брака — это дело родителей жениха и невесты. Но вот на похоронах без него не обойтись: он присутствует при сожжении тела

или погребении его на кладбище, где-нибудь на горе, затем проводит ритуал очищения, за которым через 7 или 13 дней следует поминальная тризна. Наконец, через 49 или более дней после смерти его присутствие необходимо для совершения вторых похорон, которые происходят примерно так же, как у гурунгов. Изготавливается подобие фигуры покойного, в его одежде и уборах, и укладывается на бамбуковые носилки. Семья прощается с ним в последний раз, а в это время десятки приглашенных поют, пляшут и веселятся. Затем изображение покойного выносят за пределы деревни, и лама просит его душу отойти навсегда в страну предков. Здесь соединяется окончательное прощание с душой покойного и празднество в честь его заслуг — значительные суммы, истраченные в этот день, пойдут покойному на пользу в загробной жизни²⁹.

Считается также, что лама обладает властью над злыми духами, и его иногда призывают в чрезвычайных обстоятельствах вместо конкурента в этом деле — шамана-бонпо. Итак, буддизм вездесущ: о его значении в стране тамангов напоминают многочисленные маленькие ступы-чортены и стелы с вырезанными на них буддийскими молитвами, установленные вдоль дорог, на перекрестках и на перевалах³⁰.

Влияние индуизма среди тамангов ничтожно. Если они и заимствуют у индуизма элементы ритуала, то, в отличие от гурунгов, совершают все церемонии сами, без брахманов. Это влияние сказывается главным образом на календарных праздниках дасаин и тихар (или дивали).

Таковы таманги. Семьи, издавна обосновавшиеся на своих традиционных землях, часто живут в достатке. Основной массе приходилось изыскивать средства существования на стороне, свидетельством чему служат переселения на восток; издавна таманги поставляют рабочую силу для строительства и украшения столицы. До сооружения современных дорог именно они переносили товары из Индии в Катманду и Тибет и обратно. До сих пор в основном они поставляют носильщиков для альпинистов и научных экспедиций. Практически это единственное непальское племя, которое видит на своих землях туристов, торопливо осматривающих за несколько дней долину Катманду. Но, несмотря на близость к столице, они так и не сумели получить политическое представительство, соответствующее их численности.

Смерть в Непале — явление общественное: оно касается всех, не только семьи покойного и ближайших родственников, но и всего линиджа, то есть практически всех жителей деревни.

После кончины соплеменника весь линидж носит траур и считается нечистым в течение 4—13 дней (у разных племен сроки разные). В этот период никто не должен ни бриться, ни причесываться. Все воздерживаются от мяса, не едят соленого и т. д. По окончании траура все должны пройти очистительную церемонию.

Человек умер; необходимо распорядиться его телом и душой. Первые похороны совершаются обычно в день смерти, чтобы поскорее покончить с телом: индуисты сжигают труп на берегу реки; приверженцы традиционных племенных верований погребают в земле; буддисты поступают и так и этак.

Первые похороны происходят при широкой взаимопомощи всех жителей деревни: они собирают необходимые для похорон принадлежности и участвуют в похоронной процессии.

Далее необходимо распорядиться душой покойного, которая все еще бродит среди живых, что требует продолжительных церемоний, растянутых на долгие сроки, — это и есть вторые похороны; за них отвечает главный скорбящий — старший сын покойного. Индуисты верят, что душе умершего необходимо вернуть астральное тело, которое позволит ей достигнуть страны предков; для этого они преподносят ей катышки риса и воду, угощают брахманов и одаривают их. У индуистов отмечаются два основных поминальных празднества: на 13-й день после смерти и ровно через год. После этого считается, что душа покойного окончательно поселилась в стране предков.

Среди племен вторым похоронам придают особое значение: этот культ у них необычайно развит. Согласно племенным верованиям, надо привести душу покойного в страну предков. Но вместо того чтобы придать ей астральное тело, как это принято у индуистов, в племенах прибегают к услугам шамана, который забирает душу и сам отводит ее в страну мертвых. За этой церемонией следуют пир и танцы. Некоторые племена, например бхотии и шерпы, предпочитают пользоваться для той же цели тибетской «Книгой мертвых» и призывают ламу, который ведет душу покойного к ее ближайшему перевоплощению.

Тибетские анклав

Все племена, о которых шла речь до сих пор, даже если некоторые из них имели по своему происхождению отдаленную связь с Тибетом, все же принадлежали к среднегорному району, к центру непальской нации. Все они понимают язык непали, одеваются в основном так же, как члены непалиязычных каст.

Весь северный пояс Непала на южных склонах Главного Гималайского хребта и в высокогорных долинах за ним занимают племена, которые в научной литературе именуются «бхотиями». Лишь в дистриктах Мугу и

Джумла, на самой северо-западной границе, встречаются также селения непалиязычных индуистов.

Западные авторы пользуются термином «бхотии», чтобы отличать эти горные племена от собственно тибетцев, которые живут в Тибете. Для непальцев «бхотия» значит «тибетец», то есть человек, живущий в Тибете, одевающийся и говорящий по-тибетски, даже если он подданный Королевства Непал. Таким образом, этот термин применяется и к гражданам Тибета, и к тибетцам, которые живут в приграничной северной полосе Непала. Важен образ жизни, и определяющей является не политическая, а социальная граница, отделяющая среднегорный район от высокогорных долин. Мы все же будем для удобства обозначать термином «бхотии» только тех, кто живет на территории Непала.

В этой северной полосе проживает около 90 тысяч бхотиев, число которых после 1959 года увеличилось за счет нескольких тысяч беженцев из Тибета. Впрочем, количество этих беженцев журналисты сильно преувеличивают.

Бхотии представляют собой разношерстный конгломерат различных малочисленных этнических групп, переселившихся в Непал из разных районов Тибета в разное время: они проживают в отдельных замкнутых уголках и долинах, рассеянных вдоль северной границы на протяжении около 80 километров.

Перед тем как перейти к этническим особенностям, рассмотрим черты, присущие всем бхотиям.

Прежде всего надо учесть одинаковые экологические условия, которым вынуждены подчиняться все племена этого региона, включая непалиязычное население Мугу и Джумлы. Земледелие здесь играет второстепенную роль: на скудных полях выращивают пшеницу, ячмень, гречиху, картофель, рапс и репу, но этого недостаточно для пропитания населения. Основным остается разведение яков, овец и коз, которые дают дополнительные продукты питания и шерсть для изготовления одеял и теплой одежды. Доход они получают и от разведения лошадей, которых продают соседям. Однако все эти источники недостаточны — приходится их дополнять за счет торговли. Ею здесь занимаются в мертвый сезон.

Для бхотиев год делится на две половины. В конце весны они переходят вместе со стадами на высокогорные летние пастбища. К этому времени поля в деревнях убраны и вновь засеяны, и наступает период большой

торговли, когда бхотии обычно отправляются в Тибет, чтобы перепродать там зерно, привезенное с равнины или из Срединной земли, и купить соль.

Осенью происходит великое передвижение. Часть жителей самых высокогорных западных деревень спускается к подножию Гималаев и даже на равнину со своими стадами яков, овец и коз, с табунами лошадей и вереницами ослов, навьюченных всем необходимым для кочевой жизни, а также товарами для продажи: солью, одеялами, шерстяной одеждой, лекарственными травами. Маршруты этих перекочевок традиционны. У бхотиев давняя договоренность с хозяевами, на чьих землях они останавливаются — одни племена в палатках, другие под открытым небом: вместо платы за постой их стада унавоживают поля, где они кочуют. Бхотии торгуют или обмениваются товарами во всех попутных деревнях и устраивают большие ярмарки по всему Непалу, вплоть до границ с Индией.

Домой они возвращаются в конце весны, везя с собой вместо проданной соли и других товаров приобретенное зерно и разные изделия индийского производства.

Эта великая миграция со стадами, когда-то захватившая весь север Непала, сохраняется теперь только на крайнем западе. В остальных местах торговля и обмен производятся на ближайших стыках с другими племенами, а далекие торговые путешествия остаются делом отдельных наиболее смелых купцов, которые до сих пор отправляются в Индию за промышленными товарами. Таким образом, бхотии — одновременно земледельцы, скотоводы и торговцы. Без торговли не обойтись, если хочешь выжить в полосе неплодородных полей, неспособных прокормить своих обитателей на протяжении даже полугода.

Каждая семья бхотиев живет в своем доме: это центр их сельскохозяйственной деятельности и одновременно склад товаров, которые они перевозят в двух направлениях — вверх, за Главный Гималайский хребет, и вниз, в долины.

Образ жизни бхотиев определяется не только суровым климатом, но и тибетскими обычаями. Дома должны защищать обитателей от холода и снегопадов, поэтому их строят из камня или кирпича-сырца, с плоскими крышами, продолжающими веранду, где можно отдыхать в погожее время или сушить зерно. Первый этаж отводится под хлев. Верхний или несколько верхних этажей

занимают жилые помещения и склады: там выгорожены комнаты с крохотными окошками и дымоходными отверстиями. Центральный очаг, где зимой постоянно поддёрживается огонь, обогревает весь дом. Одеваются бхотии, как и все тибетцы: мужчины — в шерстяные штаны и шерстяную или хлопчатобумажную рубашу и широкую шерстяную накидку, спускающуюся ниже колен, заменяемую зимой меховой шубой; женщины — в штаны и накидки или в длинные шерстяные платья. И те, и другие обуваются в матерчатые вышитые сапоги на кожаной подошве. Мужчины часто носят серьги; женщины помимо обычных украшений мастерят себе сложные прически, по которым можно определить не только их этническую принадлежность и район обитания, но и социальное положение.

Общественное устройство у бхотиев сложнее, чем у остальных племен: у них различаются и кланы, и общественные прослойки. Все кланы их экзогамны. Экзогамия соблюдается строго: брак или сексуальная связь между членами одного и того же клана немедленно карается изгнанием виновных. Эта особенность порождает многочисленные конфликты. Дело в том, что бхотии, происходящие из Тибета, считают тибетское социальное устройство идеалом, в Тибете же, насколько нам известно, клановую экзогамию соблюдали только ламы и аристократия; остальные же тибетцы избегают только внутрисемейных и кузенных браков. Не совсем понятно, сохраняют ли бхотии древние обычаи Тибета или следуют примеру своих непальских соседей. Во всяком случае, все они соблюдают экзогамию.

Бхотии допускают два вида многобрачия. Среди всех народностей Непала распространена полигамия: один мужчина может иметь одновременно несколько жен. Многоженство было разрешено законом до 1963 года, но тем не менее практикуется до сих пор. Однако в отличие от других непальцев, у бхотиев существует и полиандрия, позволяющая одной жене иметь одновременно нескольких мужей; в самом Непале это всегда родные братья, а в Тибете бывает, что одну супругу делят между собой отец и сыновья. Полиандрия позволяет избежать раздела земель и коммерческих предприятий; кроме того, один из мужей может оставаться дома, пока другой или другие мужья кочуют со стадами или отправляются в торговые путешествия.

Разделение общества бхотиев на иерархические со-

циальные прослойки поддерживает тибетскую традицию, как мы это видели на примере гурунгов. Имеет смысл особо остановиться на этой форме социальной организации, так как она является промежуточной между уже знакомой нам эгалитарной системой племен и гораздо более дифференцированной системой кастового общества, с которой нам предстоит вскоре столкнуться.

В самом Тибете различали четыре общественные прослойки: две верхние — это наследственная аристократия и высшее духовенство; средняя — масса простых людей, то есть земледельцев, кочевых скотоводов и торговцев; на низшей общественной ступени находились корпорации ремесленников, так называемых нечистых — мясников, кузнецов, гончаров, корзинщиков и ряд других. Все эти прослойки эндогамны, так что брак с членом другой прослойки считался социальным падением.

Такое разделение соответствовало общественному разделению труда: благородные должности, религиозные или политические, оставались за представителями высшей прослойки, а нечистыми ремеслами занимались представители низшей прослойки. Это социальное различие, кроме всего прочего, подчеркивалось правилами этикета: представители высшей прослойки отказывались есть и пить из посуды, которой пользовались люди низшей прослойки, хотя обратное допускалось.

Отголоски этой социальной иерархии сохраняются у непальских бхотиев, хотя в их маленьких сообществах далеко не всегда представлены все прослойки. Но в общем почти повсюду есть высшая прослойка, составленная из кланов первопоселенцев, которые монополизируют должности жрецов и деревенских старост. По сути дела, эта старейшая по происхождению группа, соответствующая трем высшим прослойкам классического тибетского общества, представляет собой один слой. Второй объединяет разнородное собрание так называемых чужаков, то есть тех, кто переселился сюда позже основателей. В их число входят бхотии и другие племена тибетцев, например дрогпа из Южного Тибета и кхампа из Восточного, лишь бы они принадлежали к высшим прослойкам на своей прежней родине, ибо только мужчины двух высших прослоек (составляющие большинство населения) имеют право участвовать в деревенских сходках. Ниже их в одной или нескольких прослойках группируются нечистые — кузнецы, гончары, мясники, которые считаются выше корзинщиков и нищих.

Социальное устройство бхотиев сложнее, чем у племен Срединной земли, где наследственные старейшины линиджей держат власть в своих руках. В деревнях тоже есть наследственные старосты, но при них имеются помогающие им сборщики налогов и секретари. Староста выносит на деревенский сход все важные вопросы, не только по разрешению всяческих тяжб, но и по организации сельскохозяйственных работ (утверждение их календарных сроков, распределение воды для полива, порядок использования пастбищ, время перекочевки), а также коллективных празднеств. В отдельных случаях, например, у шерпов, члены деревенского совета, избираемые поочередно сроком на год, занимаются всеми делами деревни.

Традиционная система местного самоуправления далеко не всегда совпадает с порядком правительственного администрирования. Территории, которыми должны управлять так называемые пембу — официально утвержденные старосты и сборщики налогов у шерпов, — часто не совпадают с границами деревень, в которых действует совет ежегодно избираемых сельчан. Кроме того, хотя границы с Тибетом и были определены в 1972 году, большая часть племен бхотиев до самого последнего времени находилась в двойном подданстве: они платили поземельный налог непальскому правительству, а религиозные подати — представителю тибетского правительства, и не только для того, чтобы подтвердить свою преданность Далай-ламе, до 1959 года духовному и светскому владыке Тибета, но и чтобы сохранить хорошие отношения с этой страной, где они вели торговлю, а летом пасли свой стада.

Особое положение занимал Мустанг в высокогорной долине Кали Гандак. Это было традиционно автономное королевство в Тибете. В XVIII веке его завоевали воины Горкхи, и оно вошло в состав Непала, но только в качестве вассального княжества, платившего властителю Катманду такую же дань, как и одиннадцать индусских вассальных княжеств Непала. В отличие от них, Мустанг как буддийское княжество пользовался некоторыми привилегиями, аналогичными привилегиям тибетского правительства: он взимал подать с соседних племен своего региона.

Религиозная жизнь в Мустанге организована по тибетскому образцу. Буддизм проник на территорию бхотиев еще в XIV веке через многочисленные секты, в ча-

стности сакъяпа. Из тех сект до нашего времени дожила древнейшая — ньингмапа, — проповедники которой приходили не только из собственно Тибета, но и из Бутана. Внешним отличием членов этой секты служит красный колпак. Совсем не осталось последователей реформированной секты гелугпа (ее знаком был желтый колпак), учение которой с XVI века стало официальной религией Тибета. Теперь монахам-красноколпачникам ньингмапа приходится конкурировать только с бонпо, служителями другой религии.

Независимо от истоков традиций религиозная жизнь строится по одинаковым принципам. Ритуальные церемонии совершаются по тибетскому счету: это лунный календарь, погрешности которого компенсируются введением каждые три года дополнительного месяца. Новый год приходится примерно на январь, и начало года отмечается (в течение месяца) приведением в порядок всех обыденных дел и церемониями изгнания зла, почитанием домашних божеств и постом. Летом происходят коллективные празднества, которые должны обеспечить плодородие земли. Повсюду стоят различные святилища: главные среди них — гомпа — часовни, стоящие отдельно либо входящие в комплекс монастырей. В плане гомпа — квадрат или прямоугольник; внутри их на деревянном алтаре стоят статуи Будды и богов, лежат священные книги. Вокруг таких часовен и в разных местах деревни расположены посвященные прославленным ламам ступы, так называемые чортены, в которых покоится пепел этих лам.

Миряне устраивают обычно нечто вроде часовенок где-нибудь в углу дома и благоговейно хранят там несколько статуй богов и одну-две священные книги. На каменных стенах в разных местах высечены молитвы.

Другие святилища свидетельствуют о живучести буддийских верований, включенных в культ ламаизма, который поддерживают тибетские ламы. На землях деревень есть места, где поклоняются лха, божественным покровительницам селений и родов. Возле источников и колодцев почитают клу, змей подземного царства. На верандах домов стоят алтари бога Бхана, покровителя семьи.

Все религиозные обряды в деревнях совершают жрецы буддийской секты ньингмапа или племенной религии бонпо, которых одинаково называют ламами. За редким исключением, эти священнослужители — отцы семейств,

избранные в свое время среди братьев для продолжения жреческой традиции рода. В возрасте 12—15 лет они поступают под начало ламы и должны учиться у него в течение 3—6 лет, после чего проходят обряд посвящения и становятся настоящими ламами, признанными в кругу сородичей. Они вступают в брак и занимаются, как и все односельчане, своим домом и хозяйством. От мирян они отличаются прической и одеждой. Кроме того, им нельзя убивать животных и пахать землю. В их жреческие обязанности входит регулярное пересказывание священных текстов и восхваление Будды, а также периодическое уединение, отрешение от мира. Так, они обеспечивают сохранение и соблюдение годовых коллективных ритуалов (церемоний в гомпа, общих празднеств), а также семейных обрядов, отмечающих главные вехи жизни, почитание духов предков линиджа. Они же считаются специалистами экстраординарного ритуала: к ним прежде всего обращаются деревенские старосты и главы семей, чтобы отвести бедствия и прогнать злых духов. Соблюдение религиозных обрядов и вознаграждение жреца обеспечиваются пожертвованиями хозяев домов, добровольных сборов и приношений по случаю различных церемоний.

Таким образом, укоренившиеся секты монополизировали почти все религиозные отправления. И тем не менее у бхотиев еще остались немногие шаманы, которых призывают в экстраординарных случаях, когда ламы оказываются бессильными. Шаманов называют где «лхапа» (что значит «посвященные богам»), где «миктонг» («знахари», «ясновидцы»), где просто «бонпо». Входя в экстаз, они могут с помощью своих богов-покровителей определить причину недуга и указать способ избавления от злых сил.

Основная масса населения решительно объявляет себя буддистами и смотрит на приверженцев других религий как на варваров. Своим основным долгом бхотии-миряне считают содержание часовен и лам: чем больше они на них тратят, тем больше у них заслуг перед небесами. Они устраивают празднества и участвуют в них, часто приглашают к себе лам по случаю рождения ребенка, иногда на свадьбы и всегда, когда кто-нибудь умирает.

После погребения тела, что делается быстро и без особых церемоний, и совершаемого вскоре очищения семьи отмечается 49 дней траура (традиционный срок),

главные, вторые похороны. Семья устраивает длительные поминки, во время которых лама принуждает душу умершего покинуть эту землю и указывает ей путь к ближайшему перевоплощению. Затем все жители деревни принимают участие в большом пиршестве, на котором прославляются заслуги покойного.

Таковы основные черты, объединяющие всех бхотиев. Однако не следует думать, что они во всем едины. Бхотии представляют собой конгломерат племен, различных по языку, происхождению и обычаям. Предлагать разумное подразделение их еще рано. Изучение бхотиев носит пока случайный, обрывочный характер, а потому мы ограничимся их кратким описанием.

В дистрикте Дарчула живет около 2 тысяч бьянши, представляющих крайнюю часть компактной группы бхотиев, обосновавшейся на индийской территории. Как и другие бхотии Кумаона, они являются древнейшими его автохтонами. Влияние ламаистского буддизма на них всегда было незначительным, а влияние индуизма с начала нынешнего столетия постоянно возрастает. Хотя их совсем немного, они очень заметны на крайнем западе Непала, потому что сохранили свою традицию дальних зимних перекочевок — с женщинами, детьми и стадами овец и коз — с гор на равнину вплоть до Индии.

Бхотии из дистриктов Хумла, Мугу и Долпо гораздо ближе к тибетским традициям. Остановимся чуть подробнее на бхотиях из Долпо, которые стали недавно объектом более подробного изучения.

Долпо — бывший тибетский округ, который был завоеван сначала королевством Джумла, а затем Непалом. Расположен дистрикт Долпо на высоте 4 тысячи метров над уровнем моря за Гималайским хребтом, позади массива Дхаулагири. К его автохтонному населению прибавилось немало переселенцев из Тибета. Буддизм распространился здесь в XIV—XV веках. Общая численность населения теперь 5 тысяч человек, разделенных на две высшие прослойки (коренные жители и переселенцы из Тибета) и две низшие (кузнецы и корзинщики).

Жители Долпо не делают больших перекочевок: они довольствуются товарообменом с ближайшими соседями из долин к югу от Гималайского хребта и из пограничных с Тибетом районов. Они принадлежат в основном к секте ньингмапа, меньшинство придерживается религии бонпо. Они не скупятся на расходы по содержанию своих

часовен и лам, свято хранят память о деяниях и жизни первых буддистов, обративших их в праведную веру.

К востоку от Долпо расположен Мустанг, который называют также Ло. Население в нем тибетского происхождения, и оно до сих пор сохраняет религиозные установления и социальные обычаи Тибета. Далее на юг, в долине реки Кали Гандак проживают две очень любопытные эндогамные группы: сообщества «Пяти деревень» и «Двенадцати деревень». Обычно их называют тхакали, по имени района Тхақ, где они живут. Всего их около 10 тысяч человек. Если принимать во внимание некоторые языковые особенности и отдельные черты их общественного уклада, следует сделать вывод, что тхакали стоят ближе всего к гурунгам. В прошлом же они старались ассимилироваться с бхотиями: одевались таким же образом, объявляли себя убежденными буддистами и строили монастыри. Тхакали — умелые торговцы. Зимой они покидают свою малогостеприимную долину и спускаются на юг, вплоть до равнины. Мужчины с табунами лошадей и ослов предпринимают далекие путешествия, а женщины устраивают вдоль торговых путей харчевни, которые непальцы очень ценят за чистоту, хорошую кухню и обходительность хозяек. Тхакали, несмотря на малочисленность, играют большую роль в экономике и политике района благодаря тому, что им удалось монополизировать в пользу непальского правительства всю трансгималайскую торговлю в высокогорной долине реки Кали Гандак. За последние десятилетия они сильно разбогатели и практически отказались от буддизма в пользу индуизма, религии правящих каст. Женщины-тхакали меняют тибетскую одежду на сари, а мужчины — на непальские или европейские костюмы. Наиболее богатые посылают своих сыновей учиться в колледж иезуитов в Катманду.

Тхакали и бьянши представляют собой крайний случай ассимиляции с современными непальцами. Другие бхотии гораздо более консервативны³¹.

Племена бхотиев, проживающие к востоку от долины реки Кали Гандак и далее, вплоть до восточной границы Непала, до сих пор плохо изучены, за исключением самых известных среди них шерпов. Они прославились как незаменимые помощники альпинистов, и имя их присваивают себе всякие хитрецы из других племен бхотиев и тамангов, чтобы набить себе цену в глазах неопытного альпиниста или туриста. Строго же говоря,

название «шерпы» относится только к определенной этнической группе, проживающей к югу от Эвереста в дистрикте Солу-Кхумбу, и означает оно «люди Востока».

Шерпы пришли из восточных районов Тибета и постепенно проникли в Непал в сравнительно недавнее время — около середины XVI века. Их предки-основатели образовали четыре клана, разделившие между собой всю территорию племени. От них произошли 13 тысяч человек из общего числа шерпов, которых теперь примерно 15 тысяч. Часть остальных происходит из новых кланов, переселившихся сюда из Тибета в XVIII веке, и входит вместе с первыми кланами в высшую прослойку. Среднюю прослойку образуют «люди без клана», недавние переселенцы из Тибета, потомки других племен и представители каст, ассимилировавшиеся с шерпами. Несколько отдельных семейств тибетского происхождения образуют самую низшую прослойку общества — нечистых.

Все кланы шерпов строго экзогамны. В отличие от остальных бхотиев, у них, как у тибетцев и киратов, запрещены кросскузенные браки. До середины XIX века шерпы не придавали, казалось бы, особого значения религии. Им было вполне достаточно обрядов, которые совершали их деревенские ламы, такие же главы семей. Однако под влиянием монахов тибетского происхождения ронгпху у них стали развиваться собственные религиозные организации.

Большие монастыри с постоянно живущими в них монахами и монахинями появились здесь лишь в последние пятьдесят лет. Эти прекрасные здания, где в праздники происходят пышные церемонии, танцы в масках и прочее, что привлекает на землю шерпов альпинистов и туристов, представляют отнюдь не старые традиции, а все то, что было введено сравнительно недавно.

Именно шерпы придумали йети. Страшный «снежный человек» вошел в их мифологию. И им удалось продать эту сказку туристам и ученым, подобно шотландцам, которые превыгодно продают свою легенду о чудовище озера Лох-Несс.

ЭКЗОГАМИЯ, ЭНДОГАМИЯ И ГИПЕРГАМИЯ

Экзогамией, как известно, считается обычай, согласно которому супруга (супругу) или сексуального партнера надо искать за пределами сообщества, к которому принадлежит ищущий. В Непале та-

ким сообществом является патрилинейный линидж большей или меньшей генеалогической глубины, то есть включающий всех потомков из седьмого поколения или даже более отдаленного общего предка. Касты и племена состоят из множества экзогамных сообществ такого рода.

При эндогамии супруг (супруга) ищет партнера в более широком сообществе: в своем племени, касте или прослойке, за пределами которых браки строго запрещены.

Это правило эндогамии зачастую смягчается обычаями гипергамии, которые допускают исключения, но только в одном направлении: мужчины могут брать жен из более низких по статусу каст, прослоек или племен, чем те, к которым принадлежат сами, но никак не из высших.

БОНПО

Добуддийская религия, которую мы называем здесь племенной, на тибетском языке обозначается термином «бон». Первоначальные верования еще сохраняются в угасающей форме в экстраординарных ритуалах посредников-шаманов, которых бхотии почитают до сих пор. Как и у тамангов, они называют себя бонпо, то есть приверженцы бона. Бонпо гораздо меньше, чем буддистов, и живут они главным образом на западе и в центре территорий бхотиев, за исключением в тех же селениях, что и ньингмапа.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КАСТ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Различные племена, как мы видели, в основном сохраняли эгалитарную систему, систему равенства, в том смысле, что внутри каждой этнической группы все кланы считались равными и члены всякого клана могли вступать в брак с членами любого другого. Однако уже у гурунгов, а особенно у бхотиев все больше проявляется разделение на общественные прослойки: священнослужители и аристократы образуют высшую прослойку, в то время как некоторые ремесленники отодвигаются в самые низы по сравнению со средней прослойкой — основной массой племени. Различия между ними выражаются в запрещении браков между людьми разных прослоек и ограничением общения в быту. Эта пока еще примитивная иерархия основана на разделении религиозных и политических функций, а также профессий и ремесел.

Внутри определенного этноса имеется десяток, а то и несколько десятков замкнутых групп, стоящих на разных иерархических уровнях, одновременно дополняющих друг друга по своим функциям. Эти группы называют кастами. К ним принадлежат индуистское население тераев, мусульмане, невары и индо-непальцы³² Срединной земли.

Прежде чем перейти к особенностям кастовой системы, развившейся у каждой этнической группы, рассмотрим общие ее принципы.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАСТ

Система каст зиждется на теоретической основе, изложенной брахманами около двух тысячелетий назад в нормативных трактатах «Дхарма-сутра» и «Дхарма-

шастра». Эти два учёных сочинения, написанные на санскрите, определяют правила поведения всех членов индуистского общества во всех сферах религиозной и гражданской жизни. Правила меняются в зависимости от места человека в социальной иерархии, поэтому значительная часть обоих трактатов посвящена подробному описанию и обоснованию этой иерархии.

Социальные функции и сопутствующие им привилегии служили критериями для членения общества путем четырехкратной дихотомии, всякий раз отделявшей от высшего класса низший (эти классы традиционно называют «варнами»).

Первая дихотомия разделяет людей, стоящих вне классов (аварна), или вневарновых, от «людей варн» (саварна), которые в процессе трех следующих дихотомий кажутся расчлененными на четыре варны.

Вневарновые стоят за пределами собственно общества, люди нечистых ремесел и профессий, с которыми члены высших варн не хотят общаться, отбрасывая их на окраины своих деревень и городов, — те, из кого получились парии и неприкасаемые современного общества.

Вторая дихотомия вычленяет из людей варн четвертую и низшую варну шудр, не имеющих права на богатство, власть и участие в ритуалах; это слуги и ремесленники, обслуживающие три высшие варны. Такое разделение обычно обосновывается с позиции религии: главным критерием является причастность или непричастность к знаниям и обрядам древнего ведического ритуала. Шудры не имеют к нему доступа как однаждырожденные: физическое рождение — это их единственное рождение. Члены же трех высших варн считаются дваждырожденными. В возрасте от восьми до двенадцати лет они приобщаются — под руководством наставника-брахмана — к священным текстам и церемониям и проходят инициацию, которая является их вторым, на сей раз духовным рождением, после чего повязывают через левое плечо и правую подмышку священный, скрученный из хлопчатобумажных нитей шнур — символ принадлежности к высшим классам.

Третья дихотомия отделяет от высших варн вайшьев, имеющих власть только над животными; им дозволено властвовать над всеми живыми созданиями. Вайшьи образуют основную массу тружеников-земледельцев, скотоводов, торговцев.

Четвертая дихотомия отделяет кшатриев, правителей

и воинов, облеченных временной земной властью, от обладающих духовной властью брахманов, которые стоят на вершине иерархической пирамиды. Только они могут совершать жертвоприношения и посвящения дваждырожденных, хранить и распространять высшее знание.

Таким образом, мы имеем дело с иерархической системой четырех варн, к которым примыкают вневарновые люди. Наверху этой системы находятся обладающие духовной властью, четко отличаемой от власти земной, мирской. Речь идет о сохранявшихся из поколения в поколение группировках, вроде сословий, существовавших когда-то во Франции, только с гораздо более строгими правилами и ограничениями.

Индийская мысль выражает эти социальные понятия в почти биологических терминах: для индийцев общество разделяется на роды и виды, как весь остальной животный и растительный мир. Это деление находит религиозное обоснование: человек от рождения принадлежит своему классу, как животное своей породе; данное рождение обусловлено его поступками и заслугами в предшествующих существованиях, и эту жизнь он должен прожить членом той варны, в которой родился. Боги в этом неповинны: он сам определил свое теперешнее положение и должен выполнять все обязанности своей варны, пользуясь присущими ему правами и привилегиями.

Эти права и привилегии определены раз и навсегда для всех членов иерархических варн. Высшие, особенно брахманы, пользуются всеми привилегиями, низшие, вневарновые, не имеют никаких. Но, с другой стороны, каждый человек имеет свои обязанности и должен выполнять все функции варны, избегая — что особенно важно — всего, что несовместимо с его общественным положением. Чем выше варна, тем больше этих ограничений в поведении и в пище: брахман не может совершать никаких актов насилия, не может убивать, не может пахать землю, а питаться должен как аскет. Браки допускаются только внутри своей варны, ибо только дети, рожденные от матери, принадлежащей к той же варне, что и отец, сохраняют его привилегии.

Разрешаются и браки между лицами различных варн, но дети от таких союзов не могут наследовать привилегий того из родителей, кто принадлежит к высшей варне. Так, мужчина из высшей варны может взять

себе вторую жену или наложницу из низшей варны, это, как говорится, женитьба «по шерсти»; дети в этом случае принимают варну матери. Женитьба «против шерсти», то есть на женщине более высокой варны, категорически воспрещается. Те, кто преступает этот запрет, подвергаются разным наказаниям, а дети от таких союзов сразу низводятся в самый низший социальный слой. Эти правила, которые этнографы обозначают термином «гипергамия», весьма типичны для народов со строго соблюдаемой общественной иерархией.

Мы сумели рассмотреть далеко не все подразделения индуистского общества. Варна, как таковая, если возвратиться к биологической терминологии, подобно роду, разделяется на многочисленные виды, которые называются кастами, джати. Эти более мелкие подразделения представляют собой наследственные, обладающие определенным статусом эндогамные или гипергамные группы, внутри которых сохраняется их профессиональная специализация и все члены которых носят одно и то же кастовое имя. Дальнейшие подразделения обусловлены уже не социальной иерархией, а линиями родства: касты делятся на равноправные экзогамные кланы, связанные сетью браков. Классические трактаты донесли до нас длинные перечни каст, но мы не будем на них останавливаться, ибо неизвестно, каким историческим реалиям они когда-то соответствовали и какое отношение имеют к социальной структуре современной Индии.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

О том, как теперь функционирует кастовая система, мы имеем достаточно четкое представление благодаря накопленным (с конца XVIII века) наблюдениям в Индии и Непале.

Система варн сохраняется в сознании и повседневно упоминается; она служит удобной схемой отсчета, в какой-то степени соответствующей современному положению дел: дваждырожденные по-прежнему носят священные шнуры, отличающие их от шудр и вневарновых людей. Высшая кастовая группа из дваждырожденных — брахманы — сохраняет полностью привилегии и во многих отношениях выступает как единая солидарная группа.

Чтобы разобраться в том, как функционирует теперь

эта система, следует обратиться к основным общественным единицам, то есть к кастам. Число их сильно возросло, некоторые разделились на эндогамные и иерархически неравные подкасты. Каста (или подкаста, там, где она существует) является последней в иерархической системе эндогамной единицей, внутри которой передается наследственная профессия. Различие между кастами соблюдается очень строго. Гипергамия почти не встречается, разве что у горных племен Непала. Иерархия проявляется не столько в различии социальных функций (как в древней теории варн), сколько в правилах ритуальной чистоты: самые высокие касты — самые чистые, а самые низшие — самые нечистые.

Понятие чистоты, основанное на религиозных представлениях современного индуизма (весьма примитивных, на взгляд европейца), имеет негативный характер: чистота есть отсутствие обычной нечистоты. Позитивным термином является нечистота, от которой до конца не может избавиться ни один человек на свете, ибо она связана с основными жизненными функциями: с пищеварением, испражнением, мочеиспусканием, с половой жизнью в самом широком смысле (совокупление, роды, менструации), с рождением и смертью, с насилием и кровопролитием и т. д. Всякий человек нечист, но он может частично обрести чистоту, степень которой зависит от того, насколько часто и тщательно исполняет он очистительные обряды, особенно омовения, предписанные священными текстами для избавления от нечистоты, да и вообще обязательные перед исполнением разных ритуалов.

Такое представление о первородной нечистоте человека свойственно не только индуизму — оно существует и в племенных религиях. Чтобы не ходить далеко, заглянем в тексты религиозных законов ислама, где развиваются аналогичные концепции, а еще проще — в Библию, в частности, в Третью книгу Моисееву (Левит).

Индуизм, в отличие от других религий, большое значение придает нечистоте, и это проявляется в двух вариантах. В первом, менее оригинальном варианте (ибо этот обычай свойствен также разным племенам) речь идет о нечистоте линиджа: после того как умер член линиджа или родился новый, все его члены становятся нечистыми на несколько дней, обычно 10—13 у индуистов и на меньший срок у племен. Второй вариант свойствен только индуизму, хотя не так давно ему

начали частично следовать отдельные племена (из подражания индуистам). Он состоит в том, что каждая каста (или целое племя, рассматриваемое как одна каста) поголовно и наследственно имеет определенный уровень чистоты или нечистоты, навсегда определяющий ее место в иерархии. Все члены касты обязаны поддерживать этот статус, соответственно с которым устанавливаются пищевые и другие запреты, а также характер и периодичность очистительных церемоний, необходимых для поддержания специфического для данной касты уровня чистоты. Каждый должен следить за тем, чтобы все свято выполняли эти запреты и предписания под страхом исключения из касты, ибо очищения надо совершать регулярно, потому что чистота — состояние неустойчивое и преходящее, а нечистота постоянна и заразительна: она передается через пищу, воду, посредством половых сношений и просто прикосновения. Соблюдение этих правил обязательно для каждого, кто хочет сохранить свой социальный статус, оставаться членом своей касты. Если же он не захочет подчиняться этим правилам, то может и отказаться, но ему известно, что за этим автоматически последуют исключение его из касты³³.

Имеет смысл пояснить это несколько абстрактное изложение двумя примерами, взятыми на двух крайних уровнях иерархии.

Касты брахманов — самые высокие в иерархической системе, ибо они самые чистые: для брахманов чистота — необходимое условие, чтобы они могли совершать священные обряды. Брахманы — наследственные священнослужители индуистского общества; они должны блюсти чистоту своей касты, только сыновья отца-брахмана и матери-брахманки, вышедшей замуж девственницей (вдовы и разведенные жены исключаются), будут полноправными членами касты и смогут стать священнослужителями. Они должны особенно тщательно и часто выполнять все предписанные очистительные церемонии: длительные омовения по утрам и перед каждой трапезой, а также после каждого соприкосновения с нечистой извне. Брахманы должны соблюдать свою диету: на большей части Индии они строгие вегетарианцы, однако в отдельных районах Северной Индии не отказываются от чистого мяса, то есть от рыбы, козлятины и баранины. Брахманы не употребляют острых приправ, лука, чеснока и не пьют никаких алкогольных напитков. Пи-

шу им могут готовить только члены их собственной касты: даже брахманам из другой касты это не дозволено. Они не должны убивать своими руками животных, воевать и пахать землю.

Брахманка может вступать в интимные отношения только с брахманом, иначе — немедленное изгнание из касты. Брахман же, наоборот, может вступать в связь с женщинами низшего статуса и охотно пользуется такой привилегией, однако при условии, чтобы она принадлежала к ритуально чистым кастам, иначе ему тоже грозит перевод в низшую касту. Дети, рожденные от таких связей, не получают статуса своего отца, а остаются в низшей касте матери.

На противоположном конце иерархии стоят самые низшие касты, такие нечистые, что одно прикосновение к ним уже оскверняет представителя чистой касты и он должен немедленно совершить очищение; в этом смысле и говорят о кастах неприкасаемых. Их низкое положение объясняется профессиями, которые заставляют неприкасаемых постоянно иметь дело со всякой скверной: так, кожевники-сапожники считаются одной из самых низких каст потому, что они все время соприкасаются с трупами животных, а смерть, как мы уже видели, для индуиста главный источник осквернения.

Таким образом, становится понятной основополагающая мысль, которая определяет эту уникальную общественную структуру. Чистота — состояние временное и непрочное: зарабатывать на пропитание своими руками, управлять страной, просто существовать — значит на каждом шагу соприкасаться с нечистотой. И всегда требуется кто-нибудь, стоящий хоть немного ниже, на кого можно было бы перебросить частицу своей нечистоты. Брахман избавляется от скверны, перекладывая ее на всех остальных, но в то же время очистительными церемониями он помогает им вновь обрести чистоту. Низкие касты всегда играли роль своего рода козлов отпущения для вышестоящих, самым же низким оставалось лишь принимать на себя из рода в род все самые страшные скверны, за которые не желали отвечать высокие касты.

Эта основная идея находит свое воплощение на практике. Для этого используют простейшие критерии, вытекающие из предосторожностей, которые обязана соблюдать каждая каста, чтобы сохранить свой статус и не оскверниться общением с низкими кастами. Общество в целом делится на две группы каст: чистые и нечистые.

К последним относятся самые низкие из шудр и вневар-повые, чьи профессии безусловно несовместимы с ритуальной чистотой. В обыденной жизни эти группы каст различает принятие (или непринятие) воды. Члены всех чистых каст отказываются пить воду из колодца или сосуда, которыми пользовались члены нечистых каст: принятая из их рук вода передает скверну от низких высоким, и тем придется совершать очистительные обряды. Разумеется, ни о каких сексуальных отношениях с низкими, ни о принятии от них приготовленной на огне пищи не может быть и речи.

Анализ этого простейшего критерия неприятия воды, существующего повсюду в Индии и в Непале, позволяет понять систему кастового общества: правила устанавливают высокие касты, в данном случае вся группа чистых каст, и они же определяют характер отношений с низкими, допуская или не допуская контакты.

Критерий неприятия воды определяет первое разделение общества на две большие группы каст, которые далее подразделяются по другим критериям, причем всякий раз вычленяется сравнительно низкая каста, а оставшаяся высокая делится дальше.

Среди нечистых каст низшее место занимают те, от которых не только не принимают воду, но и вообще избегают всякого физического соприкосновения с ними, — это неприкасаемые. Их не впускают в дома, жить им разрешается в особых кварталах на окраине города или за деревней. Они занимаются самыми грязными ремеслами, недопустимыми для членов высоких каст. Перечислим их, начиная с самых низов: подметальщики-мусорщики, палачи, профессиональные музыканты со своими шутами и продажными танцовщицами, кожевники-сапожники, иногда и ткачи.

Выше них располагается группа нечистых каст, которые не считаются неприкасаемыми; сюда относятся, во-первых, ремесленники, занимающиеся менее грязными работами, чем предыдущие: маслоделы, изготавливающие растительные масла, и мясники (раздробление семян и убийство животных одинаково рассматривается как насилие, источник нечистоты), прачки (они имеют дело с грязным бельем), а также иногда цирюльники. Во-вторых, в эту группу входят люди, по расе или религии чуждые правоправным индуистам, кого в древности называли варварами, млеччха. Сначала это были греки эпохи Александра Македонского, потом мусульмане —

арабы, персы и афганцы вместе с теми, кого они обратили в свою веру, и, наконец, европейцы — христиане и окрещенные ими как прозелиты, не говоря уже о евреях и парсах-огнепоклонниках. Положение, отведенное европейцам в системе каст, не слишком почетно, но все же лучше, чем местных неприкасаемых³⁴.

Группа чистых каст имеет более сложные подразделения. Дваждырожденные стоят наверху, оставляя внизу, вдали от себя, шудр, тоже чистых, но в настоящее время представляющих собой весьма пеструю группу, куда входят все, кто, не будучи нечистым, не имеет права носить священный шнур. К шудрам прежде всего относятся все касты трудящихся в различных сферах, лишь бы их занятия не были сопряжены с нарушением ритуальной чистоты, то есть земледельцев, мелких торговцев, ремесленников: кузнецов, ювелиров, плотников, гончаров, портных (если они не занимаются одновременно другими приработками, которые делают их неприкасаемыми). К шудрам также относятся и племена, постоянно вступающие в кастовое общество. Это место принадлежит им и по традиционному праву, и фактически, как мы увидим при более подробном обзоре Непала.

Дваждырожденные, носящие священный шнур, в свою очередь, подразделяются на три традиционные варны. К классу вайшьев теперь относят только крупных коммерсантов Северной Индии; в Южной Индии и среди большей части народов Непала нет представителей этой варны. Значение имеет только результат последнего деления, возводящего на вторую ступень иерархии кшатриев, правителей, которым монопольно принадлежит светская власть. Сопряженное с нею неизбежное насилие накладывает на властителей печать нечистоты, а потому представители мирской, земной власти стоят ниже брахманов, носителей духовной власти, чистых по своей сущности и помогающих прочим людям обрести чистоту, а следовательно, и доступ к святине³⁵.

На практике критерии, разделяющие чистые касты, сводятся к трем.

Первый: все без каких-либо различий принимают друг от друга воду и пищу, приготовленную на растительном масле или на молоке; брахман спокойно выпьет воду из кувшинчика ремесленника-шудры.

Второй: сексуальные отношения строго регламентированы: мужчина может иметь связь с женщиной того же

или более низкого уровня (если только они могут принимать друг от друга воду), но никак не с женщиной высшей касты. Или же, если взглянуть на эти правила женской точки зрения, женщина может вступать в сексуальную связь с мужчиной равной или высшей касты, но не с мужчиной низшей касты. Это все тот же иерархический принцип, о котором мы уже говорили; каждая высшая группа присваивает себе право брать женщин из низшей и не давать своих женщин взамен.

Третий: применяется, как и второй, также и во взаимоотношениях к нечистым, однако носит более строгий характер. Человек определенного кастового уровня может принимать пищу, сваренную на воде, только из рук себе равного или высшего по касте, но ни в коем случае не от низшего. Здесь мы подходим к основному принципу кастовой системы — стремлению избежать осквернения, которое передается прежде всего через пищу, сваренную на воде, поэтому различия в общественном положении выражаются главным образом отказом от совместной трапезы.

Общая структура кастового общества не так уж сложна, как может показаться на первый взгляд. Однако мы еще не рассмотрели все подразделения общества. Если мы мысленно представим схему этого общества, то получится, что последовательное членение привело нас к шести пустым клеткам, из которых две к тому же раздвоены: эти пустые клетки в принципе должны включать взаимоисключающие и занимающие разные ступени иерархии касты; каждая клетка соответствует определенному социальному уровню группы, который служит ориентиром для людей, находящихся на другом уровне иерархии. Может случиться так, что у некоторых народов Непала в одной клетке окажется только одна каста либо клетка вовсе останется пустой. От этого структура системы несколько не страдает, потому что заинтересованные участники принимают ее и хранят в своем сознании в целом и могут заполнить пустующее место иноземцами, пришельцами из других районов, подходящими по уровню и статусу. Так, в среде непалиязычного населения нет вайшьев, нет нечистых каст, нет неприкасаемых. На уровень вайшьев в Непале можно поместить крупных торговцев, марвари, пришедших с равнины, на место нечистых — мясников-неваров или мусульман, обосновавшихся в горных районах.

Касты, джати (или джат), а также подкасты, на ко-

которые они подразделяются, представляют собой в иерархии индуистского общества конечные нераздельные единицы: личное положение каждого человека определяется прежде всего его принадлежностью к одной из этих групп.

С точки зрения социологии каста представляет собой сочетание экзогамных кланов, связанных между собой тремя общими чертами:

1) Клан, из которых состоит каста, обладают одинаковым статусом. Одинаковость статуса определяется соблюдением одних и тех же правил общения: сваренную на воде пищу можно принимать только от членов своей собственной касты или высшей, но ни в коем случае от членов низших каст, даже если они принадлежат к одной и той же варне.

2) Эндогамия (иногда сочетающаяся с гипергамией). Браки происходят внутри своей касты между разными кланами (не внутри своего собственного клана). Гипергамные союзы с женщинами низшего положения настолько редки, что их можно не принимать во внимание. Дети от таких браков низводятся в низкую касту, если отцы — брахманы, а в прочих случаях иногда допускаются в отцовскую касту с рядом ограничений в правах. Каждая каста, за редчайшим исключением, воспроизводит сама себя; это идеологически очень важный фактор, ибо чистота касты означает прежде всего сохранение чистоты расы.

3) Общность социальных функций и наследственной профессии (по которым и определяется статус касты) для всех членов касты. У брахманов это жреческие обязанности и учительство, у неприкасаемых — самые низменные занятия, например уборка павших животных и человеческих экскрементов.

Эта третья черта не является столь неизменной, как две первые. В самом деле, если соблюдение ритуала и правил приема пищи абсолютно обязательно, то приемственность в наследственной профессии факультативна. Кожевник-сапожник, занимающийся земледелием, даже если его предки на протяжении нескольких поколений были земледельцами и никто из них не прикасался к коже, остается все же членом касты неприкасаемых кожевников-сапожников. Но, с другой стороны, ряд каст среднего уровня не имеет строго определенных профессий: их члены в общем разделяются на земледельцев или скотоводов, однако название касты происходит не

от этих профессий, да они (земледелие и скотоводство) и не являются монопольными занятиями ни одной из каст³⁶.

Так выглядит кастовая система в наше время: число общественных единиц увеличилось. Правила, определяющие их взаимоотношения, закреплены практикой и строго соблюдаются, для чего вполне достаточно общественного давления.

По традиции за соблюдением этих правил в Непале до 1963 года наблюдал сам король. Все они были зафиксированы в правовом кодексе, и нарушение их рассматривалось как уголовное преступление и каралось соответствующими судебными санкциями. В Индии, где индуистских монархий давно уже нет, созданы кастовые советы, панчаяты, которые уточняют правила и карают за их нарушение³⁷.

Прежде чем перейти к различным вариантам кастовой системы среди племен, рассмотрим некоторые черты, общие для всех каст. Это позволит нам уточнить прочие особенности кастовой системы.

РИТУАЛ

Поскольку мусульмане и буддисты представляют собой особый случай, мы вернемся к ним позднее, а сейчас поговорим о большинстве представителей каст. По религии они индуисты, соблюдающие чрезвычайно сложный ритуал, изложенный и предписанный более двух тысячелетий назад в санскритских текстах. Жрецами в случае необходимости выступают брахманы, то есть люди высшего статуса по отношению к тем, кому они служат — «приносящим жертву», джаджманам, или хозяевам дома. Брахманы приходят далеко не в каждый дом. В принципе они должны служить только дважды-рожденным, но фактически обслуживают все чистые касты, включая шудр. Членам других каст приходится обращаться в таких случаях к уважаемым родственникам, например к зятю или сыну сестры из своей касты.

Большинство обычных обрядов совершается в пределах семьи, приношение богам совершает, как правило, сам хозяин дома. Повседневная жизнь включает ряд обрядов, исполняемых по солнечным часам: добропорядочный индуист встает до рассвета, совершает омовение

и встречает восход молитвой. Очаг его дома служит ему алтарем, кухня — жертвенником; он не прикоснется к еде, пока не поднесет символическую часть ее богам и предкам.

Ритуалы главных вех жизни тщательно разработаны и зафиксированы в классических текстах, которые требуют не менее шестнадцати священнодействий; правда, в ходу их осталось только шесть.

Три относятся к детству. Спустя десять или тринадцать дней после рождения ребенка совершается церемония присвоения имени: до этого момента весь линидж новорожденного до седьмого колена считается нечистым. Но приходит брахман и очищает всех членов линиджа, конечно, прежде всего семью младенца, а затем дает ему имя. Через пять-шесть месяцев ребенок впервые получает твердую пищу, чему посвящена специальная церемония. И наконец, в возрасте 4—5 лет мальчику впервые подстригают волосы.

Другие три церемонии происходят по случаю инициации, свадьбы и похорон.

Первая знаменует вступление мальчика восьми-двенадцати лет в юношеский возраст. Она относится только к мальчикам (у девушек ее заменяет свадьба), и только к сыновьям из каст дваждырожденных (шудры и другие низкие касты не имеют на это права). Наставник-брахман сообщает мальчику первые ведические формулы и вручает ему священный шнур; после этого юноша вступает в первую фазу своего существования — становится учеником. По классическим правилам он должен на протяжении нескольких лет изучать Веда под руководством наставника-брахмана. На деле же в наше время эта церемония означает только, что отныне юноша пользуется всеми привилегиями своей касты и должен выполнять все обязанности. До этого мальчик пользовался большой свободой, но после церемонии посвящения юноша подчинен кастовым правилам.

Свадьба — самый важный обряд, в котором находят выражение кастовые законы и идеология индуизма. Разумеется, речь идет о первом бракосочетании, потому что вторые браки (после развода или вдовства) никакими торжествами не отмечаются. О свадьбе договариваются родители жениха и невесты, строго соблюдая кастовые законы. Отец жениха, выступающий в роли свата, должен выбрать достаточно состоятельную девушку из другого клана своей касты,

В назначенный по совету астролога-брахмана день в домах жениха и невесты начинаются шумные празднества: оба отца приглашают всех своих родственников, друзей и соседей; они призывают также членов каст, которые должны их обслуживать,— брахманов, портных, музыкантов, танцовщиц... Каждый воздвигает во дворе своего дома алтарь; брахман священнодействует перед ним утром, прославляя предков, богинь-матерей и планеты, приносящие счастье. Затем начинается сложное действо: жених с большой пышностью, в самых лучших своих нарядах отправляется к дому невесты верхом на коне или в паланкине; впереди него шествует оркестр музыкантов-неприкасаемых, а позади — длинная процессия родственников и гостей-мужчин, женщины же остаются праздновать дома: пируют, пляшут и поют озорные песенки.

Перед домом невесты жениха встречает его будущий тесть, оказывает ему почести и торжественно обещает ему свою дочь; затем всех гостей приглашают на пир. Почью или на рассвете начинается следующий этап свадебной церемонии. Сначала в доме невесты родители и члены ее семьи в знак уважения омывают ноги новобрачных и дарят им деньги и кухонную утварь — приданое. Отец невесты торжественно передает дочь, одетую в лучшие наряды тому, кто отныне становится его зятем. Ему же отец невесты вручает щедрые подарки — «дар невесты». Это главная часть свадебного ритуала, воплощающая всю индуистскую идеологию в отношении родства и касты: отец невесты, ничего не требуя взамен, отдает дочь и подарки зятю, который отныне возвышается над ним и становится для него семейным брахманом. Далее церемония продолжается во дворе вокруг алтаря: брахман возносит молитвы и совершает возлияния; «приносящим жертвы» сначала выступает отец невесты, затем сам молодой муж; по окончании этого ритуала он вступает во вторую стадию своего существования как хозяин дома, у которого отныне есть свой очаг с жертвенным огнем.

После нового застолья муж готовится в обратный путь вместе со всеми гостями. Молодая жена прощается с родителями: душераздирающая сцена со слезами и рыданиями, истинными или наигранными, но таков обычай. Молодая уже не принадлежит к клану своего отца, ибо входит в клан мужа. К его дому она отправляется в паланкине в сопровождении одной или двух подружек,

среди шумной процессии мужчин, под звуки фанфар. На пороге дома ее встречает свекровь с золовками и ведут в самые сокровенные помещения дома, где хранится зерно и стоит алтарь богов клана, которые отныне будут ее богами. Первая ночь у нового очага — это брачная ночь. Наутро молодую жену как бы посвящают в хозяйки дома: она в первый раз готовит пищу для всех родственников и в знак любви и покорности подбедает остатки угощения за своим мужем.

Следующие дни заняты разъездами молодоженов между двумя домами: муж преподносит своим тестю и теще, а также более дальним родичам жены всякие сладости и печенья в знак благодарности. На этом сценарий свадьбы заканчивается.

Однако, поскольку молодожены действительно еще очень молоды, их супружеская жизнь устанавливается постепенно. Молодая жена порой надолго возвращается к своим родителям и только через несколько лет окончательно переселяется к мужу. Проходит еще немало времени, прежде чем юная пара добьется самостоятельности. Классический идеал — это большая неделимая семья, в которой сыновья с женами и детьми остаются под кровом родителей, образуя с ними одну общественную, религиозную и экономическую ячейку, один семейный очаг. Глава ее — отец, а мать распоряжается невестками, судьба которых далеко не завидна, особенно в первые годы. Только по разрешению отца, добиться которого не так-то просто, или после его смерти супруги, зачастую уже далеко не молодые, могут отделиться и завести свой собственный очаг.

Классические ритуалы относятся только к первому браку и только когда от него есть потомство. Иначе перед супругами открывается несколько возможностей. Они могут развестись после длительной и долгой процедуры. При этом виноватой всегда оказывается жена, даже если инициатива, как чаще всего бывает, исходит от мужа. Сначала — фактический развод: супруга возвращается к своим родителям. Когда женщина находит себе второго мужа, он должен предварительно (до того, как стал ее супругом юридически) выплатить первому денежную компенсацию и заключить с ним письменное соглашение, которое и является официальным актом развода. Для женщины развод — это потеря престижа и даже снижение ее общественного статуса, если она брахманка. Классическая идеология предписывает жен-

Щинам соблюдать священный идеал нерасторжимого брака. Вплоть до начала XIX века в Индии, а в Непале даже до начала XX века образцовая супруга оставалась верной своему мужу всю жизнь. Существовал обычай, называвшийся «сати»: если умирал муж, жена бросалась живой — или ее бросали — в погребальный костер, и тогда она считалась верной женой³⁸.

К этому идеалу стремятся только высокие касты (брахманы и высшая аристократия кшатриев) и очень редко другие. Средние и низкие касты всегда допускали повторное вступление в брак с вдовами и разведенными без потери ими общественного положения.

Мужчины же никогда не обрекались на безупречную верность: они могли последовательно или одновременно иметь несколько жен, без всяких ограничений. Полигамия была узаконена в Индии в первой половине нашего века, а в Непале — до 1963 года. На практике она существует до сих пор. Ее традиционно признают все народы Непала, включая племена, которые в вопросах разводов и полигамии часто следуют примеру индуистов.

Стадия существования человека как хозяина дома заканчивается его похоронами. Лишь в отдельных, исключительных случаях он может вступить в третью и четвертую стадии «отказавшегося от мира», о чем поговорим ниже.

Брачная церемония показала нам характер родственных связей между кланами. Похороны говорят о солидарности линиджа, где все коллективно ответственны за своих покойников.

При последнем издыхании душа покидает тело и бродит вокруг дома в виде духа, прета. Первые похороны имеют целью поскорее избавиться от трупа в первые же часы после смерти. Тела подростков и тех, кто прошел обряд посвящения или успел вступить в брак, процессия мужчин той же касты относит на берег реки для кремации — самый распространенный и общепринятый способ. Тела маленьких детей и тех, кто умер от оспы, погребают в лежащем положении без всяких церемоний. «Отказавшихся от мира» и прокаженных хоронят в сидячем положении, в позе медитации (сосредоточенного размышления). Сразу после смерти члена линиджа все остальные до седьмого колена погружаются в траур; они считаются нечистыми на протяжении десяти-тринадцати дней и не имеют права бриться, употреблять соль, мясо и т. д. Они нечисты и неприкасаемы для всех

остальных членов касты и не могут участвовать ни в каких религиозных церемониях, кроме связанных с этими похоронами.

Эти запреты соблюдаются особенно строго «главным скорбящим», обычно старшим сыном покойного. Он зажигает погребальный костер, после чего проводит десять-тринадцать дней траура в одиночестве, одетый во все белое, скрупулезно выполняя под руководством жреца-брахмана все обряды, чтобы душа покойного обрела астральное тело. Он кормит ее, как и души предков шести предшествующих поколений, катышками риса и подносит питье всем, даже самым отдаленным предкам, умоляя душу покойного отправиться в долгое путешествие в страну предков, расположенную на юге, в мифических царствах вселенной.

На десятый или тринадцатый день вторые похороны знаменуют прощание с душой покойного: ее кормят в последний раз, и потом она уходит. Присутствие брахмана при этом необходимо: он ритуально очищает семью покойного и всех членов линиджа. Отныне они уже не обязаны носить траур, за исключением «главного скорбящего», который будет пребывать в трауре целый год, вдовы покойного, которой придется носить траур до самой смерти или до того, как она вновь выйдет замуж. Брахман освящает еще одну поминальную трапезу, предназначенную для того, чтобы душа покойного окончательно обрела астральное тело и отправилась в страну предков. При этом он играет роль души умершего: принимает от его имени угощение на поминках, завершающих церемонию. В течение года брахманы делают подношения, которые должны пойти на пользу покойнику. Погребальные дары, между прочим, составляют значительную часть дохода брахманов — это пища, деньги, личные вещи умершего и коровы. А как же иначе? Душа покойного, облеченная в астральное тело и отныне называемая «питар» (предок), должна пройти за год, пока доберется до царства мертвых, длинный путь со всяческими преградами; коровы, подаренные брахману, помогут ей их преодолеть. В течение года после похорон «главный скорбящий» должен повторять ежемесячно ту же церемонию, которая называется «шраддха». Только по истечении года с него будут сняты все запреты и ограничения; к тому времени усопший (год назад) наконец-то воссоединится с другими предками, и его можно будет угощать, как и остальные души, всего раз в год.

Классическая теория предусматривает третью и четвертую стадии человеческого существования для немногих избранных, которые имеют на это средства и прожили достаточно долго, чтобы посвятить остаток дней духовному совершенствованию.

Человек, устроивший свой очаг и вырастивший детей, выплатил долг богам и предкам: он продолжил свой род и обеспечил сохранение законов и обычаев. После этого он может подумать о спасении своей собственной души, отказавшись от семьи и касты, которым он больше ничего не должен, и он вступает на путь отказа от мира сего. В этой третьей стадии своего существования, в наши дни чисто теоретической, он становится отшельником в лесу.

Четвертая стадия, практически осуществляемая и в наши дни, означает окончательный разрыв с миром: мужчина (а иногда и женщина) теперь саньсяси, то есть отказавшийся от всего мирского. При этом совершается церемония собственных похорон, после чего он считается мертвым для сего мира и становится учеником наставника, который после долгих лет обучения посвящает его в члены секты.

Облаченный в оранжевую тогу, саньсяси живет в общине или отшельником, питается милостыней и все время проводит в благочестивых размышлениях и молитвах. Цель его — достичь полного освобождения — состояния мокша. Это требует некоторых пояснений. Согласно верованиям более чем трехтысячелетней давности, на которых основаны погребальные ритуалы, человек имеет лишь одно существование, завершающееся в стране предков. Не менее двух тысяч лет назад индуизм добавил к этому веру в перевоплощение, присущую также буддизму. Человек, остановившийся на стадии хозяина дома, после пребывания в стране мертвых возвращается на нашу землю в новом обличье: в зависимости от своих заслуг он либо сохраняет человеческий облик, либо низводится на уровень животного или демона, либо же, наоборот, возводится до положения титана или божества (ибо все божества помимо высшей троицы богов — Брахмы, Вишну и Шивы — тоже смертны).

Однако «отказавшийся от мира» стремится вовсе не к одному из этих перевоплощений, даже в божество, а к полному освобождению от бесконечного цикла пере-

воплощений, чтобы раствориться в абсолюте, который в принципе является всем. Идеал отречения в общем одинаков в буддизме и индуизме, однако индуисты считают, что человек может стать саньсяси на последнем этапе существования, после того как был хозяином семейного очага, а буддисты полагают, что этот образ жизни должен начинаться с детства.

В современном Непале эти различия почти стерлись. Многие монахи буддисты женятся и становятся хозяевами домов, как у бхотиев, и даже образуют свои касты, как у неваров.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ РИТУАЛЫ

В отличие от буддизма или ислама, у индуистов коллективные ритуалы сведены до минимума: храмы, построенные и содержащиеся на средства отдельных лиц или государства, за редким исключением, не стали местами коллективного культа. Каждый приходит туда сам по себе и молится своим собственным богам. Эти храмы многочисленны и бросаются в глаза в больших городах и столицах, но в селениях и деревнях их почти нет. И в паломничество к святым местам и к прославленным святилищам, которые в дни календарных праздников привлекают толпы верующих, люди отправляются тоже поодиночке.

Коллективный ритуал совершается на двух уровнях: на уровне линиджа, самой малой социальной единицы после касты, и клана, либо на уровне территориальной группы, которая объединяет членов нескольких каст; каста, как таковая, не имеет своих собственных ритуальных церемоний.

Линидж собирается раз в год, чтобы почтить коллективно в специально устроенном святилище богов клана, а затем съесть на пиру мясо животных, принесенных в жертву этим божествам.

Члены территориальных объединений тоже имеют свои коллективные церемонии. Главная из них, десятидневный праздник дасаин, происходит раз в год в сентябре — октябре. На уровне дистрикта или более мелкой административной единицы, под руководством наследственного организатора церемоний в этой местности, махамукхия, совершается поклонение трем великим богиням, супругам богов великой троицы индуизма: Махакали,

Махалакшми и Махасарасвати. Все восхваляют богинь и просят их ниспослать благоденствия королевству, успехов его правителю и победы его войскам. Этот праздник имеет общенепальский характер и соединяется с праздником Нового года. После периода относительной бездеятельности во время муссона, когда кончаются сельскохозяйственные работы, наступает время приведения в порядок всех дел. Каждая семья заново красит свой дом и возобновляет связи с отдаленными родственниками; территориальная община вновь подтверждает свое подданство королю и посылает по этому случаю подарки во дворец. А в столице — шумный новогодний праздник!

Военные и чиновники должны присутствовать на торжественных жертвоприношениях, совершаемых на восьмой день в помещении королевского гарнизона. На десятый день все являются на открытую праздничную аудиенцию к королю; прежде в этот день объявлялось о ежегодном «великом перемещении», когда различные должностные лица получали повышение, назначения или смещались со своих постов.

Другие коллективные ритуалы не имеют такой политической окраски. Они организуются для молений о защите территорий и всех ее обитателей от болезней и даровании плодородия. Таким образом, бог полей и богини разных болезней регулярно получают жертвоприношения несколько раз в год, не считая чрезвычайных церемоний по случаю эпидемий.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ РИТУАЛ

Обряды в честь богов плодородия подводят нас к чрезвычайному ритуалу. Если богини вполне соответствуют классической индуистской традиции, то бог земли является в ней исключением: хотя все индуисты его почитают, он перешел к ним, видимо, от автохтонных племен Индии; во всяком случае, племена до сих пор ему поклоняются. Чрезвычайный ритуал зачастую уводит нас от книжной традиции. Разумеется, у брахманов, выступающих в качестве жрецов и астрологов, есть целый арсенал магических формул и обрядов для борьбы с бедствиями, однако люди каст в особо серьезных случаях без колебаний прибегают к местным средствам и одновременно с брахманами приглашают племенных шаманов.

И наконец, у них сохранились свои собственные верования, уходящие корнями в древнюю религию, не имеющую наименования, происхождение которой теряется во тьме веков. Представители этой религии — медиумы, способные впасть в транс, когда они одержимы богами или душами покойников, умерших не своей смертью либо непогребенных. Приемы этих медиумов отличаются от приемов шаманов. Шаман отделяется от своей души, которая уходит на поиски пропавших душ, медиум же служит только вместилищем: в него «вселяются» божества и вещают его устами, определяя причины бед и болезней и указывая средства исцеления, избавления. Ниже мы познакомимся подробнее с этими верованиями и обрядами отдельных племен.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ КАСТ

Современные европейцы воспринимают социальную иерархию только с точки зрения экономической мощи. У непальцев и индийцев главную роль играют общественный статус и религия. Это вовсе не значит, что им чужды экономические интересы — просто они подходят к ним не прямо, а более окольным путем.

Теоретически идеология кастового общества не связана с экономическими соображениями, выдвигая на первое место критерий чистоты. Наследование профессии, которое может, кстати, и не соблюдаться, рассматривается не с экономических позиций, а с точки зрения ее религиозных функций: брахман — самый чистый, неприкасаемый — самый нечистый. Эта идеология рассматривает иерархию только в религиозном аспекте: она стыдливо маскирует неоспоримые экономические выводы, которыми на практике не пренебрегает ни один хозяин дома, будь он благочестивее всех брахманов!

В общественной иерархии существует, конечно, взаимосвязь между статусом касты, с одной стороны, и богатством ее членов и их местом в экономической структуре — с другой. Но зависимость эта не прямая — по двум причинам.

Во-первых, касты — это не социальные классы в нашем понимании, а группы с наследственным статусом. Если члены касты соблюдают все религиозные предписания, они сохраняют свой статус независимо от капризов фортуны: обедневший брахман остается брахманом,

которого все почитают; разбогатевший неприкасаемый — такое тоже бывает — все равно остается неприкасаемым. В первом приближении (к подробностям мы перейдем позднее) дело обстоит следующим образом: чем выше каста по иерархии, тем богаче ее члены, но только в теории, потому что некоторые из них сохраняют свои богатства, а значительная часть теряет их и впадает в бедность. Тем не менее у всех членов касты одинаковый статус, они едят вместе и могут заключать между собой браки.

Во-вторых, экономическая иерархия и иерархия статусов во многом не совпадают. Для того чтобы это понять, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть экономическую структуру кастовых обществ.

В основном эти общества аграрные. До последних десятилетий в Непале почти не было промышленных предприятий, ремеслами занималась лишь незначительная часть населения; крупная торговля, наследственная профессия вайшьев, хотя ею занимались и представители высоких каст, до сих пор имеет значение главным образом в городах, подавляющее же большинство населения занимается сельским хозяйством. По данным переписи 1961 года, более 94 процентов семейств зарегистрировались крестьянами. Богатство в Непале зависит от земли, распределенной между кастами очень неравномерно.

Как мы уже знаем, король считается владыкой всей территории королевства, и когда-то он сам раздавал земли кастам в соответствии с их статусом³⁹. Положение несколько изменилось, когда в конце XIX века стала постепенно развиваться торговля землей, однако результаты первоначального распределения чувствуются до сих пор.

С этой точки зрения можно разделить касты на две группы: к первой относятся те, кто с самого начала получил достаточное количество земли, чтобы жить безбедно, — их мы будем для краткости называть землевладельцами; ко второй — получившие мало земли или вовсе не получившие.

КАСТЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Первая наиболее многочисленная категория объединяет всех дваждырожденных, большинство шудр, а так-

же некоторых нечистых, в частности мусульман. Дело в том, что земледелие с кастово-религиозной точки зрения — профессия практически нейтральная, за исключением вспашки земли, которая представляет собой насилие над природой, а потому запрещена брахманам, что не мешает им быть крупными землевладельцами: они просто нанимают батраков из других каст. Кроме того, ни для одной из каст земледелие не является наследственной профессией, и заниматься им могут все. В Непале король с его так называемыми землями короны был самым крупным землевладельцем в государстве. За ним следовали другие знатные семейства, игравшие значительную роль в политике в течение последних двух столетий (семьи бывших князей, оказавшихся на положении вассалов), а также знать из других высоких каст, таких, как чхетри, из которой вышло большинство крупных политических деятелей, в частности премьер-министры из семейства Рана. К ним же примыкало несколько семейств брахманов, занимавших министерские должности. Все эти сановники получили богатейшие земли на условиях бирта (пожалования) и передали их своим наследникам. Таким образом, основная доля богатств принадлежит кастам из варны кшатриев, занимающих второе место в традиционной кастовой иерархии, но обладающих реальной властью.

Это теоретическое представление на практике требует значительных уточнений. Брахманы, например, не имеют права непосредственно приобретать землю, однако за действия в качестве священнослужителей получают ее часто в дар; ведь любое приношение, а особенно земельное, в пользу брахманов засчитывается как заслуга дарителя. Так брахманы за много столетий сосредоточили в своих руках обширные земельные владения нередко привилегированных держаний на правах бирта. С другой стороны, будучи жрецами, а следовательно, людьми образованными, они зарабатывают больше, чем другие касты, и умело вкладывают деньги в свои аграрные хозяйства. Кроме того, они косвенным путем получают часть доходов от приношений в храмы, в которых служат и которыми иногда сами управляют.

Другой категорией людей, широко пользующихся по религиозным мотивам щедрыми земельными пожалованиями, являются «отрешенные от мира». В принципе они отказываются от всех мирских благ, но на практике большие секты имеют крупные земельные владения на

правах гутхи⁴⁰ (подаренные монастырям, где живут эти «аскеты», или храмам, где они служат) или бирта.

В общем, с точки зрения экономики оказывается, что центр притяжения крупной земельной собственности располагается на уровне кшатрийских каст главным образом придворной аристократии, но немалое число земель сосредоточено в руках брахманов и «отрешенных от мира». Другие касты находятся в менее благоприятном положении, и, чем ниже они стоят на ступенях иерархии, тем меньше у них возможностей. Все-таки они получили когда-то от королевских щедрот небольшие участки, на которых можно было прокормиться.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАСТЫ

Вторая, менее многочисленная категория объединяет касты, получившие первоначально скудные земельные наделы или вовсе обойденные милостями короля. Они по традиции существуют за счет своих не связанных с земледелием профессий, поэтому будем их называть специалистами.

Рассмотрим отдельно случай брахмана, одного из главных персонажей всего кастового общества. С одной стороны, он специалист: его традиционный доход состоит из гонораров и приношений, которые он получает как наставник и священнослужитель. Однако он зарабатывает гораздо больше других специалистов, ибо, в отличие от них, стоит по иерархии выше тех, кого обслуживает. Обычно у него большие земельные владения; в этом смысле он специалист особого рода. Но в настоящее время жить на жреческие доходы не считается престижным, поэтому брахманы предпочитают не заниматься своим ремеслом. Заполняя этот вакуум, образовалась не очень многочисленная прослойка обедневших, но достаточно образованных брахманов, которые служат жрецами другим членам своей касты и представителям других чистых каст. Только их и можно считать настоящими специалистами, правда особого, привилегированного типа.

Все другие специалисты почти никак не связаны с землей. Это ремесленники низших прослоек; они принадлежат к разряду шудр (чистые касты), нечистых и неприкасаемых. В городах они оттеснены в самые бедные кварталы. В деревнях землевладельцы отводят им кро-

хотные участки, где можно построить хижины и выращивать кое-какие неорошаемые культуры. Рисовых чеков у них, как правило, не бывает. Они оказывают все услуги, в которых нуждаются члены других каст, в домашнем хозяйстве или на сельскохозяйственных работах, исполняют то, что другие сами не могут делать либо не должны, исходя из религиозных соображений.

Пищу непальцы готовят обычно у себя дома, однако на равнине уже появились касты жарильщиков зерна, кондитеров-пирожников и маслоделов. До появления текстильной промышленности изготовление одежды требовало участия многих специализированных каст, которые существуют и сегодня,— это чесальщики хлопка, ткачи и прочие, не говоря уже о портных, у которых всегда хватало работы. Обувь по традиции изготавливают кожевники-сапожники. Потребность в уборах и украшениях породила многочисленных специалистов. Ювелиры поставляют украшения из металла: золота, серебра, латуни и различных сплавов. Есть касты изготовителей стеклянных браслетов, лаковых браслетов, браслетов из ракушек, хлопчатобумажных шнурков, которые женщины вплетают в волосы, и т. п. Посуду и кухонную утварь поставляют почти столько же специализированных каст, сколько существует разных материалов: токари по дереву вытачивают деревянные горшки и чаши, гончары делают посуду из глины, медники — медную кованую посуду, литейщики — сосуды из латуни и бронзы, кузнецы — железные изделия: котлы, поварешки, шумовки и т. д. Кроме того, на равнине и в некоторых горных районах на западе есть еще касты корзинщиков.

Строительство домов и изготовление сельскохозяйственных орудий требует своих специалистов. Плотники-столяры ставят остов дома, делают оконные рамы, двери и прочее; они же производят сохи, бороны, грабли и т. п. Кузнецы, о которых уже говорилось, куют лемехи для сох; кожевники-сапожники, о которых тоже шла речь, изготавливают сбрую. Перечисленные специалисты выполняют чисто технические функции, почти не имеющие отношения к религиозным правилам (за исключением считающихся нечистыми маслобоев и кожевников-сапожников). Это просто ремесленники, люди, необходимые в жизни крестьянского населения.

Однако ими не исчерпывается все разнообразие профессиональных каст, которые появились в Непале с приходом на его территорию индуизма. Следует доба-

вить еще две подгруппы, более важные с религиозной точки зрения: во-первых, касты, чья роль — повышать престиж тех, кого они обслуживают, и развлекать их, а во-вторых, касты, объединяющие специалистов по уходу за телом.

Среди первых благородной считается только одна — каста генеалогов-панегиристов, тех, кто составляет клиентам хвалебные родословные. Это образованные люди с претензиями на звание брахманов, но в действительности имеющие гораздо более низкий ранг среди дваждырожденных. Они ведут родословные людей высоких каст и прославляют подвиги их предков во время церемоний, которыми отмечаются главные вехи жизни. Остальные относятся к неприкасаемым — это профессиональные музыканты. Степень их отверженности неодинакова. Наиболее респектабельные регулярно обслуживают хозяев домов или храмы. Они исполняют на своих инструментах благозвучную музыку, уместную при совершении обрядов и ритуальных церемоний, особенно на свадьбах и священных празднествах. Некоторые являются одновременно певцами с обширным репертуаром легенд и песен о местных героях и богах. Ниже стоят бродячие менестрели, собирающие подаяние, и шуты. И наконец, на самом низу находятся те, кто заставляет петь и плясать своих женщин.

Вторая категория объединяет специалистов, которые занимаются уходом за человеческим телом, уборщиков, а также участников похоронных церемоний. Эти профессии четко отмежеваны с религиозной точки зрения, на людей этих каст высокие касты перекладывают свою долю нечистоты. В этом смысле они являются типичным продуктом индийской цивилизации. Вот эти касты в нисходящем порядке.

Цирюльники, стоящие на грани с чистыми кастами, гораздо значительнее, чем простые парикмахеры, хотя так же бреют своих патронов один-два раза в неделю и периодически подстригают им волосы. Деятельность их может иметь и ритуальное значение: выбривают волосы на голове всех мужчин из семейства погруженного в траур, а через тринадцать дней приходят опять, чтобы сбрить бороды и усы, что означает окончание траура. В касте цирюльников не только мужчины, но и женщины имеют свои специфические обязанности. Например, перед свадьбой цирюльник занимается туалетом жениха, а его жена прихорашивает невесту, делает ей маникюр;

она же спустя несколько дней после родов причесывает роженицу и также делает ей маникюр. Таким образом, эта пара участвует во всех церемониях избавления их патронов от нечистоты. Цирюльники тесно связаны с семьями своих патронов, а потому часто служат посредниками, даже доверенными лицами в случаях трудных переговоров, например при сватовстве.

Прачки — всегда мужчины — регулярно стирают белье своих хозяев и хозяек, даже самое грязное, после родов или менструаций, и это их постоянно оскверняет. Однако статус у них двусмысленный: они из нечистых, однако не считаются-неприкасаемыми и могут входить в дома своих хозяев из чистых каст; неприкасаемые же, которых прачки не обслуживают, презируют их и не принимают из их рук ни воду, ни пищу.

Мясники — тоже каста нечистая, но не из неприкасаемых — берут на себя грех насилия, связанный с убоем животных, которые не приносятся в жертву.

Последние две касты, из этого подразряда относятся к неприкасаемым. Это уже упомянутые кожевники-сапожники, необходимые не только для изготовления обуви и упряжи. Самое главное для их хозяев то, что они берут на себя нечистоту, связанную с обработкой трупов животных. Кварталы их погружены в постоянно зловоние от чанов, в которых вымачиваются и выделываются кожи; кроме этого они же обязаны очищать городские улицы и деревенские тропинки от всякой падали, включая падших быков, к которым никто иной не смеет прикоснуться, а члены этих каст даже едят их мясо.

И наконец, самые нечистые из неприкасаемых — это те, кого скромно называют «подметальщиками». Разумеется, они подметают улицы, и никто не оспаривает у них этого низменного занятия, однако — и в этом главная причина отвращения к ним — они не столько подметальщики, сколько золотари. В этой стране, где нет ни канализации, ни сточных канав, они каждое утро приходят в богатые дома вычерпывать выгребные ямы⁴¹.

Казалось бы, мы дошли до самого конца, до самого низа. Однако непальская поговорка гласит: «У каждого неприкасаемого есть свой неприкасаемый». И в самом деле, подметальщики в Катманду нашли стоящих еще ниже себя — тех, кто принимает их объедки: это сироты низких каст, выброшенные на улицы, которые в конце концов образовали свою еще более низкую касту — халахулу⁴².

Разряд специалистов, как видим, объединяет не только ремесленников, обеспечивающих крестьян всякими изделиями — одеждой, украшениями, домашней и кухонной утварью и разными орудиями и услугами, необходимыми в ходе сельскохозяйственных работ. Она включает также две, казалось бы, излишние группы. Первая религиозного характера, излишня только с нашей точки зрения: без брахманов и без неприкасаемых индуист не мог бы быть самим собой! Без них ему был бы закрыт путь к священному совершенству. Вторая группа обеспечивает престиж: без составителей хвалебных родословных и музыкантов хозяин не мог бы придать церемониям в своем доме надлежащую пышность, привлекающую благосклонное внимание богов: гостям было бы скучно и он потерял бы свою репутацию и авторитет, потому что оркестр музыкантов у непальцев все равно что колокольный перезвон на европейских крестинах или свадьбах.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАСТАМИ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ КАСТАМИ

Касты землевладельцев монопольно обладают основным массивом возделываемых земель, а следовательно, тем, что они производят. Часть урожая приходится распределять среди профессиональных каст в уплату за их услуги. Распределение это, как и следовало ожидать, далеко не справедливо: ремесленники получают лишь скромную долю. Это один из элементов индийской цивилизации, хорошо усвоенной в Непале.

Отношения между землевладельцами и ремесленниками определяются рядом твердых гарантий в пользу последних⁴³. Разумеется, ремесленникам, товары которых требуются лишь время от времени, — гончарам, токарям по дереву, ювелирам и прочим — платят сразу наличными за каждую вещь. Однако другие, чьи услуги периодически требуются для сезонных сельскохозяйственных работ, заключают с землевладельцами, которые становятся их «хозяевами», личные соглашения, как минимум годовые контракты, а чаще устанавливают пожизненные, передающиеся по наследству связи.

Эти отношения предусматривают взаимные обязательства. Специалист обязан немедленно откликнуться

на просьбу своего хозяина о помощи, а если он занят, прислать заместителя. Хозяин, со своей стороны, обязуется обращаться только к «своим» специалистам, минуя остальных; он им оплачивает (зачастую натурой) важные работы и новые изделия, а кроме того, по условиям контракта гарантирует им твердую годовую оплату в виде доли с урожая каждой культуры за всякие починки и мелкие услуги, причем эта доля не зависит от выполненных за год работ, даже если в данном году специалисту практически нечего было делать. Кроме того, он «кормит» своих специалистов, когда они у него работают, и отдает им «долю» угощения после всех больших календарных и семейных праздников.

Таким образом, каждый хозяин дома из земледельческих каст имеет «своих» безземельных специалистов, которым выделяет часть урожая. А каждый специалист связан с несколькими хозяевами, которые обеспечивают ему регулярный годовой доход, а помимо этого лично обязаны помогать ему в случае голода или иных бедствий.

Этот сложный комплекс взаимоотношений определяется в этнографической литературе термином «джаджмани», происходящим от слова «джаджман», что значит «приносящий жертвы посредством брахмана». Этим термином стали обозначать всякую службу, не только религиозную. В Непале этот общий термин в ходу только на равнине; в горных районах аналогичного выражения нет⁴⁴.

Исходя из нашего краткого обзора и даже из нескольких идеализированных обобщений специальной литературы, можно подумать, что речь идет о комплексе исключительно гармоничных и справедливых отношений. Увы, в действительности это далеко не так!

Не говоря уже о разнице в статусе, которая постоянно оказывает давление на нижестоящих, хозяин всегда эксплуатирует своих специалистов самыми разнообразными способами. Он заставляет их работать на своих землях в горячее время, и они часто оказываются у него в неоплатных долгах. Кроме того, далеко не всем специалистам удастся завязать с хозяевами личные отношения. Некоторые касты редко требуемых ремесленников или музыкантов таких связей не имеют. И далеко не всем членам даже из каст, традиционно закрепивших такие связи, находится применение. Прирост населения опережает рост потребности в рабочей силе. С каждым

поколением все больше членов ремесленных каст оказываются за пределами традиционных связей с хозяевами и умножают ряды низкооплачиваемых поденщиков.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГРУППАМИ

До сих пор речь шла об идеологии и практике, общих для всех каст. Это, так сказать, идеал, но в действительности он преобразуется и обнаруживается в различных вариантах с разными отклонениями, смотря по тому, какая этническая группа его приняла. В Непале представители, составляющие большинство населения, делятся на три группы или даже на четыре, если считать отдельно мусульман. У каждой группы свои традиционные районы обитания: это индуисты тераев, мусульмане, невары долины Катманду и парбатии.

Индуисты тераев

Их около двух миллионов. Они образуют самую многочисленную и экономически господствующую группу населения в тераях, где рядом с ними живут равнинные племена и горцы, постепенно переселяющиеся в тераи. Несмотря на различия, обнаруживаемые на всей территории тераев, мы будем рассматривать их обитателей как единую этническую группу⁴⁵, ибо общие характерные черты резко отличают их от неваров и парбатиюв, для которых все они — деши, люди из Индии, или мадеши, люди с равнин. Они и в самом деле пришли из соседних индийских штатов Уттар-Прадеш и Бихар, продвигаясь все дальше по мере освоения новых земель. Эта миграция началась не менее тысячелетия назад и продолжается до наших дней. Все они говорят на тех же языках, что и их собратья по ту сторону границы: более половины на востоке говорит на майтхили, около четверти, в центре, — на бходжпури, и еще одна четверть, на востоке, — на авадхи; общий для всех язык — хинди, однако правительство старается внедрять среди них официальный государственный язык непали.

Многие по-прежнему ищут себе жен на индийской территории, откуда они родом, и стараются отдать туда замуж дочерей. В одежде сохраняются индийские черты.

Деревни неотличимы от индийских по ту сторону границы: это такие же компактные селения с отдельными кварталами для каждой касты, причем мусульмане живут обособленно от индусов.

Глинобитные дома под соломенными крышами просторны, все помещения открыты во внутренний двор с единственным выходом наружу. В крупных поселениях, так называемых базарах, кажется, что ты попал в типичный индийский город равнины: та же самая пестрая толпа, те же разноцветные лавчонки, такая же суতোлка пешеходов, бычьих упряжек и автомашин.

Индуисты тераев — и в этом одна из сложнейших политических и экономических проблем страны — чувствуют себя гораздо больше индийцами, чем непальцами.

Между восточными и западными тераями существует масса различных и переходных вариантов, о которых мы не будем говорить: это займет слишком много места, и к тому же нам не хватает данных. Этнографы интересовались главным образом горными племенами или в лучшем случае племенами равнины, а не ее основным населением — людьми каст. То немногое, что мы о них знаем, установлено не столько путем прямых наблюдений, сколько экстраполяцией сведений о жизни тех же народностей на индийской территории, порою вдалеке от непальских границ. Поэтому ограничимся изложением основных общих черт.

Кастовая дифференциация здесь настолько развита, что почти соответствует идеальному классическому типу, о котором говорилось выше. Один исследователь насчитал в тераях 59 различных каст; правда, не все они представлены повсюду, а в некоторых районах те же касты имеют разную специализацию. Иногда их бывает до 20 в одной большой деревне или в группе деревень. По всем тераям известно не менее 30 каст.

Дваждырожденные землевладельцы

Масса дваждырожденных принадлежит к двум группам. Брахманы разделяются по статусу на три уровня, внутри которых различают иногда по несколько каст. На высшем уровне стоят те, кто сохранил во всей чистоте образ жизни своего класса и могут выступать в роли священнослужителей. Они делятся на несколько каст по лингвистическим различиям, в зависимости от места

жительства (брахманов из Митхилы особо почитают как наиболее ученых) или по происхождению. Например, различают гауров из Бенгалии, каньякубджа и сарасватов из Уттар-Прадеша. Ниже стоит каста брахманов-патра, низведенная на второе место, потому что члены ее всегда участвуют в похоронах и принимают погребальные дары. На последнем уровне довольно многочисленная каста, которую связывает с брахманами только происхождение,— это потомки брахманов, которые в прошлом отказались от всех жреческих обязанностей, чтобы обрабатывать землю своими руками. Как правило, это крупные землевладельцы — бхуихары (хозяева земли).

Во вторую группу входят три касты. Первая — это раджпуты, единственные, имеющие право на звание кшатриев. Они утверждают — справедливо или нет, этого мы наверняка никогда не узнаем, — что происходят из великих княжеских родов Раджастхана в Западной Индии, которые постепенно расселились по всей Центральной и Северной Индии. Гордые своим происхождением, весьма щепетильные в вопросах чести, задиры, они всячески стараются поддержать свой престиж членов воинственной касты и служат образцом низшим по иерархии, а также племенам, которые хотят приблизиться к людям каст. Жены раджпутов, выходя из дома, закрывают лица вуалью; этот обычай мусульманского происхождения был перенят в Северной Индии высокими кастами для престижа. Если раджпуты способны поддерживать королевскую пышность — значит, у них есть средства; и действительно, они самые крупные землевладельцы в тераях.

Вторая каста — каястха — тоже причисляется к кшатриям, но она более скромного происхождения. Это писцы, которые всегда были необходимы правителям, сначала индуистским раджам, затем мусульманским султанам и императорам и, наконец, англичанам, в частности для того, чтобы вести налоговые списки. Некоторые из них до сих пор занимаются своей наследственной профессией. В течение столетий эта каста всегда была особо приближена к великим мира сего, пользовалась привилегиями и значительно обогатилась. Многие стали крупными помещиками и торговцами.

И наконец, сюда относится третья каста — бхаты, генеалоги и панегиристы, хотя они и претендуют на близость к брахманам. Многие из них стали земледельцами,

но тем не менее продолжают вести родословные дваждырожденных. Особую активность бхаты развивают при сватовстве, выступая в роли посланцев между двумя семьями, желающими породниться. Они придают особую торжественность церемониям, распевая гимны благоденствия и восхваляя подвиги героев из линиджэй жениха и невесты.

Вайшья представлены только одной кастой — банья (которых называют также по-местному нунийяр) — это оптовые и розничные торговцы; они удобно расположились в пограничных городах и захватили в свои руки значительную часть торговли между Индией и Непалом. Кроме того, они получают приличные доходы как ростовщики, ссужая крестьянам деньги под будущий урожай. Дваждырожденные образуют в общем всего семь каст. По всей видимости, они наиболее многочисленны, однако у нас нет точных статистических данных. Несомненно, они богаче всех: им принадлежит большая часть лучших земель, а остальные находятся в руках членов чистых каст, связанных с сельским хозяйством, о которых речь пойдет ниже. То же относится к крупной коммерции, требующей значительных капиталов и кредитов.

Профессиональные касты тераев

Все остальные касты принадлежат к варне шудр. Между ними распределены специализированные профессии, которые здесь гораздо более дифференцированы, чем у парбатиёв или даже у неваров. Ниже мы перечислим их в нисходящем по иерархии порядке, группируя по профессиональным признакам.

Тринадцать из этих каст относятся к чистым. Первые среди них — четыре касты, связанные с сельским хозяйством. Курми обрабатывают земли представителей высоких каст, особенно в центральных и западных тераях. Многие из них приобрели собственные земли и ведут свое хозяйство. Ахир, или гвала, — каста скотоводов, очевидно бывшее племя, принявшее статус касты. Они пасут огромные стада быков и буйволов, чужих или собственных, и славятся своими песнями; сидя на буйволах, они распевают длинные баллады, чаще всего о любви. Каста мали, цветочников, поставяет цветы для жертвоприношений в храмы и в дома для церемоний главных вех жизни.

Каста коири — огородники. Они разносят овощи по домам и продают их на рынках. Еще в первые десятилетия нашего века они получали немалые доходы от выращивания опийного мака.

Три касты специализируются на приготовлении пищи. Бхарбхунджа, жарильщики зерна, исполняют в своей лавочке или в частных домах роль наших булочников: в своей печи из обожженной глины такой специалист поджаривает зерна риса, кукурузы и других злаков, пока они не лопнут. Эти лопнувшие зерна составляют основу готовящихся кушаний, когда сварить рис просто некогда. Бхарбхунджа выполняет заказы своих клиентов, а также продает товар с лотка. Халваи, пирожник-кондитер, печет всякие сладости и продает их заказчикам или в своей лавочке. Бараи готовят бетель: на листке бетеля они укладывают смесь из извести и орехов арековой пальмы, приобретающую красноватый цвет в процессе жевания; добавляют различные пряности и приправы, заворачивают листок, и жвачка готова. Она имеет острый вкус и очень нравится индийцам и непальцам. Пристрастившись к бетелю, они уже не могут обходиться без него и жуют его после еды в течение всего дня.

Пять каст занимаются ремеслами и перевозкой. Дарзи, портные, шьют день-деньской в своих маленьких мастерских, а еще чаще — в домах заказчиков. Индустриальный текстиль заполнил рынок, однако готового платья еще мало, и каждый заказывает себе одежду по мерке. Лохары, кузнецы, и бархаи, плотники, образующие, пожалуй, одну касту с гончарами, кумхале, поставляют утварь и орудия, необходимые в быту и в сельском хозяйстве, и оказывают всевозможные услуги. Перевоз через реки, достаточно широкие на равнине и разливающиеся в период муссона, — это привилегия каст маллах и кеват, их члены постоянно дежурят на берегу со своими лодками, и они же занимаются рыбной ловлей.

Теперь мы подходим к профессиям, имеющим более выраженную религиозную окраску. Цирюльники, наи, обычно считаются чистой кастой в непальских тераях и соседних районах Индии, в то время как в Бенгалии и в Южной Индии их относят к нечистым. Остальные касты, занимающиеся уходом за телом, — нечистые, так же как прачки, дхоби, которые регулярно забирают из домов грязное белье и одежду и возвращают их хозяевам вы-

стираемыми и выглаженными. На этом же уровне находятся другие нечистые касты, которые, однако, не относятся к неприкасаемым по иным причинам. Это прежде всего мясники, чик, специализирующиеся на козлятине и баранине, и кассаб — специалисты по мясу буйволов (эта последняя специальность уже давно перешла в основном в руки мусульман, на которых индусы предпочитают перекладывать скверну насилия — убой животных).

Далее следуют тели, маслобои, которые тоже совершают насилие: они отнимают жизнь у растений, раздавливая их семена. Тели работают обычно поденно у земледельцев, выжимают для хозяев масло из семян горчицы, кунжута и т. д. Кроме того, они производят некоторое количество масла для себя и продают его на рынках. Наконец, к этой же группе принадлежит каста калваров, ныне просто торговцев. Многие из них богаты и вообще живут лучше других каст этого уровня, а их низкий статус объясняется традиционной, но давно уже оставленной и забытой профессией; когда-то они были самогонщиками.

Ниже всех стоят семь каст неприкасаемых. Наиболее уважаемые, а также наиболее многочисленные — это чамары, кожевники-сапожники. Некоторые из них, как и прежде, убирают из деревень павших животных, обрабатывают кожи, шьют обувь и упряжь. Однако эта работа не может прокормить всю касту, и она превратилась в крупный резерв рабочей силы: чамары становятся батраками, а в последнее время идут рабочими на заводы.

Ниже всех из неприкасаемых стоят бханги — каста подметальщиков-мусорщиков, чьи услуги всегда необходимы, особенно в растущих городах.

Между этими двумя полюсами располагаются еще пять каст, многочисленных и расплывчатых, объединяющих так называемых индийских цыган. Они обычно занимаются плетением корзин. На них лежат все самые грязные работы, за которые никто не хочет браться. Наиболее известны касты дом и душад, обслуживающие места кремации, им поручают также сообщать дурные вести — о болезнях, смерти и т. п. Каста дханук изготавливает циновки. Кхатаве, или мусахары (пожиратели крыс), и татма нанимаются землекопами и носильщиками паланкинов. Эти маленькие касты образуют резерв безземельных дешевых поденщиков, готовых браться за самые тяжелые и грязные работы. Члены некоторых каст неприкасаемых играют на музыкальных инструментах

во время церемоний, отмечающих главные вехи жизни, потому что в непальских тераях нет касты профессиональных музыкантов, в отличие от горного Непала и Индии.

Еще во второй половине прошлого века в тераях жили переселенцы из Индии и местные племена. Несомненно, непальское правительство сделало все, чтобы укрепить здесь свою власть. Придворная аристократия из Катманду захватила обширные земли, которые в большинстве случаев обрабатывают местное население и переселенцы из Индии. Режим министров Рана всячески поощрял освоение равнины жителями гор, раздавал земли бывшим преступникам, освобожденным рабам и добровольным переселенцам, но только после того, как было покончено с малярией, и в 60-х годах начались обширные расчистки лесных земель и массовое переселение жителей гор в тераи. Правда, индуисты тераев по-прежнему сохраняют численное и экономическое превосходство, но в ближайшие десятилетия соотношение сил может измениться.

РИТУАЛ

Большинство жителей тераев — правоверные индуисты. Что касается обычного религиозного ритуала, нам нечего добавить к тому, что уже вкратце описывалось выше, разве что несколько любопытных деталей, связанных с женитьбой. По индуистскому обычаю, как мы уже видели, отец отдает свою дочь замуж безвозмездно, да еще сам осыпает зятя подарками. Но если в горах эта щедрость остается в разумных пределах, то в тераях (как на непальской, так и на индийской территории) зять прибегает к своего рода шантажу, угрожая отказаться от девушки, если за ней не дадут богатого приданого. Он требует драгоценностей, денег, а в наши дни и автомашину. Дваждырожденные не берут вторыми женами женщин низких каст, не допускают повторного выхода замуж вдов или разведенных, в отличие от шудр и даже дваждырожденных из горных районов, где проявляют большую терпимость.

Для экстраординарных обрядов индуисты тераев прибегают к услугам медиума, которого называют «саяна» или «оджха». Похоже, такой медиум может быть из любой касты. Его призывают для совета, он бьет в медное блюдо, служащее ему гонгом, впадает в транс, и тогда боги глаголют его устами — определяет болезнь и указывает, как ее лечить. Кроме того, он изгоняет бесов. В отдельных случаях индуисты тераев обращаются к шаманам горных племен.

Крупные торговцы

Города тераев и долины Катманду давно привлекали крупных торговцев, которые переселялись сюда иной раз из отдаленных районов Индии. Теперь повсюду бросаются в глаза сикхи из Пенджаба, с их бородами и тюрбанами. Однако задолго до них здесь обосновались и разбогатели марвари — каста купцов из Раджастхана, распространившаяся по всей Северной Индии. В их руках сосредоточена большая часть оптовой торговли между Индией и Непалом, а также многочисленные лавки и магазины розничной продажи. Вполне вероятно, хотя у нас нет точных статистических данных, что в этом отношении они превосходят неваров и отличаются от жителей равнины и гор тем, что являются единственными в Непале последователями секты джайнов, религии столь же древней, как буддизм, но сохраняющейся ныне только в Западной Индии. У них есть свои храмы в Катманду, а кроме того, они содержат там ветеринарную лечебницу для больных коров.

МУСУЛЬМАНЕ

Может показаться парадоксальным, что мы помещаем мусульман среди людей каст, ибо в теории ислам — религия эгалитарная, отрицающая строгую социальную стратификацию, и тем более касты. Но в действительности мусульмане не только Индии и Непала, но и Пакистана и Бангладеш в плане социальной организации мало чем отличаются от индуистов. Большая часть — потомки местных жителей, обращенных в ислам, с которыми смешались иноземные завоеватели. С языковой точки зрения они почти неотличимы от индуистов, среди которых живут. Они пользуются арабским языком для молитв и чтения сур Корана, персидский — литературный язык для узкого круга высокообразованных людей, урду (тот же хинди, только с арабской письменностью и множеством введенных в него арабских и персидских слов) — родной язык меньшинства мусульманского населения, богатых горожан, на нем издаются религиозные учебники и народные молитвенники. Родной речью большинства мусульман служат местные языки. Для жителей непальских тераев это языки майтхили, бходжпури и авадхи.

По социальной организации мусульмане сходны со своими соседями-индуистами. У них такие же понятия о родственных связях, за одним исключением: экзогамия клана для них не является религиозным долгом, они допускают перекрестно- и параллельно-кузенные браки, то есть мужчина может жениться на дочери сестры своего отца или сестры своей матери, что для индуистов абсолютно недопустимо. Однако сразу оговоримся: подобные браки разрешаются лишь в узком кругу наиболее знатных семей, а основная масса мусульман соблюдает экзогамию на уровне линиджа и на нескольких поколениях в глубину.

Мусульмане походят на индуистов и тем, что приняли кастовую систему или, вернее, выработали свою уникальную и сложную систему каст. Она сложна, потому что ее можно рассматривать с двух точек зрения. Для общества в целом, в которое мусульмане входят неотъемлемой частью, все они (вместе с редкими на территории Непала новообращенными христианами) составляют одну-единственную очень низкую касту нечистых по религии, однако не неприкасаемых. Исключение — неприкасаемые, принявшие ислам: они остаются неприкасаемыми и для индуистов, и для мусульман.

Однако если мы рассмотрим теперь взаимоотношения мусульман между собой, то увидим, что они образуют такое многослойное и строго разграниченное общество, что его можно назвать только кастовым.

Мусульмане тераев

Чтобы изучить эту систему каст у мусульман, остановимся на регионе, где живут почти все мусульмане Непала и где они образуют особенно расчлененное общество,— в тераях. Согласно переписи 1961 года, мусульман здесь более 270 тысяч. Они расселены почти равномерно по всей территории тераев и составляют здесь около 10 процентов населения.

Их система каст отличается тем, что в ней недостает главного элемента — высшей касты, эквивалентной брахманам. Их имамы («руководящие молитвой») и кази (знатоки религиозных законов) нисколько не выше тех, кому они служат, это обыкновенные светские люди, получившие соответствующее религиозное образование, и происходить они могут из любого социального слоя.

На высшем уровне помещаются люди, которых в совокупности называют «ашраф» («благородные»). Но они отличаются от остальных не по религиозным или политическим функциям, как в индуистской теории классов, а по происхождению. Это потомки первых завоевателей Индии, которые разделились на четыре группы, занимающие разные ступени иерархии.

Две первые, как принято считать, арабского происхождения. Это саиды, потомки семьи пророка Мухаммеда, и шейхи — потомки вождей других арабских племен. Далее идут мугхалы, потомки завоевателей-моголов, особенно тех, кто создал империю моголов. И наконец, следуют патаны родом из Афганистана. Ряды благородных значительно пополнились за последние столетия за счет псевдоашрафов из местных высоких каст, которые приняли ислам и добились того, что их признали ашрафами.

Если рассмотреть традиционные функции ашрафов, отошедшие в прошлое вместе с мусульманским господством, то мы увидим, что они представляли светскую власть и что из их среды выходили главным образом религиозные специалисты и крупные торговцы. Можно было бы сказать, что они представляют собой некий эквивалент трем первым варнам дваждырожденных индусского общества: брахманам, кшатриям и вайшьям. Однако в данном случае такое сравнение неправомерно. Здесь мы имеем дело с урезанной системой каст, где нет брахманов и где ашрафы, даже выполняя функции, аналогичные функциям кшатриев, исходят из соображений, совершенно чуждых индусской идеологии. Ашрафы — это высший слой мусульманского общества, единственный, по-настоящему проникнутый идеями ислама. Идея превосходства по происхождению, а особенно по близости к семье пророка входит в традиционное учение мусульманских законодателей о социальной иерархии. Кастовая система у мусульман урезана не только потому, что в ней для брахманов нет места, но и потому, что нет идеологического обоснования для такого сословия. К тому же между ашрафами существует родовое равенство (все они принимают воду и пищу друг от друга) и браки между их различными группами довольно часты, причем дети сохраняют статус отца, что в индусском кастовом обществе невозможно. С другой стороны, четыре группы ашрафов, как и касты индуистов, образуют довольно широкие категории, внутри которых выделяются

замкнутые группы, своего рода касты, отличающиеся друг от друга по происхождению и статусу, но о них речь пойдет ниже.

На том же высшем уровне следует поместить обращенных в ислам раджпутов, которых в непальских терах называют тхакурами. Они пользуются большим уважением, отличаются от остальных ашрафов тем, что не приняли до конца мусульманские представления и гордятся своим происхождением и древними обычаями. В большинстве они стоят выше массы псевдоашрафов, относящихся к группе шейхов.

Эта система проявляется все очевиднее по мере того, как мы спускаемся по иерархической лестнице. Ниже уровня ашрафов мы имеем дело уже не с эквивалентами дваждырожденных или обращенных в ислам из каст дваждырожденных, принявших мусульманские наименования, а с массой бывших шудр, перешедших в ислам. Пусть их презируют ашрафы и тхакуры, зато внутри своей группы они ревниво оберегают свой статус относительно тех, кто стоит ниже. Они образуют своего рода касты, которые по строгости иерархии, неукоснительному соблюдению эндогамии и наследственной специализации ничем не уступают кастам индуистов. От последних они отличаются только тем, что допускают общение (и за едой) между группами каст, соседних по статусу, за исключением стоящих слишком низко. Эти касты можно рассматривать с двух сторон: с точки зрения других мусульман, каждая представляет самостоятельное целое, а с точки зрения всего общества, это в основном обломки больших каст, основная часть которых осталась верной индуизму (как, например, тхакуры). Отколовшиеся в результате перехода в ислам отдаляются от родной касты и низводятся в разряд нечистых (не неприкасаемых). Даже когда почти вся каста переходит в ислам, как было с ремесленниками, делающими стеклянные браслеты, индуистское происхождение не забывается. Такие наследственные специалисты служат одинаково и индуистам, и мусульманам, тем более что последние могут прибегать к услугам ремесленников-индусов.

Мусульманские касты можно перечислить по группам в нисходящем порядке примерно по той же схеме, что и индуистские касты, о которых уже шла речь. К тому же зачастую это сегменты индусских каст, которые, перейдя в ислам, изменили свои названия. Мы будем

приводить их индуистские эквиваленты по ходу рассказа.

Прежде всего выделяется группа из трех каст, связанных с сельским хозяйством: это земледельцы, джат, родом из Северо-Западной Индии; скотоводы, гадди, аналогичные индуистам ахирам, и сабзи-фарош — огородники, подобно индуистам-коири.

Далее идут шесть каст, занимающих относительно высокое положение. Дхуния, чесальщики хлопка. Их орудие труда представляет собой лук, по тетиве которого они бьют деревянной колотушкой; тетива вибрирует и расчесывает хлопок. Чесальщики работают поденно у хлопководов. Ткачи, джулаха, образуют, пожалуй, самую многочисленную мусульманскую касту. Лишившись традиционного заработка в результате развития текстильной промышленности, они ушли в сельское хозяйство и поставляют основную массу батраков крупным землевладельцам. Чурихара делают стеклянные браслеты; их называют также манихар и лехери. Некоторые из них сохранили свои мастерские, где изготавливают браслеты и искусственный жемчуг, но большая часть превратилась в бродячих лоточников, торгующих фабричными украшениями. Рангрез, красильщики, окрашивают ткани или набивают на них рисунки. Дарзи, портные, как и их индусские собратья по касте того же названия. Горшечники или гончары, касгары, соответствуют индусским кумхарам (или кумхалам).

Далее следуют две касты разного происхождения, чье дело — поддерживать престиж богатых мусульман. Генеалогии и панегиристы, бхат, не изменили своего названия при переходе в ислам. Факиры — каста чисто мусульманского происхождения; буквально это слово означает «бедняки», каковыми они и являются. Они связаны с сектой мусульманских аскетов, суфиев, из ордена Мадари, основанного в Индии в XV веке. Живут они обычно милостыней и погребальными подарками, ухаживают за кладбищами и устраивают церемонии в честь разных святых.

Теперь мы подходим к группам специалистов менее чистых, а потому менее уважаемых профессий. Уважаемые мусульмане, даже если сами они это в принципе отвергают, на деле подходят к этим кастам с теми же критериями, что индуисты. К тому же мусульмане по традиции всегда относились с презрением к низменным занятиям.

Относительно лучшее положение занимают цирюльники, хаджам, аналогичные индуским наи; они занимаются тем же делом, но мусульманского хаджама помимо этого призывают для обрезания мальчиков; эта операция, необходимый признак принадлежности к исламу, сопровождается большим семейным праздником и приносит хаджаму немалый доход.

Стоящие по иерархии еще ниже подвергаются всеобщему презрению, и ни один уважающий себя мусульманин из ашрафов или вышеперечисленных специалистов не примет от них ни воду, ни пищу. Среди этих презираемых назовем сначала две касты, не изменившие своих названий после обращения в ислам: прачки дхоби, и маслобои, тели. За ними следуют самогонщики, паси и араки (перешедшая в ислам ветвь касты калвара).

Есть еще шесть каст, неприкасаемых по происхождению и оставшихся неприкасаемыми, несмотря на переход в ислам. Мусульмане, правда, не считают физический контакт с ними осквернением, но все же не пускают их в дом и до последнего времени не допускали даже в мечети.

Из этих каст назовем первыми моши, кожевников-сапожников,— перешедший в ислам сегмент касты чамаров. Далее следуют две касты музыкантов: первая, относительно более респектабельная, весьма специфична для мусульманского общества — это дафали, барабанщики и выступающие под аккомпанемент своего барабана певцы, и отчасти знахари — они поют длинные баллады о жизни святых (чаще всего о Гази Мийя, великом мученике и покровителе мусульман Северной Индии) и при случае изгоняют злых духов из бесноватых. Другая каста — нат, или натува, музыканты и танцовщицы, сегмент индуской касты того же названия.

Существуют еще две касты, несомненно, связанные, как и предыдущая, с неопределенными этническими группами, которых называют иногда цыганами и ставят совсем низко,— это дхарнары, корзинщики, и патхар, изготавливающие мельничные жернова. И ниже самых низких стоят халал-кхор, буквально «те, кто ест дозволенную пищу», или, как их еще называют, мехтары, то есть князья. За этими громкими титулами все узнают индуистских бханги, подметальщиков-мусорщиков, обращенных в ислам.

Таковы 26 мусульманских каст, выявленных на сегод-

няшний день в непальских тераях. Однако мы не уверены, что наш перечень полон.

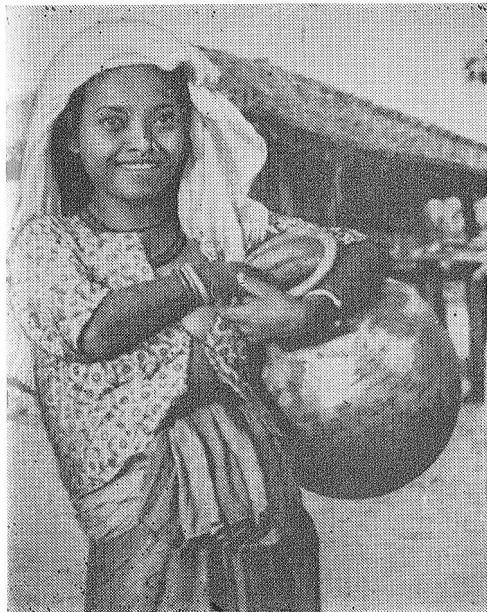
Легко заметить, что, если не считать четырех высших каст ашрафов, специфически мусульманскими являются только три касты. Это факиры, хаджамы (цирюльники) и дафали (певцы и колдуны). Номенклатура остальных каст и иерархические различия между ними целиком заимствованы у индусского общества. Хозяева мусульманских домов могут, а в горных районах, как мы увидим ниже, порою просто вынуждены пользоваться услугами соответствующих индуистских каст.

Мусульмане непальских тераев составляют меньшинство по сравнению с индуистами и считаются людьми второго сорта; отношение к ним здесь хуже, чем на индийской территории. Это объясняется обстоятельствами их прихода в Непал. Они переселялись постепенно и устраивались в городах или деревнях, где индусы всегда занимали господствующее положение, тогда как в отдельных районах индийских штатов Уттар-Прадеш или Бихар мусульмане когда-то играли главную роль. На непальской территории большинство мусульман занимаются теперь земледелием, какова бы ни была традиционная профессия их касты. Но они редко становятся землевладельцами. Мелкие земельные участки, принадлежащие мусульманам, встречаются весьма редко, крупные — еще реже. Мусульмане стали батраками или арендаторами на землях крупных помещиков-индуистов. В центральных и западных тераях в торговле и в промышленности они занимают соответствующее их численности место; в восточных тераях торговля (там она самая богатая) остается целиком в руках индуистов.

Мусульмане тераев также непропорционально представлены и в выборных органах. Короче, им не позавидуешь: их слишком много, чтобы их не замечать, и слишком мало, чтобы они могли добиться равенства.

Мусульмане горных западных районов

В горах к западу от Катманду проживает несколько тысяч мусульман (более 6500, согласно переписи 1961 года). Они рассеяны по 46 деревушкам на более чем 400 километрах обозримой площади и составляют ничтожное меньшинство среди миллионов окружающих их людей иного вероисповедания.

Женщины Непала

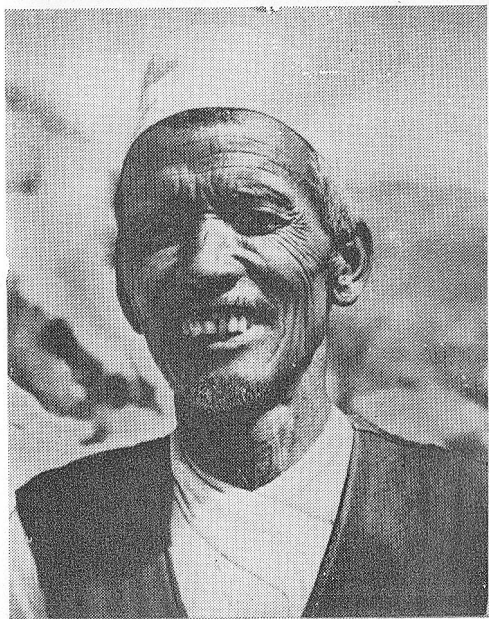

Женщины Непала

Жители долины
Катманду

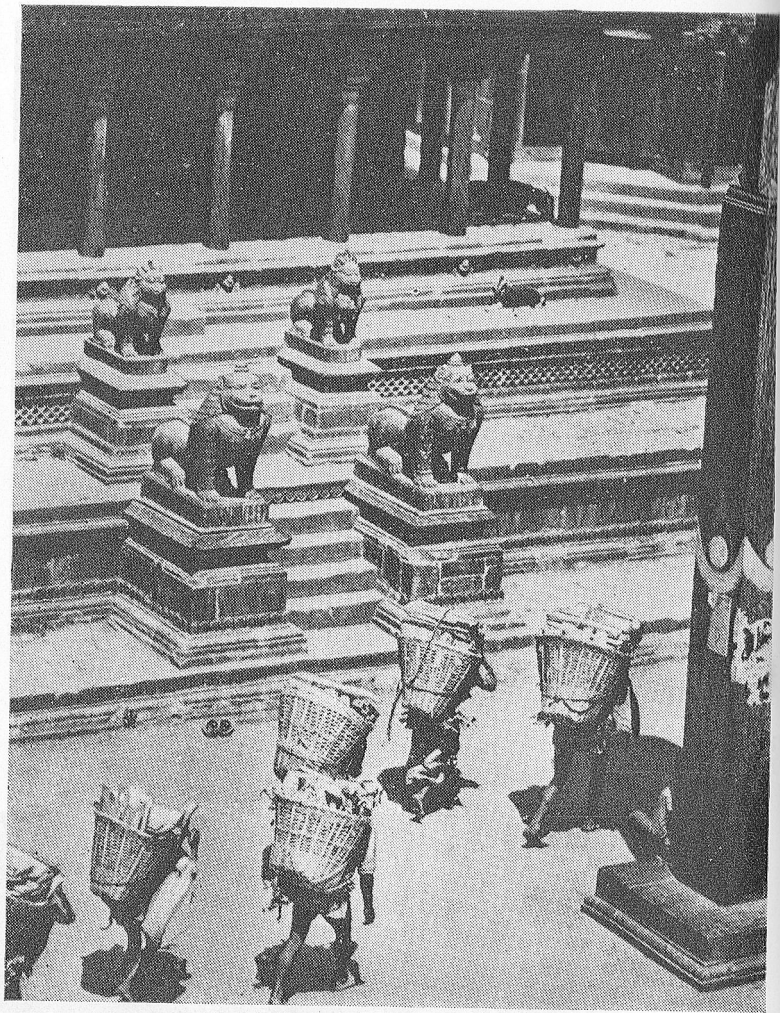
Жители долины
Катманду

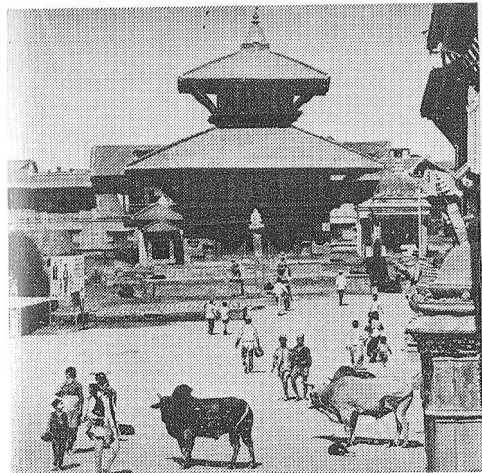

На улицах Катманду
Бродячие певцы

Носильщики

У храма Пашупати-
натх. Бхатгаон

В мастерской селения
Тхими близ Катманду

Тибетка за работой
Бронзовых дел мастера

Князь из династии Западных Малла (XIV в.?) (из храма Падукастхан)

Дети гурунгов

Женщины-тхару

Паломники-ин-
дусты по до-
роге к храму
Пашупатинатх

Женщины-мусульманки из
Центрального Непала

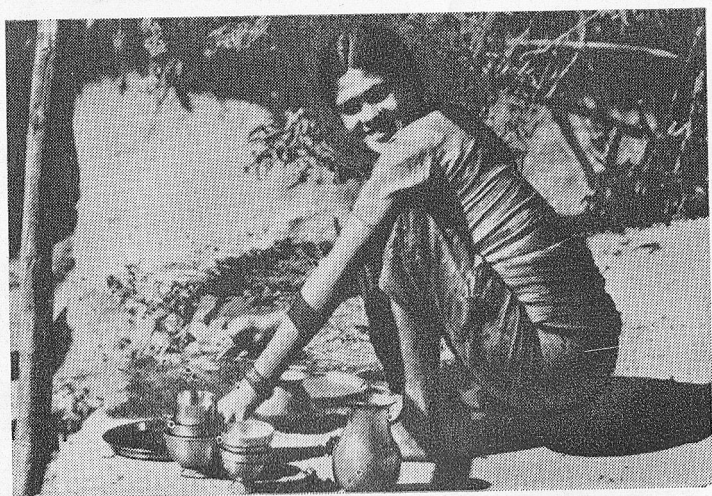

Мальчик из касты неприкасаемых
(Центральный Непал)

Непальская пряжа

Девушка-чхетри

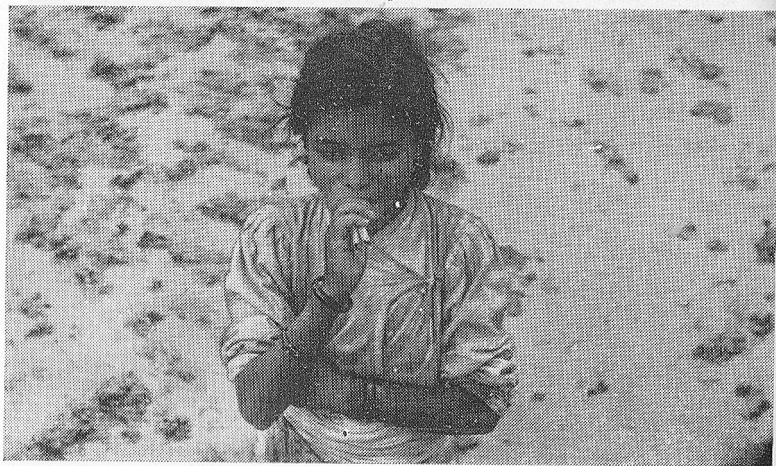

Неприкасаемые из касты музыкан-
тов-бади

Шаман-биджува

Неварка из касты джьяпу

Неварский горшечник

Типичная городская застройка у неваров
(г. Катманду)

Неварские крестьянки на рисовом поле

Они переселились сюда с равнины еще до начала XVIII века двумя группами: первая, более компактная, пришла из района Горакхпур в Индии и обосновалась в бассейне семи рек Гандак; вторая, представленная сегодня всего тысячью человек, живущих в четырех деревнях в долине Карнали, происходит из района Бахраич в той же Индии.

Они, по-видимому, создали нечто вроде эгалитарного общества. Неужели им удалось избежать кастовости? Увы, нет. Если спросить их, какое положение они занимают по отношению к другим мусульманам, они ответят, что принадлежат к ашрафам. Большинство из них — шейхи. Самые гордые — патаны, а самые тщеславные — сайиды. Однако после более тщательных расспросов их претензии оказываются необоснованными.

Кто же они на самом деле? Ремесленники, изготавливающие браслеты, фрагмент касты чурихара. Они, кстати, так и называют себя на своем диалекте (непали с явными следами влияния хинди), сокращенно — чудьяра. На непали их называют чурауте. До 20-х годов нашего века все они изготавливали, а в некоторых отдаленных деревушках до сих пор изготавливают браслеты и «жемчужные» бусы из стеклянной пасты, сырьем для которой служат блоки цветного стекла, привозимые из Индии. Однако теперь большинство занимается перепродажей браслетов, бус и других украшений фабричного производства, которые они по дешевке приобретают на индийской границе. Они бродят с товаром из деревни в деревню, от дома к дому или устанавливают лотки на ярмарках, базарах, рынках либо в центрах паломничества. В своих странствиях они вступают в контакт с мусульманскими общинами на равнине и в долине Катманду. Так что знают, какое скромное положение занимают в иерархии и что знатные индийские и непальские семьи считают их низкой кастой ремесленников.

Да и в самих деревнях горных мусульман заметно отсутствие равенства. Все настоящие чурауте, изготавливающие браслеты, равны между собой, если не считать имущественных различий, однако факиры, поселившиеся среди них или приходящие с тераев просить милостыню в их деревни, считаются низшей кастой, и в принципе браки с ними не допускаются. Так же они относятся к цирюльникам, хаджам, которых регулярно приглашают из Индии для обрезания мальчиков. И наконец, чурауте хорошо знают, что на равнине есть группа мусуль-

манских нечистых каст, дхоби и халал-кхор, и во время своих странствий старательно держатся от них по-дальше.

Если рассмотреть отношения горных мусульман с индуистским населением, сразу станет очевидно, насколько они прониклись кастовым духом. Как мусульмане они считаются нечистыми, но не неприкасаемыми и охотно принимают такой статус со всеми вытекающими из него последствиями. Они принимают воду и пищу от чистых каст, которые ничего не возьмут из их рук. Всякие брачные связи с высокими кастами им в принципе запрещены, но, как бы низко они ни стояли, всегда находятся люди еще ниже, например неприкасаемые ремесленники, в отношениях с которыми они яростно защищают свой статус, ибо имеют перед ними двойное превосходство. Во-первых, экономическое: чурауте с самого начала были наделены землей; они не только ремесленники, но и землевладельцы, а потому по отношению к неприкасаемым играют роль хозяев. Во-вторых, превосходство статуса: они нечистые, однако не неприкасаемые, и это превосходство статуса они всячески подчеркивают: не принимают от неприкасаемых воду и пищу и никогда не вступают с ними в браки.

Мусульманские долины Катманду

Чуть больше тысячи мусульман (1127, по переписи 1961 года) живет в долине Катманду. Все они коммерсанты, обосновались в столице, и лишь немногие переехали в Патан и в Бхадгаон. Двое или трое занимаются оптовой торговлей украшениями, остальные — розничной, большей частью теми же товарами. Некоторые открыли обувные магазины или рестораны.

Все говорят на одном из диалектов хинди — это их родной язык. С этнической точки зрения они весьма разнородны. Первая их группа образовалась из кашмирцев. В течение всего средневековья мусульманские купцы родом из Кашмира поддерживали широкую сеть торговых складов в главных городах Северной Индии и в Тибете. Некоторые из них обосновались в Катманду, городе, расположенном на великой оси трансгималайской торговли. Произошло это, возможно, уже в XV веке, но скорее всего в начале XVII. Сегодняшние кашмири — потомки этих торговцев, которые хотя и обеднели, но

все еще гордятся своим происхождением. Они стараются выдавать себя за ашрафов, однако на самом деле это потомки перешедших в ислам членов высоких каст, к которым, так сказать, примкнули некоторые разбогатевшие ремесленники. Все они высокообразованны и очень строго соблюдают религиозные традиции. У них есть своя мечеть в Катманду, к западу от Рани Покхари, со старым кладбищем, где ежегодно отмечаются праздники двух святых, покровителей их общины: Шаха Гияз-уд-дина и Мускин-Шаха, двух суфиев, которые когда-то устроили здесь монастырь. Кашмири никогда не забывают, что происходят от знатных городских семейств, и считают себя выше других мусульман долины Катманду.

Последние, называемые хиндустани или непали, гораздо более скромного и разнообразного происхождения. Первое их ядро образовалось из переключившихся на торговлю бывших винокуров, араки, которые обосновались здесь в первой половине XIX века. К ним присоединились мусульмане с тераев разного, тоже скромного происхождения, такие, как чесальщики хлопка, дхунья, или ткачи, джулаха. По существу, группу хиндустани можно определить только негативно: в нее входят все те, кого кашмири отказываются принимать в свое общество. Социальную неполноценность и разношерстность хиндустани пытаются компенсировать тем, что исповедуют модернистский вариант ислама, который маскирует внутреннее неравенство и позволяет им считать себя более правверными мусульманами, чем кашмири.

Ритуал

Основной ритуал

Мусульмане сохранили от своего индийского происхождения усеченную систему каст. Именно в ритуалах, а не в социальной практике проявляется своеобразие их религии. При этом надо учитывать, в какой мере они утратили связи со своей прародиной даже в этом отношении.

Обычный ритуал ислама позволяет непальским мусульманам утверждать свою неповторимость: фактически

они выполняют минимум предписаний, установленных религиозным законом. Если индуизм основан главным образом на семейных или индивидуальных обрядах, то ислам предусматривает общие церемонии: в каждом городе или деревне есть свои мечети, где мужчины собираются для молитвы по пятницам вечером, а часто и в течение дня. Там же они собираются по большим праздникам, отмечаемым по лунному календарю, принятому у мусульман: это праздники окончания поста, принесения жертвы и рождения пророка.

Три обряда, относящиеся к главным вехам жизни, отличают мусульман от индуистов. Обрезание мальчиков, обычно в возрасте до пяти лет, считается символом приобщения к исламу, и в горах для этого специально приглашают цирюльников из тераев. Свадьба помимо праздничных церемоний индийского происхождения включает обязательное взаимное соглашение в присутствии свидетелей и кази. Первые похороны состоят в погребении покойника, причем кладут его лицом в сторону Мекки, то есть на запад; во время вторых похорон читают суры Корана и устраивают поминальные трапезы, продолжающиеся вплоть до сорокового дня, когда траур заканчивается и родственники раздают факирам одежду, постельные принадлежности и посуду усопшего. Таков обязательный минимум обрядов, который соблюдается повсюду и который отличает мусульман от индуистов.

Различные варианты зависят от того, к какой общине принадлежит верующий: к традиционной или реформированной.

В первом случае мусульмане придают большое значение многовековой традиции почитания святых; эти церемонии организуют факиры.

В месяце мухаррам празднуют мученичество внуков пророка Хассана и Хуссейна; есть также праздники в честь Шаха Мадара, основателя братства факиров, от которого зависят дожди и урожай, в честь Гази Мийя, тоже ниспосылающего дожди и плодородие, есть еще ежегодные церемонии в честь местных покровителей общины. Традиционалисты пышно празднуют также церемонии главных вех жизни явно индийского происхождения: обряд очищения линиджа и присвоения имени младенцу на шестой день после рождения; свадебные празднества после обмена согласиями; приношения мертвым после погребения и сорокадневный траур.

Реформисты, чья пропаганда имеет успех прежде всего среди мусульман низшего ранга в тераях и у хиндустани из долины Катманду, стараются искоренить культ святых. Вместо этого они настаивают на исполнении канонических обрядов с пятью ежедневными молитвами, соблюдении поста в рамадан и совершении паломничества в Мекку, куда каждый год и отправляются десятки непальских мусульман. Они строят новые мечети и медресе для мальчиков и девочек, где дети получают основательное религиозное образование. Они стараются очистить обряды главных вех жизни от индуистских элементов, сокращают срок траура, делают более скромными свадьбы и прежде всего исламизируют церемонии по случаю рождения: праздник шестого дня они заменяют каноническим обрядом акика, во время которого новорожденному обрезают голову и совершают искупительное жертвоприношение. Короче говоря, они стремятся заменить компромиссные решения средневекового ислама реформированной, очищенной религией, полагая, что таким образом восстановят истинный, первоначальный ислам.

Экстраординарный ритуал

Однако ни традиционалисты, ни реформисты не могут окончательно оборвать связи с индуизмом. Об этом свидетельствуют экстраординарные ритуалы. Простые правоверные мусульмане считают молитвы из Корана и амулеты своих имамов и кази недостаточно эффективными, когда возникают чрезвычайные, непредвиденные трудности. Правда, факиры слынут специалистами по изгнанию злых духов и душ покойников, а дафали тераяв даже превосходят их в этом отношении, но и этого бывает недостаточно. И если они терпят неудачу, мусульмане обращаются к индуистским или племенным специалистам. На равнине они призывают медиумов, таких, как сайяна, а в горах — дангре, то есть шаманов. Некоторые мусульмане сами становятся искусными медиумами, для чего надо приобщиться к культу местных богов, а это с точки зрения ортодоксального ислама явное идолопоклонство. Но, как сказал нам один откровенный «шурауте», «надо спасти свою шкуру любыми средствами», даже ценой отречения от величайшей догмы ислама, которая гласит, что нет бога, кроме Аллаха.

НЕВАРЫ

Невары по многим причинам занимают особое место. Прежде всего их нельзя считать многочисленной группой (по переписи 1961 года, на невари говорили 377 тысяч человек). Две трети из них сосредоточены в долине Катманду и соседних районах, которые являются их исторической родиной. Остальные невары образуют диаспору торговцев, ремесленников и крестьян, рассеянную по всей стране, по торговым центрам и деревням. Нет ни одного дистрикта, где бы не жило несколько сот неваров (к приведенной выше цифре следовало бы прибавить всех неваров, которые покинули Долину еще в прошлых поколениях и уже забыли свой родной язык).

Этнический облик их парадоксален: невары говорят на языке тибето-бирманской группы языков, однако их нельзя рассматривать как племя: вот уже более двух тысячелетий они являются представителями каст, которые развили индуистскую идеологию до такой степени, что ныне у неваров она превосходит по сложности кастовую систему жителей равнины.

По своему антропологическому типу невары — в основном монголоиды, однако постоянное, в течение многих веков, смешение с жителями равнин привело к тому, что у них не осталось чистокровных каст, а две касты, стоящие на противоположных концах иерархической лестницы, — брахманы и прачки — пришли из Индии.

Кроме того, по религиозной принадлежности невары делятся на индуистов, чья государственная религия постепенно одерживает верх, и буддистов. Обе эти религии сосуществуют внутри каст среднего и низшего уровней, так что трудно сказать, какого верования придерживается данная семья: многие поочередно прибегают к услугам священнослужителей и той и другой религии. Поскольку у нас нет другого выбора, будем называть индуистами тех, кто призывает брахманов совершать погребальные церемонии, а буддистами тех, кто призывает для этого буддийских священнослужителей, губхаджу. Лишь на высших уровнях иерархии различие между буддистами и индуистами становится достаточно четким.

Система индуистских каст и дваждырожденные

Индуистские касты образуют у неваров классическую схему. На вершине — брахманы (примерно один процент неварского населения), разделенные на три четко разграниченные касты.

Самая высокая и самая многочисленная — это каста деобрахманов, или деобхаджу; они считаются чистыми неварами, и происхождение их забыто. Несомненно, они пришли из Индии, однако это произошло более тысячи лет назад. Они играют роль домашних жрецов у неваров чистых каст и наследственно связаны с семьями своих патронов.

Происхождение двух других, чуть более низких каст брахманов еще не забыто: малочисленные брахманы-бхатта пришли и продолжают приходить из Южной Индии, из штатов Майсур и Махараштра, чтобы служить в храме Пашупатинатхе. Впервые они появились в Непале в XIV веке. Брахманы-джха, которых обычно называют тирхуте, — выходцы из гораздо более близкого района Индии, из Митхилы, на южной границе Непала; они тоже служат в различных храмах. Позднее из этой касты вышли крупные ученые и литераторы, связанные с придворными кругами неварских королей.

Остальные дваждырожденные претендуют на статус кшатриев и объединяются под общим названием шрештха⁴⁶. Они составляют около 21 процента неварского населения; происхождение их весьма неоднородно, среди них, несомненно, есть потомки разных каст; статус одних соответствует примерно статусу джха — низшей касты брахманов, статус других — касте кшатриев и вайшьев. Теперь среди них различаются два основных статуса: на первом находятся чхатхария, — «шесть кланов», на втором — панчтхария, «пять кланов», которые стоят гораздо ниже первых. Цифры «шесть» и «пять» не означают числа внутренних подразделений, а только относительный ранг, ибо «шесть» больше, а значит, выше, чем «пять». Внутри каждой группы нет равенства: споры и столкновения из-за первенства с течением времени все так запутали, что сегодня сами соперники уже не знают, за что они борются.

Стоящие ниже этих двух больших групп люди сомнительного происхождения объединяются в группы «четырех кланов», «трех кланов с половиной», или попросту шрештха.

Группа чхатхария объединяет выходцев из бывших княжеских семей династии Малла⁴⁷, а также из придворной знати. Родовые имена, которые они теперь носят, происходят от названий должностей, когда-то занимаемых их предками.

Первенство принадлежит роду Малла, потомкам последних неварских князей, а вместе с ними Тхакоджуджу, — потомкам средневековых династий; Прадханы и Аматья считаются потомками самых знатных семейств и министров.

Джоши, ачар и маске, судя по их не изменившимся доньше занятиям, представляют собой низшую брахманскую касту. Первые — астрологи, вторые — жрецы тантрических божеств; роль третьих неясна.

Раджбхандари были дворцовыми управителями, каястха — писцами, никху — рисовальщиками картин на религиозные темы, лакхай — приближенными князей.

Все эти семейства из «шести кланов» всегда ревниво оберегали чистоту своего статуса, и все признавали их превосходство. Между ними царит относительное равенство: во всяком случае, совместные трапезы и браки у членов этих каст не вызывают никаких проблем.

Зато отношения между панчтхария и низшими группами складываются по-другому: они не доверяют друг другу и садятся за общий стол или соглашаются на браки только после тщательных выяснений, кто есть кто. Все эти группы образовались из смешения потерявших свой ранг семейств чхатхария и членов низких каст, например крестьян-джьяпу, которым удалось за несколько поколений подняться до уровня шрештха.

Буддийские касты

Самое оригинальное в системе неварских каст заключается в том, что у них на высшем уровне есть две буддийские касты. Они претендуют на тот же статус, что и дваждырожденные касты индуистов, но существуют как бы параллельно с ними: совместные трапезы и браки между ними строжайше запрещены.

Эти касты появились в результате последовательных делений чисто буддийской общины, последнего оплота индийского буддизма. Сначала от мирян, удай (от санскритского слова упасака — прислужник, последователь, приверженец), отделились монахи (вернее, их потомки,

которые уже обзавелись семьями, поскольку традиция монастырского безбрачия постепенно угасла в конце средневековья). Оставшиеся миряне (ремесленники) образовали касту низшего ранга.

Монахи разделились далее на две группы отчетливо различных рангов. Те, кто прошел высшую инициацию и получил посвящение, позволяющее быть наставниками или священниками, образуют, высшую касту губхаджу, члены которой носят родовое имя Баджрачакрья. Прочие, потомки простых монахов, называются баре, их родовое имя Сакьябхикшу.

Эти касты весьма оригинальны. В отличие от индуистских каст, они свободно принимают друг от друга — на всех трех уровнях иерархии — пищу, приготовленную на воде, и браки тоже разрешены между кастами губхаджу и баре (повсюду, кроме самой столицы Катманду, и то лишь в последние десятилетия).

Каста потомков монахов, представляющая около 10 процентов неварского населения, сохранила связи с монастырскими традициями: семейства из каст губхаджу и баре до сих пор владеют старыми монастырями, бихара (на невари — баха). Они их содержат и там поочередно совершают обряды; а некоторые семьи живут в них постоянно.

В возрасте от восьми до девяти лет все мальчики касты проходят в одном из древнейших монастырей церемонию баречуйгу, первое посвящение, вводящее их в монашескую жизнь: одетые как монахи, они четыре дня должны ходить по городу и собирать милостыню; после этого их наставники, ссылаясь на тяжелые времена, позволяют им снова надеть светскую одежду и готовиться к свадьбе. Затем еще до свадьбы, все сыновья губхаджу должны пройти обряд высшего посвящения, ачалуигу, которое сделает из них полноправных членов высшей касты, а иначе они превратятся в баре и, подобно детям баре, будут принадлежать к низшей касте.

Губхаджу, принявшие полное посвящение, представляют высший авторитет для буддистов; они — хранители знания, только они могут совершать церемонии посвящения и культовые обряды в монастырях и в частных домах. К тому же они прекрасно организованы в крупных городах Долины, так что могут требовать почтения к своим прерогативам и подчинять своим правилам буддийские общины.

Помимо основного занятия — службы в монастырях,

их главного источника доходов, они исполняют жреческие обязанности в семьях не только губхаджу, баре и удай, но и других неварских каст, которые предпочитают их брахманам. Хозяева таких домов происходят из небольшого числа семейств шрештха и других чистых каст более низкого уровня.

Обязанности жрецов-буддистов, если отвлечься от религиозных ритуальных различий, соответствуют обязанностям брахманов у индуистов. Они священнодействуют на церемониях главных вех жизни, особенно на похоронах, и получают за это плату деньгами, дарами и пищей. Как и неварские брахманы, они наследственно связаны со своими патронами. Право священнодействовать и получать за это вознаграждение гарантировано им законом и авторитетом мощных союзов губхаджу в трех главных городах Долины; в каждой из этих древних столиц был свой великий губхаджу (аналог индуистского Дхармадхикара), знаток и высший арбитр во всех делах. Когда-то его назначали неварские короли; должность эта сохранилась и поныне, но уже без официального утверждения.

Баре, хотя и сохраняют связь с монастырями, не выполняют более обязанности священнослужителей. По традиции они занимаются благородными ремеслами: ювелирным делом и бронзовым литьем. Именно они, а также некоторые удай изготавливают великолепные бронзовые статуи, прославившие неварское искусство. Их деятельность по-прежнему тесно связана с религией, а изделия их пользуются огромным спросом не только в Непале, но и в Тибете, где многие из них обосновались как литейщики или торговцы.

Удай — каста мирян — тоже по традиции ремесленники. В нее входят семь ремесленных цехов: казар, специалисты по бронзе; тхамбат, работающие с латунью, медью, цинком и драгоценными металлами; лохаркарми, буквально «кузнецы», но теперь резчики по камню и слоновой кости; сикарми, плотники; авал, изготавливающие черепицу и кирпичи; маддикарми, пирожники; туладхары, делающие гири и прочие стандартные меры.

Многие из них стали крупными коммерсантами, захватившими в свои руки большую часть трансгималайской торговли. Именно у них сосредоточены основные капиталы неваров. Как и баре, они имеют в Тибете значительную колонию.

Касты среднего и низшего статуса

Высшие индуистские и буддийские касты составляют все вместе около 38 процентов неварского населения. В низших кастах нет деления на индуистов и буддистов. Каждый хозяин дома призывает либо брахманов, либо губхаджу, в зависимости от традиций семьи, и этот выбор может измениться, но обычно только в одном направлении, потому что индуизм постепенно вытесняет буддизм.

Следующая по нисходящей иерархии каста — джьяпу, земледельцы. Основная масса членов этой касты действительно занимается сельским хозяйством, но внутри нее есть также гончары, плотники, музыканты, играющие во время погребальных процессий, и тому подобного. Это самая значительная по численности каста, объединяющая 42 процента неваров, и к тому же самая консервативная.

В одежде, в быту и в сельском хозяйстве джьяпу сохраняют обычаи предков. Они до сих пор взрыхляют землю мотыгами и никогда не пользуются даже сохой. Крестьяне тщательно обрабатывают поля, унавоживают их, разбивают комки земли колотушками. Эта техника, более похожая на огородничество, чем на полеводство, может показаться отсталой, однако поля, возделанные таким способом, приносят лучший урожай, чем поля других непальцев.

Джьяпу ни в чем не стремятся подражать высоким кастам: их мужчины проходят по улицам городов с тяжелыми грузами на коромыслах, одетые только в рубахи и набедренные повязки; их женщины носят черные с красной каймой сари, укороченные сзади, чтобы была видна татуировка на икрах. Джьяпу живут и в городах, но в основном в компактных и весьма характерных деревнях долины Катманду.

Ниже этой многолюдной касты стоят десятка два маленьких, узкоспециализированных каст, номенклатура которых весьма запутанна.

Можно выделить группу из восьми чистых каст, как будто бы равных, однако отказывающих друг другу в совместных трапезах и браках. Их называют эктхария (один клан), чтобы подчеркнуть их низкий статус по сравнению с шрештха и джьяпу. Они составляют от 8 до 10 процентов неварского населения.

Теперь самая богатая из этих каст — сайми, или ма-

нандхар, маслобои. Их специальность, в понимании неваров-индусов, считается презренной, однако благодаря благоволению неварских королей они смогли повысить свой статус.

Далее следуют нау, цирюльники, которые весьма необходимы в семейных церемониях; затем кау, кузнецы; чипа, или рамджиткар, красильщики; кхуса, или тандукар, носильщики паланкинов; пум, или читракар, художники-богомазы; наконец, гатху, или мали, огородники и цветоводы, и тепе, тоже огородники.

Еще ниже располагается пестрая группа каст на последней ступени ритуальной чистоты, объединяющая около 3 процентов неварского населения. Некоторые из них больше походят не на касты в собственном смысле этого слова, а на осколки разных племен, осевшие на окраинах Долины и до сих пор не влившиеся в общество неваров. Это балами и дуин, которые, видимо, связаны происхождением с маленьким племенем пахари. Другие, еще менее уважаемые и нечистые, выполняют определенные обязанности, например, сангат, традиционные прачки Долины. Члены касты татти продают погребальные принадлежности; пулу нанимаются носильщиками в похоронные процессии; не слишком многочисленные бха собирают после похорон подаяния от людей касты шрештха.

Нечистые касты представляют около 7 процентов неварского населения. Они разделены на две группы. Первая — нечистые, но не неприкасаемые. Это най, или касай, дояры и мясники, имеющие дело с буйволами; они же совершают жертвоприношения во время церемоний, а их жены обычно принимают роды и перерезают пуповину. Далее идут джоги, или кусле, теперь портные и музыканты; они также принимают поминальные дары, а происходят от потомков аскетов, о чем говорит их неварское имя «джоги» (от санскритского «йоги»). У них до сих пор сохраняются свои храмы в городах Долины. В зимние месяцы они облачаются в оранжевые хламиды своего братства и выпрашивают милостыню, переходя от дома к дому. И наконец, последние из этой группы — дом, или кулу, изготовители барабанов и музыканты.

Вторая — неприкасаемые в полном смысле слова. Поре, теперь рыбаки занимают низшее место, потому что их традиционная профессия — палачи, предки которых калечили, пытали и убивали приговоренных. Чаме, или гамикхалак, — подметальщики-мусорщики в городах

Долины; их видят всюду на улицах с метлами в руках и с ребрами буйволов вместо вил; собранный мусор они выносят в двух корзинах на коромысле. Халахулу, или харахуру, происходят от подкидышей, которые питались объедками людей касты чами, а потому считаются ниже их; это тоже подметальщики и мусорщики.

При наличии 29 каст можно сказать, что неварское общество сильно дифференцировано. Отличительная его черта, которая не встречается больше нигде, ни в Непале, ни в Индии,—это строгое разделение буддистов и индуистов в высших кастах. И еще одна особенность неварского общества: своеобразные отношения между шрештха и джъяпу, составляющими вместе около 63 процентов населения: первая каста включает людей разных профессий, которые у другого народа разделились на несколько отдельных каст. И еще: многие разбогатевшие джъяпу в результате интриг или упорных домоганий каждый год пополняют ряды шрештха. Социальная подвижность, во всяком случае между этими двумя кастами, играет у неваров гораздо более значительную роль, чем у других народностей.

Социальная структура

Внутренняя организация неварских каст тоже отличается рядом особенностей как в плане родственных связей, так и по характеру объединяющих касту институтов. По индуистским понятиям все кланы, составляющие касту, как правило, экзогамны. Невары, так же как и тибетцы, делают исключения из этого правила: через три-пять поколений патрилинейные группы потомков разделяются на несколько мини-кланов, между которыми браки уже возможны. Однако родственные связи между мини-кланами общего происхождения не совсем прерываются. Они собираются раз в год на совместное празднование дивали, почитание богов-покровителей клана. При настоящем уровне знаний трудно судить о происхождении этой системы родства. Может быть, в основе ее лежат тибетский или киратский субстрат. Или просто это удобный способ решения неприятных вопросов о ранге? В действительности даже среди многолюдных каст практикуются внутренние расщепления и не женятся на ком попало: разделение кланов на линиджи позволяет ограничить браки строго определенным кругом.

Это единственная особенность в характере родственных связей, отличающая неваров от остальных людей каст. В остальном отношения между неварами схожи с принятыми в Северной Индии, если не считать того, что невары предпочитают собственную терминологию.

Касты неваров имеют довольно оригинальную организацию, которая позволяет им поддерживать внутреннее единство. В Северной Индии, после заката индуистских монархий, бурно развились различные формы кастовых советов; то же самое происходило и у индуистов в непальских тераях. Однако в горах дело обстояло по-другому: парбатии вообще не знали и не знают таких советов, а невары, наоборот, разработали этот институт тщательно, как и систему статусов. У неваров нет единых советов в каждой касте, но есть различные сообщества, так называемые гутхи, имеющие разные назначения и территориальные пределы внутри каждой касты. Обширные объединения, охватывающие всю касту, такие, как губхаджу (во всяком случае, на уровне древних княжеств), — редкие исключения.

Мы встречаемся обычно с небольшими, но строго специализированными объединениями, имеющими определенную цель. Два из них, встречающиеся наиболее часто, связаны с погребальными обрядами и божествами клана. Похоронные братства объединяют всех членов касты, живущих в данной местности, и обеспечивают совершение погребальных церемоний и похороны всех умерших из семей, входящих в это братство. Другое братство — почитателей божеств клана — организует ежегодные церемонии в их честь. Принадлежность к этим двум совместно действующим объединениям жизненно необходима для каждой неварской семьи. Хозяин дома, отказавшийся от участия в них или исключенный из них за какой-либо важный проступок, вынужден сам хоронить своих покойников и лишается доступа в храм своего клана. А это означает, что он потерял свою касту, что он более никто. Таким образом, через эти два основных объединения осуществляется общественный контроль.

Другие объединения существуют не везде, и контроль их менее строг: одни поддерживают культ местных божеств и устраивают календарные праздники, другие, например местные гутхи, устраивают нечто вроде кооперативов взаимопомощи для неимущих, выдающих ссуды под низкие проценты. В кастах ремесленников, например

маляров, эти союзы действуют как настоящие цеховые корпорации, строго регламентирующие все, что относится к профессиональной деятельности касты.

Таким образом, благодаря развитой системе разнообразных объединений, которые нередко перекрывают друг друга, социальная жизнь неваров гораздо более строго регламентирована, чем у других народностей.

Ритуал

Несмотря на то что ритуал неваров в основном индийского происхождения, в нем немало оригинальных черт. Церемонии обычного ритуала у членов чистых каст совершают, как мы уже знаем, либо брахманы, либо губхаджу. Только высокие касты приглашают их на все обряды главных вех жизни, а остальные — лишь на похороны. В других случаях невары призывают тхакали, старейшину линиджа, который и выполняет роль жреца.

Рождение ребенка делает все семейство нечистым; это состояние длится 4-6 дней вместо 10-13 у других людей каст. Конец этого периода отмечается простой церемонией очищений. Присвоение имени, которое у других людей каст происходит тогда же, у неваров откладывается на 6-7 месяцев и сочетается с церемонией первого принятия твердой пищи. В возрасте от трех до одиннадцати лет только у индуистов совершается церемония выбривания тонзуры, то есть первой стрижки волос: под надзором брахмана и в окружении брата матери и сестры отца цирюльник выбривает голову ребенка, который получает новую одежду и учится поклоняться богам.

Особенно разработана у неваров церемония инициации как мальчиков, так и девочек. Мальчики всех каст в возрасте от пяти до пятнадцати лет, после того как цирюльник обреет их, получают в торжественной обстановке набедренную повязку и с этих пор обязаны соблюдать не только правила стыдливости, но и все обычаи своей касты. С религиозной точки зрения они уже считаются взрослыми. В высших кастах религиозная инициация сочетается с посвящением в члены касты и гутхи. Дваждырожденные индусы, брахманы и шрештха получают священный шнур и выучивают священные молитвы. Буддисты приобщаются к тайнам своей секты в одном из древнейших храмов Долины. Губхаджу и

баре также получают низшее посвящение; лишь первые из них имеют право на высшее посвящение, которое дает им право исполнять роль жрецов в буддийских общинах.

В Непале девочки из индуистских каст обычно не проходят обряда инициации — его заменяет свадьба. Невары же, несомненно под влиянием Южной Индии, выработали такой обряд для своих дочерей. Он делится на два акта.

Первый — это символическая свадьба, ийхи, когда (обычно от 4 до 11 лет) девочку сочетают с плодом дерева бел, символом бога Нараяна, одного из воплощений Вишну. Это грандиозная церемония, ее празднуют всей деревней. Пышно разодетая, в драгоценностях и украшениях, как настоящая невеста, она принимает поклонения, словно богиня. Ей посыпают красным порошком пробор на голове, а затем ее торжественно отдают в жены богу Нараяну. Этот ритуал — основа церемонии посвящения. Отныне девочка считается полноправным членом своей касты и должна выполнять все ее предписания. Ритуал имеет важное значение для всей жизни девочки. С религиозной точки зрения она вступила в настоящий брак с богом, первый и единственно необходимый, потом она может иметь одного или нескольких мужей из рода человеческого: если разведется и вновь выйдет замуж, статус ее не снизится; если же ее муж умрет, ей не придется терпеть презрение, обычное для индуистских вдов, ибо с религиозной точки зрения она всегда остается супругой Нараяна, единственного и вечного мужа.

Эта символическая свадьба — великий момент в жизни неварской девочки: на какое-то мгновение она приобщается к божественности. Через несколько лет, когда придет половая зрелость, наступит второй акт посвящения, и она вернется в состояние простой смертной. Первые менструации всегда отмечаются индуистским ритуалом, у неваров же это событие имеет особо драматический характер: это не просто личное дело, как у других представителей каст, — все члены линиджа становятся нечистыми на целых одиннадцать дней, на больший срок, чем после рождения ребенка. Сама девушка не должна в это время ни видеть никого из своей семьи, ни смотреть на солнце, которое является одним из воплощений Нараяна, ее божественного супруга. На двенадцатый день ее запирают в темной комнате, после чего

она может выйти, совершить омовение и взглянуть на солнце. Отныне она готова к браку.

Свадебные церемонии у неваров довольно интересны, но мы не будем здесь на них останавливаться. По сравнению с истинно священной свадьбой ийхи обычный свадебный ритуал предельно прост: родители жениха отправляются процессией за невестой в ее дом, где не происходит никаких церемоний вроде тех, что полагаются по индуистскому ритуалу (вручение невесты, семь символических шагов и т. п.), и даже присутствие жениха не обязательно. Религиозный обряд совершается в доме жениха, после того как туда торжественно привели невесту.

У неваров зато есть свои оригинальные ритуалы, отмечающие приближение старости. Классические предписания людей индуистских каст предусматривают после этапа жизни хозяина дома только этап отрешения от мира, но на практике лишь единицы уходят в лесные отшельники или в аскеты. У неваров же мужчины и женщины, вырастившие своих детей и достигшие преклонного возраста, могут пройти через три инициации и после этого перейти из разряда обычных людей в разряд обожествляемых предков.

Первое посвящение происходит в возрасте 77 лет, 7 месяцев и 7 дней; второе — 84 лет, 4 месяцев и 4 дней, когда старик уже «увидел тысячу полнолуний», а третье — 99 лет, 9 месяцев и 9 дней. В каждом случае семейный жрец призывается для жертвоприношений богам, после чего старца приветствуют и поздравляют все члены линиджа. Кроме того, после первого посвящения его проносят, как божество, в паланкине по улицам. А после третьего посвящения он должен вернуться в свой дом через окно самого верхнего этажа, куда его поднимают на веревке: это символ вознесения на небеса.

Погребальные обряды мало чем отличаются от обрядов других индуистов. Члены похоронного братства торжественно доставляют труп на берег реки под печальные мелодии, исполняемые музыкантами из каст джьяпу или касайн, и предают его сожжению; из пепла и остатков костей «главный скорбящий» (старший сын) сооружает нечто вроде фигурки покойного; позднее эти останки выбросят в реку или отнесут в одно из священных мест паломничества. С телом покончено. Но душа возвращается и бродит вокруг дома. Весь линидж в течение десяти дней в трауре и считается нечистым. В это время

родственники, и прежде всего «главный скорбящий», должны постепенно увести душу, принося ей пищу сначала на место смерти, а затем все дальше и дальше. Согласно классическим верованиям, шраддха, душа покойного, вместе с другими предками получает угощение, которое дает ей возможность восстановить свое астральное тело и уйти навсегда в страну мертвых. В реальности эту душу заменяют два живых ее представителя, получающие пищу, одежду и дары: это жрец — брахман или губхаджу и портной-музыкант — кусле.

Праздники

Обычный ритуал включает также особые календарные праздники. Дело в том, что у неваров свой собственный календарь, отличающийся от календаря других представителей каст, и великолепные праздники неваров, каких не увидишь больше нигде, до сих пор вызывают восхищение у всех, кто побывал в Долине.

Год у неваров начинается в октябре — ноябре праздником огней, дивали, распространенным по всей Индии. Второй новый год, в апреле, совпадающий с началом гражданского Нового года, празднуется с особой пышностью жителями Бхадгаона, — это бискет джатра, когда на площади воздвигают высокую колонну, символизирующую космическую ось.

Главные празднества приходятся на жаркий сезон и на сезон муссонов. Праздник Мачхендранатха, одного из воплощений Бодхисаттвы Авалокитешвары, покровителя Долины, выступающего также в облике рыбы, начинается в Патане и в Катманду в апреле — мае⁴⁸. Статую божества выносят из храма, где она была омыта и заново покрашена, ставят ее на колесницу и возят по всем кварталам города в течение нескольких месяцев, чтобы все могли ей поклониться. Кончается этот праздник торжественным показом бхото (священной рубахи) Мачхендранатха, врученной ему много веков назад божественными змеями-нагами, от которых он получил власть повелевать дождями. Практически цель этого праздника — заручиться дождеобильным муссоном.

В августе — сентябре отмечается гаи-джатра, праздник почитания священных коров. Дети в масках коров бегают по улицам. Этот обряд должен помочь покойникам каждой семьи благополучно добраться до царства

мертвых. И одновременно это карнавал. По традиции в гаи-джатра каждый может говорить при всех все, что хочет, и насмехаться над всеми, даже над правительством.

В новолуние в июле — августе невары отмечают окончание восходящего сезона праздником гатхемангал: чучело гиганта Гхантакарны, сделанное из рисовой соломы, сжигается на перекрестке; это ритуал изгнания зла, ибо этот период считается самым опасным: именно тогда происходит инициация колдуний.

Великим ежегодным торжеством у неваров считается восьмидневный праздник в августе — сентябре, Индра джатра, в честь бога Индры и одновременно живой богини Кумари. Это древний праздник неварских князей, перенятый современной династией. Он начинается с воздвижения на площади напротив королевского дворца высоченной колонны, этим занимаются по традиции маслобои. Такая колонна, или, скорее, шест, — штандарт бога Индры, царя всех богов, который вместе с Бхайравой помогает умершим добраться до царства мертвых. Кроме того, он покровительствует царствующей династии, чья власть таким образом возобновляется каждый год. Одновременно чествуют и юную девушку, которая считается воплощением богини Кумари.

Тут следует сделать несколько пояснений. В долине Катманду каждое княжество, каждый городской квартал имеют свою богиню-покровительницу, свою Кумари (что значит «девственница»), воплощение богини Кали или Бхагавати, подруги бога Шивы. Для воплощения выбирают не достигшую половой зрелости девочку из касты баре, которая сумела пройти довольно сложные испытания. Ее помещают в храм и держат там, пока она не достигнет половой зрелости, и почитают как живую богиню. После этого она уступает свое место другой, более юной девочке.

При последнем правителе из династии Малла, Джая Пракаш Малла, культ живой богини стал государственным; его переняла династия Горкха, и до сих пор в Катманду всегда есть живая Кумари (нечто вроде святой Женевьевы, покровительницы династии), чей храм находится в двух шагах от бывшего королевского дворца.

С четвертого по шестой день праздника Индра джатра ее возят на колеснице по всему городу в сопровождении двух мальчиков, изображающих Бхайраву и Гане-

шу, бога со слоновьей головой, сына Шивы и Парвати. Колесница подъезжает к особой возвышенной террасе, на которой король, специально прибывший сюда по этому случаю, воздает живой богине почести и получает от нее цветную отметку на лоб. Индра джатра — большой королевский праздник неваров. Для них отмечаемый в сентябре — октябре дасаин, не менее крупный официальный праздник парбатиев и прочих индуистов, не представляет особого интереса. Тем не менее они участвуют и в нем, чтобы воспользоваться случаем почтить богиню Таледжу, покровительницу князей Малла, чей храм открывают для них только в эти дни, потому что он находится на территории трех древних королевских дворцов.

Экстраординарный ритуал

Этот ритуал у неваров ничем не примечателен. Осуществляют его преимущественно губхаджу, которые выступают не только как «монахи» и жрецы, но и как колдуны. В книгах тантрического буддизма они находят всевозможные рецепты против многочисленных злых духов. Некоторые из них — сверхчеловеческого происхождения, как богиня оспы Аджима, или зловредные духи Чваса Аджима, бродящие на общественных свалках. А другие — души людей, умерших не своей смертью: это кхияки, души мужчин, погибших в катастрофах, бахра — души девушек, умерших при первых менструациях, кичканни — души женщин, умерших при родах, и, наконец, бокси — духи живых злых женщин, колдуний. Все эти души, особенно бокси, способны временами подчинять своей власти живых людей.

Характерна для неваров одна черта: они не признают божественным состояние транса, за исключением транса, наступающего во время танцев в масках. Во всех остальных случаях от транса лечат изгнанием злого духа. Для этого призывают не медиума и не шамана, а губхаджу и астролога, которые пользуются магическими формулами или совершают церемонию изгнания злых духов.

ИНДО-НЕПАЛЬЦЫ, ИЛИ ПАРБАТИИ

Это самая многочисленная этническая группа. За четыре с лишним века она более или менее мирно колонизовала страну и вот уже два столетия как установила свое политическое господство. Парбатии впервые появились на сцене между XII и XIV веками (когда Западным Непалом правила королевская династия Малла) и назывались вплоть до второй половины XIX века кхасами⁴⁹. Во времена империи Малла они уже населяли весь бассейн реки Карнали, и эта территория именовалась кхасрат — страна кхасов. И до сих пор они живут там практически самостоятельно, если не считать нескольких небольших групп племени рауте. В дистриктах Джумла, Мугу и Хумла кхасы проникли даже в трансгималайские долины и соседствуют там с бхотиями. На остальной территории Непала они сосуществуют с разными племенами. В основном они живут в Срединной зоне, где долины расположены достаточно низко для выращивания риса. Они вытеснили оттуда местные племена, заставив их отступить к подножию Гималаев или на склоны хребта Махабхарат. И наконец, в прошлом столетии, но особенно после уничтожения малярии в текущем, многие сотни тысяч из них, привлеченные нетронутыми, пригодными для расчистки землями, спустились во внешние и во внутренние тераи.

Наименования этого этноса не раз менялись в течение веков: название «кхасы» приобрело в XIX веке уничижительный оттенок и было отброшено; на смену ему пришло слово «парбатия», что означает «житель гор», в противоположность неварам, обитающим в долине Катманду. Обозначали их также не очень внятным термином «горкха», или «горкхали», по имени царствующей династии, которая утвердила в стране свое практическое господство⁵⁰.

До последнего столетия их язык назывался кхаскура, язык кхасов, или парбатия, либо горкхали. Теперь его предпочитают называть просто непали, поскольку он стал официальным языком Королевства Непал и общепринятым языком во всех горных районах. Непали принадлежит к индоарийской языковой семье, как и языки группы пахари, на которых говорят в Центральном Гималае; в эту группу кроме непали входят языки кумаони и гархвали. Язык непали, на котором говорят в Центральном и Восточном Непале, удивительно цело-

стен и однороден, поэтому он и был возведен на уровень официального государственного языка. Западный Непал сохранил свои диалекты и говоры, которые, как, например, в дистриктах Джумла и Доти, малопонятны для чиновников, прибывающих из Катманду.

Точно численность парбатиев назвать трудно. Единственное, что дала последняя перепись 1961 года, это число лиц, объявивших, что их родной язык — непали, то есть 4800 тысяч человек. Цифра эта явно преувеличена, ибо в нее вошли племена, недавно сменившие свой собственный язык на непали и даже сохраняющие родную речь, но утверждающие, будто говорят на непали, потому что это престижно. Даже если исключить несколько сотен тысяч таких самозванцев, все равно парбаты останутся самыми многочисленными, намного превосходящими даже индуистов тераев, которых около двух миллионов. Всех остальных племен немного, за исключением тамангов (почти полмиллиона). Эти цифры не следует терять из виду, потому что политическое и социальное превосходство парбатиев основано прежде всего на их численном превосходстве.

Касты

Система парбатийских каст известна лучше всех других. Ее изучали многие этнографы. У парбатиев сложился один из вариантов индуистской кастовой системы, но у них она гораздо проще, чем у индуистов равнины или неваров. Система эта характерна не только для Непала, она общепринята у всех индуистов Центральных Гималаев, говорящих на языках пахари, а следовательно, в Кумаоне и Гархвале. Кхасы принесли ее с собой во время долгой миграции на восток, а происхождение ее теряется во тьме предыстории. Такую социальную однородность Центральных Гималаев можно объяснить лишь тем, что они были заселены кхасами задолго до того, как этот регион вошел в историю при династиях кумаонских Катиури в VII—VIII веках и западно-непальских Малла в XII веке. Мы опишем эту систему, основываясь на собственных наблюдениях, сделанных в Западном Непале где она лучше сохранилась, отмечая попутно упрощения, введенные в центре и на востоке страны.

Чистые касты

В чистые касты входят в основном дваждырожденные, представленные только двумя первыми варнами.

Брахманы распадаются на две отдельные касты. Обе они, если верить неподтвержденной устной традиции, пришли из области Канаудж в Индии задолго до того, как история стала упоминать Гималаи. Касты эти различаются по местам первоначального расселения в горах. Первая, кумай, как указывает название, обосновалась сначала в Кумаоне, к западу от реки Махакали, по которой теперь проходит западная граница Непала. Члены ее до сих пор составляют большинство населения приграничных дистриктов, но многие расселились по всей стране. Вторая каста, пурбия, первоначально обосновалась к востоку от Махакали, на непальской территории, точнее, в долине Карнали, откуда и пошло ее название, которое означает «восточные брахманы». Обе касты претендуют на превосходство. На практике же брахманы обеих каст держатся как равные, но обособленные — они не принимают друг от друга вареной пищи: если мужчина одной касты женится на девушке из другой касты, что бывает очень редко, он не возьмет еду из ее рук, а женщина, ставшая женой члена другой касты, не смеет зайти в кухню дома своих родителей, когда приезжает к ним в гости. Дваждырожденные других каст считают первенствующей касту пурбия, несомненно, потому, что она теснее связана с непальской территорией и ее членов приглашают богачи для приготовления пищи. Вообще же члены обеих брахманских каст, пока они сохраняют свой статус, могут быть домашними жрецами и служить в храмах. Они по-прежнему считаются истинными хранителями знаний, а потому занимают значительную часть административных постов на всех уровнях.

Из детей членов обеих этих каст и их потомков образовалась низшая прослойка деклассированных брахманов, которых называют «джайси» (буквально «астрологи»). Для того чтобы дети полноправного брахмана были равны своему отцу, необходимо, чтобы их мать имела тот же статус и не была ранее замужем за другим. Таким образом, если брахман женится на разведенной или вдове, дети от этого брака будут джайси и смогут вступать в брак только с джайси. Они не имеют права выступать в роли жрецов. Им открыт доступ толь-

ко к второстепенным наукам, таким, как астрология, откуда и пошло их название. Однако не следует думать, что джайси составляют единую касту. Во-первых, они делятся на тех, кто происходит от кумай, и тех, кто происходит от пурбия, да и внутри этих двух подкаст существуют многочисленные градации, зависящие от того, сколько раз была прежде замужем их прародительница. Тут уж усложненность доходит до абсурда! Как гласит поговорка Западного Непала, если десяток джайси отправятся вместе в путешествие, им придется у десяти очагов готовить себе еду.

Три касты претендуют на статус кшатриев: это тхакуры, чхетри и бхаты.

Тхакуры представляют собой королевскую касту, которая объединяет царствующую семью, династию Шахов из Горкхи, и все княжеские семьи, которые были у власти до конца XVII века в конфедерациях «Двадцати двух» и «Двадцати четырех»⁵¹. В центральном и Восточном Непале их немного, в Западном же чрезвычайно плодовитые наследники семейства Малла оставили многочисленное потомство. Происхождение тхакуров до сих пор неясно. Они имели законное право на титул раджпутов, однако родословные, представляющие их потомками отважных воинов-раджпутов, бежавших из Индии от мусульманских захватчиков, наверняка недостоверны и составлены сравнительно недавно. Несколько княжеских семей, может быть, и переселились сюда в отдаленную эпоху из Индии, однако большинство тхакуров — местного происхождения. Они сами присвоили себе высокие титулы, после того как приобрели княжества. Их превосходство над чхетри несомненно, особенно на западе Непала, да и в других сельских районах; различие сгладилось только в среде аристократии Катманду, в эпоху правления династии Рана. Джанг Бахадур Рана, захватив власть, заставил короля подписать эдикт, возвышающий его, прирожденного чхетри, до уровня тхакура, чтобы он мог разделять трапезу с королевской семьей, а его сыновья жениться на королевских дочерях.

Чхетри составляют самую многочисленную касту среди кшатриев. Само название их происходит от искаженного санскритского слова «кшатри» и вошло в обиход сравнительно недавно (в XIX веке). Раньше их называли просто кхасами, ибо они были индоарийскими автохтонами Центральных Гималаев, над которыми одержали верх брахманы и тхакуры. Возвышение их до уровня

кшатриев происходило постепенно и не везде. Возможно, во времена Малла и наверняка в эпоху конфедерации «Двадцати двух» и «Двадцати четырех» большинство получило статус дваждырожденных и право носить священный шнур, подтвержденное королевским декретом. Процесс этот продолжался в нашем веке при правящей теперь династии. Во всяком случае, в Западном Непале осталось совсем немного кхасов, которые еще не получили священный шнур: это матвали-чхетри, о которых еще пойдет речь.

Чхетри, то есть кхасы, стоящие ниже тхакуров, образуют основную массу традиционно «чистого» населения — крестьян и солдат. Из этой касты вышли и знатные семейства, призванные сыграть первую роль в политической жизни страны.

Современные чхетри все предстают гордыми кшатриями, уверенными в непогрешимости своих придуманных родословных. Они переняли все, что могли, от индуизма, регулярно приглашают брахманов для совершения всех обрядов главных вех жизни, а также поклонения клановым богам и все носят напоказ священные шнуры. В большинстве своем они остались крестьянами, но из этой касты вербуются военные: конкурируя с племенами, они составляют значительную часть кадровых солдат и почти монопольно занимают высшие военные должности. В 1967 году 74 процента офицеров непальской армии были чхетри, в 1965 году они занимали 30 процентов административных постов, то есть шли непосредственно за брахманами, опережая неваров. Но главное, не следует забывать их политического значения: могущественные семейства, связанные с правящей династией, — в основном чхетри. Именно они дали Непалу крупнейших политических деятелей из кланов Тхапа, Баснет и Рана. А среди выборных представителей панчаятской системы они опережают даже брахманов.

Третья каста дваждырожденных, численно малозначительная, тоже претендует на статус кшатриев: это бхаты или райбхаты, генеалоги и панегиристы, составители хвалебных родословных. Откуда появились бхаты Центрального Непала, неизвестно. Вряд ли это наследственные генеалоги, скорее — потомки сомнительных браков между брахманами и чхетри либо «отрешенными от мира». В Западном же Непале бхаты сохраняют свою исконную профессию: составляют и хранят примитивные родословные своих клиентов — брахманов, тхакуров и

чхетри — и по заказу придумывают новые. Во время церемоний инициации и на свадьбах они в тюрбане и с копьем в руке — символами их профессии — распевают куплеты, содержащие благие предвещения, декламируют родословные своих патронов.

Других чистых каст у парбатиев нет. Вайшьев не существует вообще, а немногие оставшиеся в Западном Непале шудры — последние кхасы, еще не получившие права на священные шнуры, матвали-чхетри, которые не призывают брахманов для совершения семейных обрядов, а священнодействуют сами с помощью медиумов, дхами, о которых еще пойдет речь. Матвали (буквально «употребляющие алкогольные напитки») противостоят дваждырожденным, которым традиционно в Непале запрещено употребление спиртного. Матвали — шудры, те, кто не получил посвящения.

Матвали-чхетри — все из крестьян — по традиции составляют в Западном Непале массу самых обездоленных и бесправных поденщиков и батраков, из которых многие попадали в долговое рабство. В Центральном и Восточном Непале матвали чхетри давно уже нет. Их место заняли племена, которые тоже считаются матвали в кастовой иерархии.

Нечистые касты

Нечистых, не являющихся неприкасаемыми, среди парбатиев нет, как нет и каст цирюльников, мясников, прачек; маслобои же относятся к неприкасаемым. Однако у них встречаются представители нечистых и неприкасаемых каст других народов. Среди них есть и мусульмане, которых не очень много, но они довольно равномерно распределены по всей долине Катманду и в западных горах.

Нечистые парбатии все неприкасаемые. Они разделяются на семь каст, строго разграниченных по четырем уровням. Самыми достойными считаются камы, труженики, ремесленники. Часто это название переводят как «кузнецы», потому что кузнечное дело — их основная профессия, но фактически внутри данной касты различаются восемь ремесленных цехов, имеющих по традиции одинаковый статус: лохар, кузнецы; сунар, ювелиры; чунара, токари, изготавливающие деревянные сосуды; тамаута, изготовители котлов; од, каменщики и плотни-

кй; кумхале, гончары; парки, корзинщики; колы, ткачи.

Все эти восемь специальностей до сих пор существуют в Западном Непале, за исключением ткачества, которое не выдержало конкуренции с индийской промышленностью. В других частях страны сохранились лишь первые пять профессий; остальные три ремесла перешли в руки неваров и представителей племен. Да и первые две не слишком многочисленны; до сих пор среди парбатиёв встречаются еще токари по дереву, котельщики и плотники.

Вторая каста ставится представителями чистых каст ниже, ибо объединяет две крайне нечистые профессии: кожевников, сарки, и маслбоек, бхуль. Последнее ремесло сохранилось лишь в Западном Непале; в других местах остались только сарки.

Любопытны взаимоотношения между этими двумя кастами неприкасаемых: каждая считает себя выше другой. И ками, и сарки-бхуль не принимают друг от друга пищи и не вступают друг с другом в браки. Как и у брахманов, мы имеем дело с двумя равными, но разделенными кастами. Дети от редких браков между членами этих двух каст низводятся в промежуточную и неполноценную подкасту кадара.

Третья, стоящая значительно ниже двух первых, — каста портных-музыкантов. В Центральном и Восточном Непале их всегда именовали «дамаи», по названию одного из их музыкальных инструментов. В Западном Непале для обозначения их употребляют множество других терминов: «дхоли», или «тури» — от названий барабана и трубы; «ауджи» (этимология неизвестна); «дас» — божьи рабы (поскольку они участвуют в религиозных церемониях). Первая их профессия — портновская — сравнительно безобидна; вторая — музыкантов — превратила их в неприкасаемых, но абсолютно необходимых, ибо как музыканты они играют четыре важные роли. Прежде всего они герольды, которые во время торжественных, праздничных церемоний и на похоронах шумной музыкой своего оркестра восхваляют нанимающих их хозяев. Кроме того, они певцы и шуты: в Западном Непале они хранят в памяти и исполняют героические баллады о князьях и героях древних династий; пение дополняется мимической игрой и сопровождается танцами. В Центральном и Восточном Непале этот репертуар гершел к гаине, однако дамаи до сих пор исполняют танцы. Третья их роль — участие в религиозных обрядах:

Музыка — неотъемлемая часть торжественных церемоний, включающих благопожелания, особенно при посвящениях и на свадьбах. Наконец, музыка доходит до богов и вызывает трансы: на западе Непала музыканты ритмом своих мелодий помогают медиумам впасть в транс и регулируют его. В других районах в транс впадает и становится одержимым один из музыкантов.

Четвертая каста — это гаине, нищие менестрели. Теперь они полностью слились с парбатиями, переселились же они, видимо, с индийской равнины, неизвестно из какого района, в период позднего средневековья, чтобы служить князьям конфедерации Чоубиси («Двадцати четырех»). На бывшей территории этой конфедерации они до сих пор и держатся, их немного в Восточном Непале и совсем нет в Западном, откуда происходят парбатии, а это еще раз доказывает, что они пришли извне. Гаине поют, аккомпанируя себе на инструменте типа скрипки, развлекая князей, аристократов и богатей, для которых сочиняют свои песни и от кого получают богатые дары. А в остальное время они собирают милостыню, распевая песни у порогов домов. Кроме того, они ловят и продают рыбу. Из старого их репертуара остались только эпизоды из истории правящей династии, но помимо этого они сочиняют жалобные или сатирические песенки по случаю местных или национальных событий.

На пятом уровне располагаются музыканты, такие, которые не только собирают милостыню, но и заставляют плясать перед публикой своих женщин. Они образуют не одну, а несколько каст. В Западном Непале две древнейших: хуркия (или дас, скорее всего деградировавшая ветвь дамай, так как они занимаются и портняжным ремеслом) и бханд, шуты и скоморохи, которые на летних празднествах (в июле — августе) имеют привилегию передразнивать и оскорблять всех членов чистых каст и таким образом выманивают у них деньги.

В Центральном Непале есть еще одна каста такого же типа — бади. Они появились здесь не так давно, вероятно одновременно с гаине. Женщины их славятся легкостью нравов, музыка их — жалкое подражание модным индийским мотивам — совершенно бездарна. Кроме того, они специализируются на настройке барабанов, а также изготовлении маленьких глиняных трубок для курения табака и гашиша.

На этом перечисление каст можно закончить. Пар-

батии, люди сельские, никогда не строили больших городов и не знают подметальщиков-мусорщиков.

Итак, у индо-непальцев всего 16 каст, из которых четыре низкие так малочисленны, что ими можно пренебречь. Остается 12 значительных каст, то есть вдвое меньше, чем у индуистов тераев, неваров или даже мусульман из тераев. Однако это не означает, что парбатиям незнакомы постулаты индуистской идеологии, они имеют представление о тех кастах, которых у них нет, и постепенно пополняются неварами или выходцами из тераев. Неоспоримо влияние тех обстоятельств, в которых образовалась эта этническая группа более полутора тысяч лет назад.

Парбатии преимущественно горные и сельские жители; их всегда больше увлекали сельское хозяйство и военная служба, но никак не торговля, поэтому у них не было необходимости в особой касте торговцев⁵². Касты чистых шудр, представленные кхасами, не получившими второго посвящения, матвали-чхетри, поредели в результате массового возвышения многих из них до уровня дваждырожденных чхетри. Да и с самого начала среди кхасов не было собственно чистых каст ремесленников. Нет у них и касты нечистых, но не неприкасаемых, так как кхасы сами занимаются убоем скота (под видом жертвоприношений) и сами заботятся о своем теле.

Парбатии, как и подобает завоевателям, подняли основную массу своего населения до высших уровней духовной и светской власти, оставив внизу только неприкасаемых, которых возвысить невозможно и без которых нельзя обойтись. Свободный промежуток на среднем уровне занимают представители других народностей, которые служат победителям.

Парбатии разработали строгие правила для потомков от смешанных браков на основании правил ограниченной гипергамии, изложенной в классических текстах «Дхармашастры».

Под страхом потери своего статуса женщина не может выйти замуж за мужчину из низшей касты, однако мужчина может взять вторую жену из низшей касты, не теряя своего статуса, но при двух условиях: чтобы он не ел приготовленную ею пищу и чтобы эта женщина принадлежала к чистой касте (или была из племени). Это второе условие определяет границы гипергамии.

Статус детей от таких браков варьируется в зависи-

мости от статуса отца: принадлежит он к брахманам или к более низкой касте. В первом случае брахманы, не признающие даже детей от вдов и разведенных, разумеется, не могут принять в свою касту детей женщины низшего статуса, и они переходят в смешанную подкасту кхатри, входящую в касту чхетри. Если же отец из тхакуров или чхетри, дети остаются в его касте. Но они все же считаются несколько ниже других детей и могут жениться только на себе подобных по происхождению. Лишь через поколение этот «грех» с них снимается, и внуки такой пары становятся полноправными членами касты.

Отношения между кастами

Отношения между кастами особенно удобно наблюдать в Западном Непале, где живут практически одни парбатии.

Землевладельцами являются только дваждырожденные. Именно они основали деревни, порой очень древние; линиджи, восходящие к предкам-основателям, владеют основной массой полей и имеют право распоряжаться общинными угодьями (лесами и пастбищами) через посредство деревенского старосты, мукхия, который всегда бывает старшим из старшей ветви. На крайнем севере, например в дистриктах Джумла и Баджура, дома зачастую группируются компактными комплексами с отдельными кварталами для каждой из высоких каст и для неприкасаемых. Однако в южных районах Западного Непала, как, впрочем, и в других районах страны, селения, как правило, широко разбросаны: у каждой высокой касты своя собственная деревушка, на окраинах которой ютятся зависящие от нее неприкасаемые. Но как бы ни располагались селения, решающий фактор повсюду один и тот же: все земли принадлежат высшим кастам.

Среди них наибольшим престижем и самыми крупными доходами пользуются брахманы в силу своих жреческих функций и веками накопленных земельных держаний, а также тхакуры, потомки древних княжеских кланов. Большое количество чхетри, хотя они ниже тхакуров по статусу, тоже не обездолены, однако по сравнению с первыми двумя аристократическими кастами это простые люди. Из их среды выходят неквалифицирован-

ные работники, а раньше выходили рабы, чьи потомки образуют ныне касты гхарты и деука, стоящие на уровне шудр. В настоящее время, в связи с перенаселенностью и нехваткой земли, за неквалифицированную работу берутся представители всех каст — от брахманов до неприкасаемых.

На фоне общей массы землевладельцев здесь выделяются две большие группы специалистов: брахманы и неприкасаемые. Первые, как правило (не следует забывать, что значительное число брахманов обеднело), пользуются двумя преимуществами: они являются самыми крупными землевладельцами и одновременно занимаются самой доходной профессией. Однако в обеих брахманских кастах лишь меньшинство играет роль священнослужителей и получает за это обусловленный гонорар. Правда, в Западном Непале сохранилась традиционная система, по которой взаимоотношения между хозяином дома и его брахманом — наследственные: даже если какой-то клан брахманов уже не выполняет жреческих обязанностей, он продолжает получать от своих хозяев погребальные дары, кстати самые богатые, в то время как другие брахманы, действующие в качестве жрецов, получают только освященную обычаям плату.

Другие специализированные занятия делят между собой неприкасаемые. У парбатиев нет ни вайшьев, ни чистых каст ремесленников, поэтому все ремесла монополизированы неприкасаемыми. Вот почему противопоставление чистых каст и неприкасаемых еще более усилилось: представители первых — это господа, а ремесленники-неприкасаемые, носящие общее имя «дум» («дом»), не только зависят от них в экономическом отношении, но и стоят неизмеримо ниже по статусу. В то же время они необходимы хозяевам домов из чистых каст так же, как и брахманы, — для выполнения особых дел (например, выделки кож), налагающих по религиозной традиции статус неприкасаемых.

В экономическом плане отношения между чистыми кастами и неприкасаемыми строятся по трем различным путям. Во-первых, на личных связях. Специалист связан годичным контрактом с рядом хозяев, которые обеспечивают ему твердое вознаграждение в виде части урожая. Такие контракты заключаются только с представителями трех каст, чьи услуги требуются постоянно, а именно: ками, специалистами по кузнечному делу, а также — и по ювелирному; сарки (кожевники-сапожни-

ки); дамаи (портные-музыканты). Во-вторых, устанавливаются чисто коммерческие отношения, со сдельной оплатой услуг. Так, используют ремесленников из касты ками, чьи услуги требуются не так часто: токарей по дереву, плотников-каменщиков, гончаров, корзинщиков и ткачей. Раньше, вероятно, оплачивали и маслобоев, бхуль. Третья система отношений применяется к нищенствующим группам: касты музыкантов и танцоров, то есть хуркия, бханд и бади, получают только то, что им подают в домах чистых каст. Некоторые «отшельники», сохранившие идеал бедности, также живут за счет подающих.

Эти традиционные отношения между парбатийскими кастами, легко выявляемые в Западном Непале, сохранились и в Центральном и в Восточном Непале, но там они не столь очевидны из-за этнической пестроты, которая усложняет систему взаимоотношений. В общество парбатиев там вошли отдельные касты, например гаине, которые естественно включились в разряд нищенствующих; мусульмане-чурауте, приспособившиеся ко второму типу отношений (сдельной оплаты за услуги). Вошли в парбатийское общество и целые этносы, например отдельные племена. Их включение в систему парбатийских (или индо-непальских) каст вызывает определенные осложнения.

Ритуалы

Буддизм был широко принят у парбатиев в эпоху королей Мэйлла, но в конце XV века он окончательно исчез, уступив место индуизму в его самой традиционной и консервативной форме.

Не стоит особо останавливаться на обычном ритуале, настолько он действительно обычен и традиционен. В обрядах главных вех жизни парбатии придерживаются предписаний «Гриха-сутры», соблюдая следующие сроки.

На шестой день после рождения ребенка происходит церемония «чаити». С этого момента будущее новорожденного считается предопределенным богиней судьбы, и он вступает в общественную жизнь: его показывают родственникам и соседям, которые поздравляют счастливого отца, повязывают ему тюрбан и одаривают деньгами. После этого все мужчины становятся в круг, пляшут и поют под музыку дамаи старинные песни.

На десятый или тринадцатый день под руководством семейного брахмана совершается обряд нваран, когда ребенку дают имя и весь линидж подвергается очищению.

Первый прием твердой пищи, пасни, празднуется на пятом или шестом месяце, обязательно под руководством брахмана, которому помогают молоденькие девушки. Первая стрижка волос делается в возрасте 4—5 лет. Однако самые важные церемонии, собирающие множество гостей,— это посвящение и свадьба.

Обряд посвящения, который предпочитают называть на непали врата-бандха, празднуется только мальчиками из каст дваждырожденных в возрасте от 8 до 12 лет. Брахман обучает подростка первым ведическим формулам и как бы посвящает его в ученики. Юный посвященный делает вид, что сейчас пойдет собирать милостыню по домам, а потом отправится учиться в Бенарес; мать и дядя с материнской стороны удерживают его, и в конце концов он остается в родительском доме, считаясь отныне полноправным членом касты.

Через несколько лет женитьба сделает его хозяином дома, который может совершать все церемонии, а также дать жене полный статус своей касты.

Первый брак представляет повод для самых пышных празднеств. Жених с мужчинами своего семейства отправляется к дому невесты в сопровождении многочисленного кортежа, во главе которого идут музыканты, дамаи. В доме невесты между вечерним пиршеством и вторым (в полдень следующего дня) происходят бесконечные религиозные церемонии: близкие и далекие родственники невесты моют ноги молодоженам и одаривают их деньгами и кухонной утварью, что составляет приданое; затем отец торжественно вручает свою дочь зятю, сопровождая это еще более щедрыми подарками; и наконец, у алтаря, воздвигнутого во дворе дома, брахман приносит священную жертву, скрепляющую союз новобрачных, которые принимают в этом ритуале активное участие. Молодая жена трогательно прощается со своими родителями, проливая искренние (или не очень) слезы. Ее затем отводят, по крайней мере на несколько дней, к мужу, где она посвящается в свою новую роль хозяйки дома, под неусыпное наблюдение свекрови.

Все эти праздничные церемонии в малейших деталях отражают структуру парбатийского общества. Тут учитывается все, и прежде всего отношения между каста-

ми. Чтобы отпраздновать свадьбу по всем правилам, необходимо, чтобы жених и невеста принадлежали к одной касте или к самым близким кастам. Брахманы за весьма солидное вознаграждение участвуют в этих церемониях в качестве специалистов высшего статуса, а неприкасаемые, связанные со своими хозяевами личными договорами, выполняют свои специфические обязанности: музыканты, дамаи, шьют и играют, так как они одновременно и портные, сарки и ками получают свою долю подарков и угощений. Остальные касты неприкасаемых, имеющие с хозяевами чисто деловые отношения, а также нищие всегда могут участвовать в этих празднествах и получать свою долю с пиршественного стола.

Родственные отношения во время свадебных обрядов выявляются особенно ярко: члены линиджа, который забирает невесту, всегда считаются выше тех, кто ее отдает: они получают щедрые подарки, а взамен отделяются только символическими благодарностями. Таким образом, на свадьбе зять и его родня получают от тестя все: невесту, приданое, ценные дары. Взамен они одаривают семью невесты только печеньями и прочими слястями.

Эти односторонние отношения сохраняются и в следующем поколении: внук, сын дочери хозяина дома и этого зятя, занимает в доме деда такое же место, как и его дядя по материнской линии.

Погребальные церемонии, а также культ божеств клана свидетельствуют о солидарности членов линиджа: все они ответственны за умершего, чья смерть погружает их в состояние коллективной нечистоты. Они обязаны носить траур в течение десяти или тринадцати дней и участвовать в обрядах, способствующих душе покойного добраться до страны предков. Все они периодически славят культ одних и тех же предков, примерно в одно и то же время, хотя и раздельно. Эти церемонии помогают сохранить родовые предания. И наконец, они коллективно прославляют богов своего клана.

Во время погребальных церемоний брахманы играют самую главную роль и получают за это соответствующее вознаграждение. На похоронах брахман не только исполняет ритуальные обряды, но и в какой-то мере воплощает покойного. Все, что преподносится брахману, по поверью, идет на пользу умершему. Брахман получает не только одежду, постель и посуду умершего, но и его коров, а также значительные суммы денег.

Календарные праздники парбатиев хотя и не столь театрально-пышны, как у неваров, но все же достаточно заметны, ведь они официально знаменуют нерабочие дни.

Зимнее солнцестояние отмечается купанием и пирушкой, летнее — в разгар самого неблагоприятного сезона — обрядами изгнания злых сил. Истинное начало нового, религиозного года наступает в конце сезона муссонов вместе с праздником дасаин, в честь трех богинь, а главным образом в честь Дурги. Боги, покинувшие землю в сумрачный сезон муссонов, возвращаются на нее под охраной богинь. Жизнь возрождается на всех уровнях, начиная с королевской семьи. На седьмой день целые процессии приходят с приношениями к древнему королевскому дворцу. В Катманду в главном гарнизоне на восьмой день праздника приносят в жертву множество козлов и буйволов. На десятый день король устраивает торжественную аудиенцию для всех офицеров, высших чиновников и знати, во время которой он ставит всем приглашенным цветную метку на лоб.

Этот праздник, необычайно пышный в Катманду, отмечается одновременно повсюду, но уже не с таким размахом. В столицах древних княжеств, в главных городах дистриктов, в центрах старых округов, тхум, и далее вплоть до самых мелких административных единиц, селений и деревень, где всем заправляет староста из линиджа. И разумеется, в каждом семейном доме.

Повсюду — праздник обновления: все заново перекрашивают дома, чинят дороги, размытые во время муссонов, каждая семья воздаст почести своим богиням; воины посвящают им свое оружие, ученые — свои книги, ремесленники — свои инструменты. На десятый день младшие воздают почести старшим, низшие по статусу — высшим. Иерархия подтверждается на всех уровнях — в семье, линидже, административных подразделениях. В этот день слуги получают новогодние подарки, а брахманы посещают своих патронов, воздают им почести и получают определенную сумму, которая означает, что контракт с ними возобновлен на следующий год⁵³.

В октябре — ноябре наступает праздник огней, дивали, который длится пять дней после новолуния. Если предыдущий праздник имел политическую окраску, то этот носит семейный характер. Два первых дня его посвящены предкам, которых чтят либо непосредственно, либо через воронов, воплощающих мертвых, и со-

бак, олицетворяющих священных церберов, которые охраняют вход в потусторонний мир. Начиная с третьего дня возносят молитвы прежде всего о благополучии семьи; поклоняются главной богине благоденствия Лакшми, супруге бога Вишну. В ее честь на улицах и в домах устраивают иллюминацию; дети зажигают ракеты и хлопушки, хозяева домов освящают свои деньги, посуду и все ценные вещи. В этот день купцы подводят итоги за год, думая о последней возможности испытать удачу. До недавнего времени азартные игры на деньги (в карты или в кости) официально разрешались во всем королевстве только во время этого праздника. И до сих пор люди тайком решаются на риск и ставят порой на кон весьма значительные суммы, ибо это еще один способ воздать честь богине Лакшми.

После денег второй высокочтимый символ богатства — скот. Поэтому на третий день праздника чествуют быков, на четвертый — коров. На пятый день праздник принимает еще более широкий размах: сестры приглашают к себе в гости братьев, угощают их и в трогательной церемонии оказывают им почести, как богам. Благодаря этой церемонии они отводят от своих братьев на целый год бога смерти Яму, а братья взамен должны сделать сестрам щедрые подарки.

В марте — апреле празднуется малый дасайн, аналогичный по духу большому, но ограниченный только одним днем, когда совершаются жертвоприношения и обряды, а также устраиваются пиры. В этот день неприкасаемые ремесленники возобновляют ежегодные контракты с хозяевами.

Холодные месяцы проходят без всяких торжеств; отмечают только день зимнего солнцестояния — 15 января. С первыми теплыми днями начинается целая серия праздников, олицетворяющих возвращение к жизни.

В феврале — марте — день рождения бога Шивы. Затем следует холи (хори), нечто вроде карнавала: всюду зажигают новые огни; в Западном Непале мужчины водят хороводы и поют; все бросают друг другу в лицо пригоршни красного порошка и обмениваются солеными шуточками. Несколько недель спустя весенний праздник отмечает начало первых земледельческих работ, весенней вспашки. С этого дня и до лета в деревнях прославляют каждый месяц бога полей Бхумидевта, чтобы заручиться хорошим урожаем, а при наступлении жаркого сезона умоляют богинь отвести от людей болезни.

Затем наступает период муссонов, а вместе с ним тяжелейший труд — посадка рисовой рассады. В этот период отмечают два малых праздника: поклонения змеям — повелителям дождей и владыкам подземного мира, а в июле — августе — полнолуния, предвещающего начало возвращения богов на землю. Это поворотный момент в сумрачном сезоне муссонов. Скоро вновь установится законный порядок. Дваждырожденные совершат очистительное омовение в реках и повяжут новый священный шнур, после чего возобновят исполнение правил своей касты на целый год.

Но вскоре, в сентябре — октябре, наступают две мрачные недели убывающей луны, когда всем надлежит воздать почести своим предкам.

А затем приходят две светлые недели и новый дасайн, и... календарный цикл возобновляется.

Традиционным религиям и цивилизациям свойственно делить год на регулярно повторяющиеся циклы. Такое миропонимание символизируется у парбатиев качелями, которые сооружают в каждой деревушке в промежутке между праздниками дасайн и дивали. Кроме качелей здесь строят «чертовы колеса» — большое колесо с четырьмя сиденьями вращается вокруг горизонтальной оси, укрепленной на двух столбах, врытых в землю. Девушки занимают сиденья, а их ухажеры стоят у столбов и крутят колесо. В течение целых недель по вечерам до поздней ночи непрерывно раскачиваются качели и вертятся «чертовы колеса». Время проходит, и одинаковые отрезки, на которые оно делится, повторяются, календарные циклы бесконечно сменяют друг друга.

Сведущие старики говорят, что раскачивание качелей и вращение «чертовых колес» помогает покойникам добраться до страны своих предков. Так или иначе, молодежь получает от этих качелей и колес большое удовольствие: они забавляются, поют песни, и юноши ухаживают за девушками.

Все было бы хорошо, если бы эти забавы и ритуалы могли предотвратить чрезвычайные, непредвиденные события или вмешательство злых духов — провести различие между тем и другим довольно трудно. Несчастья, эпидемии — неотъемлемая часть жизни человеческой. Чтобы противостоять этим бедствиям, парбатии прибегают к экстраординарному ритуалу. Специалисты его — медиумы, которых называют «дхами» («колдун», «волшебник»). В Западном Непале, откуда происходят дха-

ми, все медиумы связаны с храмами местных божеств, где они впадают в транс под музыку дамаи; после ритуального танца, в котором они с помощью пантомимы изображают снизошедших к ним богов, медиумы садятся на трон, и боги предсказывают их устами будущее и отвечают тем, кто испрашивает помощи. Такие советы медиумы-оракулы дают во время каждодневных церемоний, но самыми действенными считаются те, которые происходят трижды в год по праздникам полнолуния. Однако в крайних случаях верующие организуют у себя церемонии с участием медиума, оплачивая также и музыкантов, дамаи, участвующих в церемонии.

Медленно продвигаясь в центр и на восток страны, парбатии сохраняли своих дхами, однако уже не строили для них в деревнях особых храмов. Эти медиумы впадают в транс на церемониях линиджа в честь местных божеств или предков, погибших неестественной смертью. В Центральном и Восточном Непале они уже не прибегают к помощи неприкасаемых-музыкантов и действуют чаще всего без музыкального сопровождения, а иногда сами аккомпанируют себе, отбивая ритм на латунном блюде, как на гонге. Они дают советы прежде всего членам своего линиджа, но по приглашению ходят также к другим членам своей касты или других каст и даже к представителям различных племен и к мусульманам, у которых, кстати, имеются свои медиумы того же типа.

В Центральном и Восточном Непале существуют, кроме всего прочего, специалисты смешанного характера, джанкри, из парбатиюв и из представителей племен — происхождение тут значения не имеет. Это сочетание шамана и дхами. От первого джанкри унаследовал экзотический наряд, барабан и способность впадать в состояние одержимости, когда душа его может путешествовать по всем мирам; однако это случается редко, только при обряде посвящения или на ежегодной церемонии в честь божеств, в полнолуние июля — августа. По своим приемам и образу действия джанкри — медиум, ибо впадает в транс. Божества сотрясают его тело и вещают его устами. Пантеон его божеств чрезвычайно эклектичен и синкретичен: в нем собрано все, что может пригодиться, как из мифологии шаманов, так и из верований дхами.

МОНАРХИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Мы познакомились с многими народами Непала, подчеркнув их различия в языке, культуре и местах расселения. Такой анализ был необходим, чтобы понять, как они живут, как определяют себя и что определяет их облик, образ жизни и поведение. Все эти народы не враждебны друг другу: они не только сосуществовали, но и поддерживали непрерывную связь на протяжении веков, а в конце XVIII века объединились в одно королевство, которое доказало свою жизнеспособность.

Как же складываются взаимоотношения между всеми этими народами в наш двадцатый век? Все ли они одинаково включились в жизнь государства? Не остался ли кто-нибудь позади? Иными словами: достаточно ли прочна интеграция народов Непала?

Факторы интеграции связаны с индуистской цивилизацией, доминирующей на всей территории страны, а именно с тем ее вариантом, который образовался у господствующего этнического большинства парбатиев. Эти факторы, тесно слившиеся в тоталитарной концепции общества и государства, трудно разделить. Однако мы попытаемся рассмотреть их отдельно, учитывая исторические эпохи, когда эти факторы давали себя знать, и анализируя влияния кастовой системы, административных объединительных актов.

КАСТОВАЯ СИСТЕМА

Представленный выше обзор народов Непала позволяет судить о том, насколько различны у них понятия об обществе и социальной иерархии. Мы познакомились с племенным эгалитаризмом, особой иерархией у тибетских бхотиев и гурунгов и, наконец, с кастовой си-

системой. Однако в основном эти различные взгляды имеют чисто местное, внутреннее значение, в пределах данного народа; концепций, имеющих более широкое значение, немного. Одно племя не может противопоставить себя всем другим племенам или кастам, не может сказать: «Мы и все остальные...» То же относится к тибетским представлениям об обществе, которые сохраняются только на крайнем севере Непала. В конечном счете общим для всех непальцев, членов не только каст, но и племен, и даже для бхотиев, в их отношениях между собой является стереотип поведения в условиях кастовой системы.

Часто говорят, что современная кастовая система произвольно введена правящей династией. Но это совсем не так: она входила в жизнь постепенно.

Очевидно, что эта кастовая система определяет место в обществе каждого его члена: ведь все народы, признающие эту систему, — индуисты тераев, невары, парбатии и в меньшей степени мусульмане — имеют примерно одинаковые представления о социальной иерархии. Им легко определить положение человека на любом социальном уровне, и они это делают автоматически. Брахман, кто бы он ни был — парбатий, житель тераев или невар, — всегда брахман и пользуется всеобщим почетом. Остальные дваждырожденные — кшатрии и вайши — тоже сразу признают друг друга.

Брахманам и кшатриям почти монопольно принадлежит власть — духовная и светская. А на противоположном конце иерархии находятся нечистые, и, каково бы ни было их происхождение, они будут нечистыми для всех людей каст у любого из народов Непала. Парбатии и население тераев одинаково не принимают воду из рук неварских мясников, касай, живущих практически повсюду. То же относится и к неприкасаемым, которые для всех чистых каст остаются неприкасаемыми, куда бы они ни переселялись, даже если обратились в мусульманство. Всех живущих в тераях парбатийских ками, сарки и дамай считают неприкасаемыми.

Однако кастовая система благоприятствует все же национальной интеграции, поскольку как-то определяет место народов, не принадлежащих к кастам, но входящих в эту систему на двух уровнях — чистых шудр и нечистых, но не относящихся к неприкасаемым.

На первом из этих уровней оказываются все племена; это общее правило, и его надо помнить, чтобы по-

нять, каким образом народы столь различного происхождения и разной культуры могут не только входить в одно государство, одно политическое объединение, но и в значительной степени составлять одно общество.

Правило это не знает исключений: в горах люди чистых каст принимают воду от всех племен, даже от кусунда и рауте, которые только еще переходят к оседлому образу жизни; женщины из всех племен могут быть избраны во вторые супруги мужчинами чистых каст. Ни один из племенных обычаев, каким бы он ни казался неприемлемым для правомерных индуистов, не может служить препятствием: никому не мешает, например, то, что магары, таманги и кираты едят свинину, подобно неприкасаемым. Не мешают и религиозные различия, как бы далека ни была религия от индуизма. Буддизм с точки зрения общественной и политической полностью приравнивается к индуизму. Что же касается племенных верований, в которых проявляется совсем иное миропонимание, то их просто-напросто не замечают: западные магары или кираты сходят за индуистов. То же самое и в тераях: здесь не только вездесущие тхару, но и санталы и раджбанси считаются чистыми у индуистов равнины и у парбатиев, которые сюда переселились: все принимают воду из их рук, а их женщин берут в качестве вторых жен или наложниц.

Племена, со своей стороны, вполне усвоили иерархические различия статуса, и, хотя внутри племени существует равенство всех его членов, в отношениях с посторонними требуется соблюдение статуса, который полагается данному члену племени с индуистской точки зрения к посторонним, то есть признается превосходство брахманов и других высоких каст уровня кшатриев, и принимают пищу из их рук, но в сношениях с нечистыми всячески выказывают свое превосходство.

Это особенно ярко проявляется, когда члены племен вступают в контакт с нечистыми, но не с неприкасаемыми, такими, как дхоби, или с мусульманами: они не принимают из их рук воду. А что касается неприкасаемых, то члены племен не только не принимают от них воду, но и избегают с ними физического соприкосновения и никогда не пускают их в свои дома.

Таким образом, большинство представителей племен отнюдь не чуждо кастовым индуистам, а, наоборот, органически включается в кастовое общество на определенном уровне иерархии: пользуется некоторым уваже-

нием у высших каст и гордо возвышается над нечистыми.

В кастовой схеме есть еще место, далеко не почетное, для тех, кто по своему происхождению или хотя бы по религии относится к чужеземцам, к некоренным обитателям Индийского субконтинента — «варварам», млеччха. Так называли в древности греков Александра Македонского, а также варварские орды гуннов, хлынувших из Центральной Азии. В средние века и позднее тот же термин применялся к мусульманам, а в новое время — к европейцам. Именно в этом смысле их определял правовой кодекс, действовавший до 1963 года: все чужеземцы, млеччха, относились по нему к разряду нечистых, но не неприкасаемых. В этот разряд входили две «касты»: мусульмане и европейцы. И такое деление не было произвольным актом законодателя: оно основывалось на глубоко укоренившихся понятиях представителей каст.

Из этих двух «каст» в Непале лучше прижились мусульмане. Остается лишь удивляться, почему они все были отнесены к одной «касте». Как мы уже видели, мусульманское общество, особенно в тераях, но также и в горах, разделено на множество каст. Однако с точки зрения индуистов, эти внутренние подразделения не имеют значения, как и то, что большинство мусульман — это обращенные в ислам выходцы из индуистских каст⁵⁴. Решает дело то, что все мусульмане, независимо от их происхождения и касты, исповедуют чужеземную веру, противостоящую индуизму и чуждую индуистскому обществу. Легко заметить разницу в отношении к мусульманам, чья религия считается варварской, и к буддистам или членам племен, чьи верования совместимы с индуизмом и даже во многом совпадают с ним.

Как же мусульмане реагируют на отведенное им столь низкое положение? Они не признают религию брахманов, а потому плохо переносят презрение высоких каст. В Непале они образуют не имеющие никакой власти меньшинство, и им остается лишь смириться. Впрочем, в сельских местностях их смирение искренне: они соблюдают кастовый этикет, принимают пищу, приготовленную теми, кто стоит выше их. Но, как и всюду, им нужны нижестоящие! Включение в кастовую систему у них, как и у племен, выражается главным образом в отношении к нижестоящим. Мусульмане отстаивают свой невысокий статус, отказываясь принимать пищу и воду от неприкасаемых и запрещая им входить в свои дома.

А как обстоит дело с «кастой европейцев»?

Как и у мусульман, к этой категории отнесены не только выходцы из Европы и Америки, но и все индийцы или непальцы, принявшие христианство. Конкретные отношения трудно определить, ибо до недавнего времени ни один европеец не мог обосноваться в Непале, а обращение в христианство было запрещено. Здесь имеется очень мало индийцев-христиан и непальцев, обращенных в христианство, своего христианского сообщества они не образовали.

В принципе к ним относятся так же, как к мусульманам: они считаются нечистыми, но не неприкасаемыми. Путешественник с Запада, который удаляется от европеизированных кварталов столицы Непала, должен все время об этом помнить: его повсюду встретят доброжелательно, ибо гостеприимство — одно из достоинств непальцев; будут относиться с почтением к его богатству — истинному или показному, — но в глазах индуистов из чистых каст и даже представителей племен он все равно останется «варваром». Ему лишь в редких случаях дозволят войти во внутренние помещения дома, его никогда не подпустят к кухонному очагу. Ему надо помнить, что он не имеет права прикоснуться к сосуду с питьевой водой и, боже упаси, к пище, которая готовится на очаге! Есть он будет отдельно, один в своем уголке, а посуду, которой пользовался, потом подвергнут тщательному очищению.

Таким образом, заботясь о сохранении статусов, кастовая система по-своему способствует объединению всех народностей, ибо в ней предусмотрены места для всех. Индуисты составляют большинство, и никто ничего не может с этим поделать. Поэтому каждый волей или неволей — чаще по доброй воле — подчиняется правилам, определяющим его отношения с окружающими.

Кастовая система и по-другому способствует объединению нации: регламентацией взаимного обслуживания. Непал — страна преимущественно сельскохозяйственная. Земли в основном находятся в руках высших каст, остальные участки принадлежат племенам. Землевладельцы нуждаются для обработки своих полей и в домашнем хозяйстве в услугах батраков или ремесленников. Кастовая система, как мы уже видели, частично основана на общественном разделении работ внутри каждой этнической группы представителей каст. А теперь попытаемся взглянуть на это более широко. Путешествуя по Непалу, сразу отмечаешь, что различные его

народы превращаются в людей определенной профессии, обслуживающих членов других каст, и что все они входят в единую экономическую систему, на которой, собственно, и основана древняя индуистская кастовая система. Это относится не только к взаимоотношениям между различными народами, вошедшими в состав кастового общества, но и к отношениям между племенами и представителями каст. За доказательствами далеко ходить не приходится.

Касты дополняют друг друга. Мусульмане же дополняют всех прочих. Многие из них поселились в непальских тераях и в долине Катманду, чтобы оказывать услуги представителям каст как специалисты оптовой и розничной торговли, а также в качестве ремесленников, делающих стеклянные и другие украшения. Королевские и княжеские семьи приглашали их также для изготовления огнестрельного оружия и обучения обращению с ним, для устройства роскошных пиров с музыкой по индийскому образцу (мусульмане готовили кушанья и выступали в качестве музыкантов). И наконец, значительная масса безземельных мусульман в последние десятилетия переселилась в Непал, особенно в тераи, чтобы работать на полях крупных помещиков, главным образом индуистов. А мусульмане, будь они торговцами, крестьянами или ремесленниками, прибегают к услугам специалистов из индуистских каст.

Взаимосвязь парбатиев с неварами, а отчасти и с индуистами тераев, возникшая еще в позднем средневековье, быстро укреплялась, особенно после объединения Непала. Невары всегда пользовались услугами жителей равнины, из которых кое-кто влился в их общество, например брахманы из Митхилы и прачки. Сами мало склонные к воинским подвигам, невары до 1769 года нанимали массу иноплеменных солдат и призывали к себе на службу парбатийских военачальников. И наоборот, до той же самой даты парбатии, неважные торговцы и плохие ремесленники, прибегали к помощи более искусных в этих делах и лучше организованных неваров. Последние создали по всей стране целую сеть больших базаров, превратившихся частично в настоящие города, такие, как Покхара, где была сосредоточена вся крупная торговля. Неварские медники постепенно вытеснили менее умелых парбатийских неприкасаемых, изготавливавших бронзовые и медные изделия; неварские гончары заменили парбатийских и племенных горшечни-

ков, а их плотники превзошли всех других плотников. Невары, поселившиеся вне долины Катманду, часто прибегают к услугам парбатийских брахманов, кузнецов и портных-музыкантов. В самой Долине невары вполне обходятся своими силами, а вот парбатии вынуждены прибегать к услугам неварских ремесленников.

Связи между жителями гор, парбатиями и неварами, с одной стороны, и индуистами тераев и мусульманами — с другой, далеко не так прочны из-за географических и культурных барьеров. Торговля сосредоточена главным образом в руках жителей тераев. В сельском хозяйстве доминирует брахманско-чхетрийская аристократия, которая распоряжается большей частью обрабатываемых земель, однако лишь из малой доли их они умеют извлекать достаточные доходы. В этом отношении жители гор до сих пор в какой-то мере зависят от арендаторов и батраков с тераев. Таким образом, все касты дополняют друг друга, причем без подчинения не обойтись; пусть невары и жители тераев превосходят других ловкостью и умением, доминируют все же парбатии.

Касты и племена также успешно сосуществуют, взаимно дополняя друг друга. Первые нуждаются во всяческих услугах — ремесленников, батраков. Многие племена имеют свои земли, но тем не менее поставляют рабочих-арендаторов, батраков и носильщиков. Это, в частности, относится к району тераев, где земли распределены крайне неравномерно и где члены племен тхару особенно легки на подъем: именно их нанимают для расчистки земли для обработки полей. Из племен рекрутируется основной контингент рядовых непальской армии, а офицерские должности занимают в основном чхетри и тхакуры. Среди тех же племен набирают теперь слуг, а когда-то покупали домашних рабов.

Племена издавна оказывали ряд специализированных услуг, дополняя или вытесняя касты ремесленников. Некоторые пользуются почти абсолютной монополией в своей области, приближаясь к ремесленным кастам. Так, например, маджхи являются признанными перевозчиками на всей территории Непала, а гончары, кумхале, вытеснили парбатийских неприкасаемых-горшечников, но потом сами отступили перед конкуренцией неваров.

Другие племена, хотя и не добились монополии, издавна преуспели в каких-то ремеслах. Большую часть корзин изготавливают племена. Неприкасаемые корзищики, парки, из касты ками работают только в горах

крайнего запада. В тераях неприкасаемых-корзинщиков слишком мало. Поэтому самую большую часть корзин, циновок, заплечных плетенок и тому подобного поставляют в горах магары, гурунги, таманги, раи и лимбу, на подступах к Долине — пахари, а на равнине — тхару. Так же обстоит дело и с ткачеством. Коли с крайнего запада давно уже оставили это ремесло, теперь хлопковые ткани изготовляют невары и племена. Гурунги и бхотии по-прежнему ткнут шерстяные одеяла и ковры. И наконец, магары и лимбу завоевали прочную репутацию как отличные плотники, каменщики и резчики по камню.

Однако племена тоже нуждаются в профессиональных кастах. Небольшая, но все возрастающая часть представителей племен, принявших индуизм, вынуждена прибегать к услугам брахманов. Абсолютное же большинство, сохраняя свои прежние племенные религии или приверженность к буддизму, переняло у индуистов сельскохозяйственную технологию, навыки в области приготовления пищи, шитья одежды и т. д. Поэтому они на первом уровне экономики уже не могут обходиться без услуг специализированных ремесленных каст, нечистых и неприкасаемых. Им нужны портные, кузнецы, ювелиры, кожевники-сапожники, а также музыканты, которых они приглашают для поддержания своего престижа. У племен когда-то, несомненно, были свои специалисты-ремесленники, но теперь им не обойтись без услуг низших индуистских каст. Племена могли бы вполне существовать без высших каст, но уже не могут жить без неприкасаемых и ремесленников некоторых чистых каст.

Кастовая система благодаря иерархическому построению и разделению труда способствует интеграции многочисленных народностей Непала в единое общество и единую экономическую структуру⁵⁵, так что, несмотря на то что она была на бумаге отменена в 1963 году, продолжает оставаться одним из важнейших факторов национальной интеграции.

ОТМЕНА КАСТОВЫХ ЗАКОНОВ

Вплоть до 1963 года касты в Непале официально признавались законом, и это выглядело как анахронизм. В Индии при англичанах, а затем после объявления независимости юридическое признание каст посте-

ленно отменялось. И даже больше того: были приняты законы, чтобы покончить с дискриминацией неприкасаемых и улучшить их положение. А в Непале ничто не менялось: суды продолжали выносить приговоры за нарушения кастовых правил и наказывать виновных.

Однако отмены закона о кастовых привилегиях пришлось ждать до 1963 года. В новом правовом кодексе касты просто не упоминаются. А в особом декрете того же года, опубликованном в официальном вестнике, говорится, что все старые, относящиеся к кастам законы отныне отменяются и суды не должны больше с ними считаться. Об улучшении участи низших каст не было сказано ни слова. Может быть, законодатели рассчитывали, что время покажет, что делать дальше?

Новое законодательство 1963 года было одобрено и утверждено представителями современной элиты, ощутившей веяния свободы. Оно не встретило особого сопротивления, потому что в конечном счете отменялось только официальное признание каст, а не сама кастовая система, которая в основном сохраняется. Наиболее эмансипированные непальцы прекрасно к этому приспособились и теперь ведут двойной образ жизни: они свободны, пока находятся вдалеке от своих, и подчиняются всем кастовым правилам, когда возвращаются в деревню, в семейную среду. Более ортодоксальные непальцы находятся в смятении: им приходится сохранять кастовые правила или то, что от них осталось, уже без помощи властей⁵⁶.

Мы проследили необычайно сложные подразделения народов Непала, насколько позволил уровень современных исследований.

Стоит этнографу оторваться от специальной научной работы в таком-то племени, такой-то касте, такой-то деревне, и ему сразу становится ясным деление всех жителей Непала на три большие категории: племена, представители каст и бхотии из тибетских анклавов. Бхотиев и других тибетцев — ничтожное меньшинство, менее 1 процента населения.

Представители «племен» составляют 20 процентов населения, они занимают второстепенное положение по сравнению с представителями каст (79 процентов), которые доминируют в экономическом и политическом плане. Индуистское влияние в широком смысле действует про-

тив племенной замкнутости, оно способствует унификации, а значит, утрате удивительного разнообразия, в котором всегда таилось очарование Непала. По-видимому, племена обречены на слияние с кастовым обществом в пока еще далеком будущем.

Кастовое общество состоит из четырех групп: парбатии, индуисты тераев, невары и мусульмане. В численном отношении преобладают парбатии, они доминируют и в области политики. Они создали объединенное Королевство Непал.

Непал был объединен во второй половине XVIII века. Превосходство парбатиюв в численности, военной организации и благодаря стремлению захватить власть никогда серьезно не оспаривалось в течение последних двух столетий. Однако из этого не следует, что все народы Непала образовали единое и однородное социальное и политическое целое.

Различия существуют. Политика насильственного их устранения была бы неразумной. Народам Непала предстоит пережить трудную эпоху всестороннего сближения и объединения.

Прежде чем наступит такое время, когда все граждане страны почувствуют себя сначала непальцами, а уже потом членами такого-то племени, такой-то народности или такой-то касты, им еще предстоит пройти долгий путь. Мы, во всяком случае, этого не увидим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Расовая группа, о которой говорит автор, не является веддоидной в полном смысле слова, хотя и имеет некоторые веддоидные черты. В советской этнографической литературе эту группу обычно именуют «восточноиндийский расовый комплекс» (см.: Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976, с. 13; Седловская А. Н. Малые народы Бихара. М., 1976, с. 26—27). В этом расовом типе сочетаются черты южных монголоидов, веддоидов и южных европеоидов. Наиболее типичными представителями его в Непале обычно считаются тхару, населяющие тераи (Южный Непал).

² Некоторые тибето-бирманские языки Непала носят следы влияния языковой группы мунда. Однако ни один из современных лингвистов не решается отнести к языкам мунда какой-либо из языков Непала (см.: Королев Н. И. Языки и письменность. Современный Непал. М., 1967, с. 50—55).

³ В советской непаловедческой литературе, как и в большинстве работ зарубежных непаловедов, принято считать непали не диалектом, а самостоятельным языком, который входит в группу языков пахари (Королев Н. И. Языки и письменность).

⁴ Некоторые зарубежные лингвисты на основе анализа грамматического строя сближают язык тамангов с невари (*Tuker F. Gorkha. The Story of the Gurkhas of Nepal. L., 1957, с. 271*), другие относят язык невари к группе тибето-бирманских языков, у которых находят общие черты в грамматическом строе. Кроме невари в нее включают языки магаров, гурунгов, тамангов, сунваров и ряда других народов (*Nepali G. S. The Newars. Bombay, 1965, с. 80*).

⁵ В Непале проживают многие этносы, которые в зарубежной литературе обозначаются термином «племя». Однако этот термин является условным и устаревшим, так как большинство этносов этой категории уже переросло стадию племенной организации и сохраняет ее лишь в пережиточной форме. Кроме того, вряд ли можно применить термин «племя» для обозначения народа, численность которого порой достигает нескольких сот тысяч человек. Самые крупные из них — таманги (518 тыс.), магары (254 тыс.), раи (240 тыс.), гурунги (157 тыс.), лимбу (140 тыс.), шерпы (84 тыс.), сунвары (13 тыс.) — по данным 1961 г.

За исключением, пожалуй, шерпов и сунваров, всех их можно характеризовать (пользуясь терминологией, принятой у советских этнографов) как «ассоциированные народности». Большинство представителей этих народов говорит на тибето-бирманских языках.

⁶ В настоящее время деревни тхару управляются деревенским панчаयтом во главе с «председателем» (прадхан панч).

⁷ Предки многих малых народов восточных тераев действительно говорили на языках группы мунда, однако в наше время они пользуются диалектами языков бенгали и майтхили.

⁸ Культурная и религиозная дифференциация в среде раджбаси явилась не следствием случайного стечения обстоятельств, а результатом процесса социального расслоения, которое в конечном счете привело к «расщеплению» их этнического единства.

⁹ Этот район, ограниченный с севера Главным Гималайским хребтом, а с юга — хребтом Сивалик, в непаловедческой литературе часто именуют Срединной землей или Срединной зоной.

¹⁰ «К у м х а л е» на многих языках Непала означает «г о н ч а р».

¹¹ Некоторые районы современных непальских тераев с глубокой древности не только испытывали влияние индийской цивилизации, но и являлись частью того региона (долина Ганга), где зарождалась и развивалась классическая индийская цивилизация (*Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973, с. 176).

Первое упоминание о других районах Непала (долине Катманду) в древнеиндийских источниках относится приблизительно к III в. до н. э., что можно рассматривать как косвенное свидетельство установления связей между Северной Индией и долиной Катманду — самым развитым в ту эпоху районом Непала. Через Долину осуществлялись контакты между Индией и другими районами Непала, а также Тибетом. Результатом этих контактов можно считать появление в долине Катманду буддизма (III—II в. до н. э.), а позже и индуизма.

¹² Сохранение в той или иной степени натурального хозяйства в Непале и его преобладание в некоторых районах можно объяснить экономической отсталостью последних и их географической изолированностью. В наиболее полной форме натуральное хозяйство сохранилось на севере страны, у этнических групп тибетского происхождения (см.: *Яковлев Г. И.* Положение в сельском хозяйстве и аграрная политика непальского правительства. — Непал: история, этнография, экономика. М., 1974, с. 89, 93, 96).

¹³ Р а к с и — непальская водка домашнего производства. Сырьем для ее изготовления служит в основном рис.

¹⁴ Среди магаров насчитывается около двадцати кланов (тхаров); члены каждого тхара считают, что они произошли от общего предка. Тхар состоит из групп родственных семей — экзогамных линиджей.

¹⁵ У северо-западных магаров земледелие развито меньше, чем скотоводство. Это объясняется суровым климатом района их расселения (см.: *Bista D. B.* People of Nepal. Calcutta, 1967, с. 58; *Watters D.* Siberian Shamanistic Traditions among the Kham-Magars of Nepal. — Contributions to Nepalese Studies. Kathmandu, 1957, с. 123).

¹⁶ Термин «рама» («рма», «арма») все более вытесняется в среде магаров общепепальским термином «джханкри», используемым для обозначения шаманов различных категорий (*Watters D.* Siberian Shamanistic Traditions, с. 125).

¹⁷ Многие элементы верований, ритуала и шаманских атрибутов сближают шаманизм ряда народов Непала с добуддийскими верованиями Тибета, а также центральноазиатским и сибирским шаманизмом. В Непале северные элементы шаманизма проявляются ярче всего именно у кхам-магаров (см.: *Watters D.* Siberian Shamanistic Traditions, а также: *Львов Э. Л.* Материалы к изучению истоков шаманизма. — Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984, с. 84—93).

¹⁸ Согласно данным некоторых этнографических исследований, магары прибегают к услугам брахмана не в день рождения, а в день

нарёчения младенца (см., например: *Bista D. B. People of Nepal*, с. 62).

¹⁹ Видимо, в данном случае автор называет индустами непалиязычные касты брахманов, тхакуров и чхетри.

²⁰ Среди этносов Восточного Непала преобладает южноазиатский монголоидный тип. Внешне представители этого типа отличаются от тамангов и тибетцев, которые относятся к восточному (тихоокеанскому) типу монголоидов.

²¹ Вопрос о классификации языков Восточного Непала до конца не решен. Советские лингвисты, как правило, относят их к тибето-бирманской группе китайско-тибетской семьи языков (см.: *Королев Н. И. Языки и письменность*, с. 51—52).

²² Районы, где правили князья из династии Сен, принято называть Центральным и Восточным Непалом.

²³ Известный непальский этнограф Д. Б. Биста считает, что джирел и «Десять кланов» обозначает одну и ту же группу; синонимами являются также названия «сунвары» и «Двенадцать кланов». Он считает, что первые отличаются от вторых религиозной принадлежностью: джирели — буддисты, сунвары — индусты (*Bista D. B. People of Nepal*, с. 66).

²⁴ О лимбу подробнее см.: *Редько И. Б. Очерки социально-политической истории Непала в новое и новейшее время*. М., 1976.

²⁵ Прежде гурунги занимали более обширную территорию. В XVI—XVIII вв. гурунги были значительно потеснены кхасами и, возможно, магарами.

²⁶ Д. Б. Биста называет эту категорию старейшин линиджей «чива» (*Bista D. B. People of Nepal*, с. 73).

²⁷ Некоторые исследователи считают, что индуизм и идеи кастовости приобретают среди гурунгов все большее значение.

²⁸ Этноним «таманг» появился задолго до Джанг Бахадур Рана, жившего в XIX в. Таманги упоминаются в истории Южного Тибета и Бирмы; видимо, «таманг» своего рода «скользящий этноним» (см.: *Стратанович Г. Г. Проблемы «скользящих этнонимов»*. — Этнонимы. М., 1970). Как справедливо замечает М. Габорио, этимология этого этнонима связана со значениями «конница» или «всадники».

²⁹ Обряд повторного захоронения или его пережитки у ряда народов Непала весьма близок аналогичному обряду некоторых народов Юго-Восточной Азии и Индокитая, что во многом можно объяснить общностью происхождения этих народов. Не исключено, что определенную роль сыграли заимствования (см.: *Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая*. М., 1976).

³⁰ Кроме гомба и чортонов у тамангов существуют храмы-гхьянг.

³¹ В непаловедческой литературе тхакали часто рассматриваются как типичный для Непала пример «расщепления» этноса на базе социального расслоения в сочетании с воздействием индуизма и идей кастовости (см.: *Редько И. Б. Очерки социально-политической истории Непала*, с. 221). Наиболее индуизированные тхакали рассматривают себя как касту более высокого статуса, чем остальные тхакали, и стараются на этом основании войти в кастовую систему. Данный процесс не следует рассматривать как ассимиляцию в этническом плане.

³² Говоря об индо-непальцах, автор, видимо, имеет в виду непалиязычное население Непала; по традиции ему приписывается индийское происхождение. В непаловедческой литературе отсутст-

вует устойчивый термин для обозначения общности людей, для которой родной язык непали. Это связано, по-видимому, с расплывчатым характером этой этнической группы, разделенной на несколько субэтносов (каст и региональных групп). Их называют по-разному: кхас-бахун, «первые гуркхи», гуркхи, парбатии, бахун-чхетри и др. Термин «индо-непальцы» для обозначения парбатиюв применяется довольно редко. В контексте книги М. Габорию наиболее приемлем термин «парбатии» — литературная форма этнонима «парбате».

³³ В Непале ритуальная чистота не соблюдается столь строго, как в Индии (см.: *Редько И. Б.* Очерки социально-политической истории Непала, с. 20—21; *Putnam A.* Contributions to Nepalese Studies, с. 11-17).

³⁴ Автор не приводит в своем списке коренных жителей древней Индии, которые в антропологическом, языковом, а первоначально и в культурном отношении резко отличались от пришельцев-ариев. Большинство их было низведено до положения шудр и неприкасаемых (см.: Новые данные к антропологии Северной Индии. М., 1980, с. 12—14).

³⁵ В истории Индии известны случаи, когда правителями становились не только кшатрии, но и брахманы, вайшьи и даже шудры.

³⁶ К этим трем чертам касты можно добавить еще одну — единство территории расселения членов касты.

³⁷ В Непале правители нередко вмешивались в отношения между кастами или изменяли их традиционный статус.

³⁸ В Непале обычай сати был отменен законом в середине XIX в.

³⁹ Большинство историков считает, что прежде распределение земельных владений в Непале осуществлялось преимущественно на основе заслуг перед тронем в военной, административной или религиозной областях. Большинство земельных владений все еще находится в руках брахманов и кшатриев, прежде всего парбатиювского происхождения. В наше время сохраняется их социальное, экономическое и политическое доминирование.

⁴⁰ Гутхи — это система землевладения, а также социальный институт, характерный для неваров долины Катманду. Гутхи включает в себя представителей различных каст, объединенных в ассоциации с целью проведения религиозных, похоронных и иных церемоний, взаимопомощи или с благотворительными целями. Некоторые разновидности гутхи носят черты церковного землевладения. Площадь земель гутхи в общем земельном фонде страны незначительна.

⁴¹ Неварские неприкасаемые, в частности уборщики нечистот играют важную роль в хозяйственном механизме Долины, поскольку одна из их функций — доставка удобрений на поля неварских крестьян (см.: *Иванов Б. А.* Особенности социальной структуры неваров долины Катманду. — Страны Южной Азии: история и современность. М., 1976, с. 114—115).

⁴² Существует предположение, что некоторые касты неварских неприкасаемых — потомки коренных жителей Долины (*Nepali G. S.* The Newars, с. 31).

⁴³ Судя по контексту, автор, возможно, объединил в одном понятии («каста землевладельцев») касты брахманов и кшатриев, в чьих руках находится основная часть обрабатываемых земель, с понятием «земледелец». См. примеч. 39.

⁴⁴ Кратко систему «джаджмани» можно характеризовать как систему обмена услугами и продуктами труда между кастами в со-

ответствии с представлениями о статусном приоритете. Эта система существует в разных вариантах в тераях, у парбатиев и у неваров, хотя за пределами тераев термин «джаджмани» не употребляется.

⁴⁵ Видимо, не следует рассматривать население тераев как этнически однородное: во-первых, как уже отмечал сам автор, население тераев говорит на многих языках; во-вторых, оно никогда не осознавало себя этнически целым; в-третьих, в результате миграции в настоящее время в тераях поселилось много выходцев из горных районов и Северной Индии.

⁴⁶ В настоящее время по крайней мере большинство шрештха не претендуют на принадлежность к кшатрийскому статусу. До завоевания долины Катманду Притхви Нараян Шахом в 1769 г. некоторые нынешние подкасты шрештха (прежде, очевидно, самостоятельные) считались кшатриями, однако после завоевания они приобрели статус, близкий статусу вайшьев.

⁴⁷ Князья из династии Малла правили в княжествах долины Катманду до 1769 г.

⁴⁸ Существуют локальные варианты культа Мачхендранатха: в Катманду его почитают как Рато (красный) Мачхендранатх, а в Лалитпуре как Сето (белый) (подробнее см.: *Празаускас А. А. Индуистский пантеон в Непале*. — Непал: история, этнография, экономика. М., 1974).

⁴⁹ Кхасы упоминались уже в древнеиндийских источниках, относящихся по меньшей мере к первым векам нашей эры (*Bertram G. Hindus of the Himalayas*. Berkeley, 1972, с. 15—17).

⁵⁰ Горкха — в настоящее время небольшое селение, в прошлом — центр одноименного княжества, правящая династия которого (династия Шахов) в лице Притхви Нараян Шаха и его наследников создала единое государство Непал (вторая половина XVIII — начало XIX в.).

⁵¹ Конфедерации княжеств Баиси и Чоубиси существовали примерно с XIV до конца XVIII в.

⁵² Отсутствие каст торговцев в среде парбатиев, видимо, можно объяснить общим невысоким уровнем развития их хозяйства и его специализации, а также тем, что основные торговые пути между Индией и Тибетом до середины XVIII в. проходили за пределами территории их расселения. Князья Чоубиси еще до завоевания Долины с целью налаживания торговли в своих княжествах приглашали псеварских торговцев селиться в своих владениях. Мусульмане также вели торговлю в среде парбатиев.

⁵³ В долине Катманду этот праздник именуют «ямпанчак». Он состоит из серии отдельных празднеств.

⁵⁴ Ортодоксальные индуисты всегда рассматривали всех мусульман как низкую, нечистую касту. В наше время такое отношение к мусульманам продолжает сохраняться среди индуистов тераев, что, по-видимому, связано с существованием определенной напряженности в отношениях между этими группами. В других же районах они рассматриваются как каста, имеющая, как правило, средний статус (*Bista D. B. People of Nepal*, с. 130—131; *Gaborieau M. Minorités musulmanes dans le royaume hindou du Népal*. Labethno, 1977).

⁵⁵ Большинство советских и зарубежных исследователей экономического развития Непала сходятся во мнении, что в современном Непале еще не сложилась единая экономическая структура. Отмечается, что в силу общей (в первую очередь экономической) отсталости и недостаточного развития средств транспорта в стране сохра-

няются географический и экономический обособленные районы (см.: Костинский Д. Н. К вопросу об экономико-географическом районировании Непала.— Непал: история, этнография, экономика. М., 1974).

⁵⁶ В современном непальском законодательстве есть статья, в соответствии с которой запрещается оскорблять религиозные чувства верующих. Но это положение, как правило, трактуется в пользу высоких каст. Отмечались случаи, когда появлявшиеся в индуистском храме Пашупатинатх неприкасаемые выдворялись полицией, поскольку своим присутствием «оскорбляли чувства верующих» из высоких каст.

А. А. Ледков

Предисловие (<i>И. Б. Редько, А. А. Ледков</i>)	3
Вместо введения	15
Племена	18
Племена тераев	18
Тхару	18
Племена восточных тераев	22
Речные племена	26
Племена Срединной земли	28
Разрозненные племена	28
Кочевники	28
Оседлые племена	31
Раджи	31
Чепанги	32
Вайю	34
Одержимость и ритуалы	34
Большие племена Срединной земли	35
Магары	36
Сверхъестественное в жизни непальцев	44
Кираты Восточного Непала	44
Сунвары	49
Раи	51
Лимбу	53
Племена тибетского происхождения	61
Гурунги	63
Пищевые запреты и правила приема пищи	69
Таманги	70
Смерть	74
Тибетские анклав	74
Экзогамия, эндогамия и гипергамия	84
Бонпо	85
Представители каст	86
Общие сведения	86
Несколько слов о классической теории каст	86
Действительность нашего времени	89
Ритуал	97
Отказ от мира	103
Коллективные ритуалы	104
Чрезвычайный ритуал	105
Экономическая взаимозависимость каст	106
Касты землевладельцев	107
Профессиональные касты	109
Отношения между кастами землевладельцев и профессиональными кастами	113
	183

Различия между группами	115
Индуисты тераев	115
Дваждырожденные землевладельцы	116
Профессиональные касты тераев	118
Ритуал	121
Крупные торговцы	122
Мусульмане	122
Мусульмане тераев	123
Мусульмане горных районов	128
Мусульмане долины Катманду	130
Ритуал	131
Основной ритуал	131
Экстраординарный ритуал	133
Невары	134
Система индуистских каст и дваждырожденные	135
Буддийские касты	136
Касты среднего и низшего статуса	139
Социальная структура	141
Ритуал	143
Праздники	146
Экстраординарный ритуал	148
Индо-непальцы, или парбатии	149
Касты	150
Чистые касты	151
Нечистые касты	154
Отношения между кастами	158
Ритуалы	160
Монархия и национальная интеграция	167
Кастовая система	167
Отмена кастовых законов	174
Примечания (А. А. Ледков)	177

Марк Габорио НЕПАЛ И ЕГО ЖИТЕЛИ

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Р. Г. Стороженко. Младший редактор Г. А. Аристова. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Л. М. Кольцина

ИБ № 15300

Сдано в набор 21.01.85. Подписано к печати 07.06.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66+0,84 вкл. на мел. бум. Усл. кр.-отт. 11,03. Уч.-изд. л. 11,31. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5807. Зак. № 63. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28